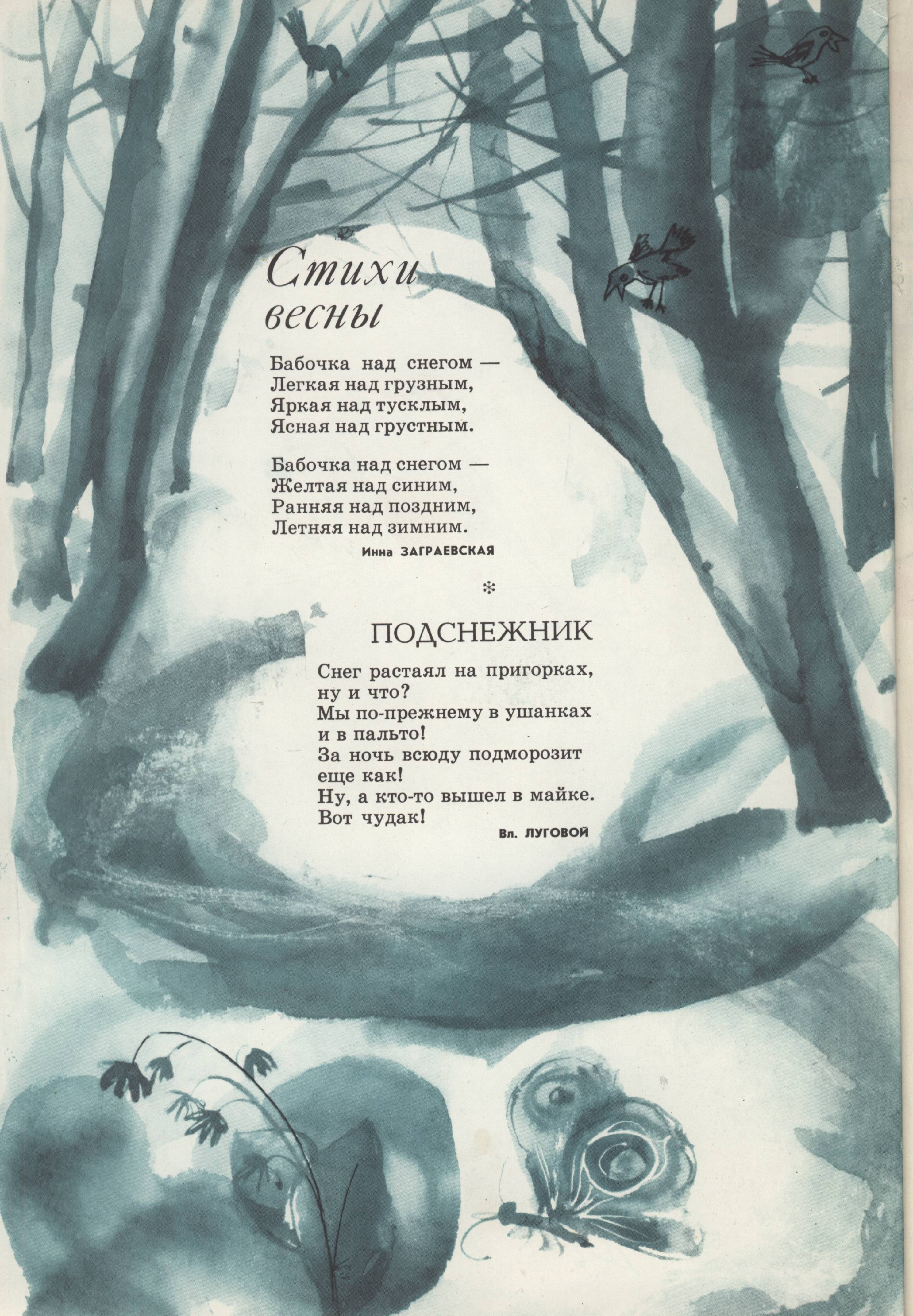
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

АПРЕЛЬ № 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Стихи весны

Бабочка над снегом —
Легкая над грузным,
Яркая над тусклым,
Ясная над грустным.

Бабочка над снегом —
Желтая над синим,
Ранняя над поздним,
Летняя над зимним.

Инна ЗАГРАЕВСКАЯ

*

ПОДСНЕЖНИК

Снег растаял на пригорках,
ну и что?
Мы по-прежнему в ушанках
и в пальто!
За ночь всюду подморозит
еще как!
Ну, а кто-то вышел в майке.
Вот чудак!

Вл. ЛУГОВОЙ

Выходит с марта 1924 года

ПИОНЕР

4

АПРЕЛЬ

издательство «Правда»

1968 г.

Вот он, новый, четвертый номер.

Тут есть рассказ А. А. Дорохова, живое свидетельство того, кто своими глазами видел, своими ушами слышал Владимира Ильича.

Берег Тихого океана. Здесь, «На лодочной станции» — так называется рассказ О. КУЗНЕЦОВА,— происходит прямо в лодке разговор старого солдата с одним мальчишкой. Они говорили... Впрочем, ты сам узнаешь, о чем и что еще случилось тогда же...

БЕРЕГ ЧЕРНОГО МОРЯ. Одесса. Порт. Пирсы и волнолом. Корабли со всего света и моряки. Портальные краны, грузчики и сигнальный маяк — все это и многое еще другое нарисовал для нас художник БОРИС КЫШТЫМОВ, а рассказал о порте писатель А. С. НЕКРАСОВ.

Прочти веселый рассказ С. Вольфа «Рыба большая, как лошадь» — и ты узнаешь еще одну историю о рыбаке и рыбке.

В номере стихи замечательной поэтессы АННЫ АХМАТОВОЙ.

Вопросы заданы, ответы получены, подсчитаны, обдуманы и... **Сами читатели говорят о «Пионере»**, а «ПИОНЕР» делает из их слов выводы.

Вода, которую мы пьем. Вода, которой мы умываемся,— СЛАДКАЯ, ЧИСТАЯ, ВОДОПРОВОДНАЯ... Но что ты знаешь о ней, о воде, которая везде и повсюду нужна? ЧИТАЙ ОЧЕРК В. МОЕВА.

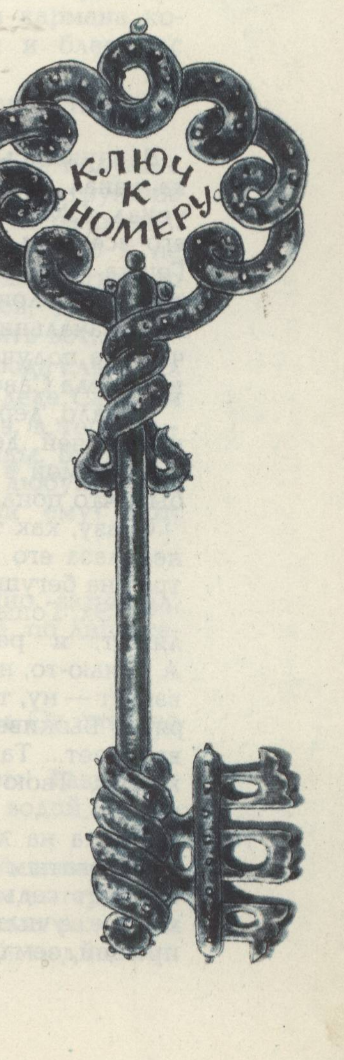
В разделе «Надо посоветоваться» в этот раз некоторые девочки обижаются на некоторых мальчиков и... **Кто же прав?**

ВНИМАНИЕ! **Даем крупным планом страшного зверя пустыни! Он сфотографирован и подробно описан Николаем Сладковым.**

Кто таков **Дахо,** ты узнаешь из старинных рассказов о нем. Правда, в эти истории **довольно трудно поверить**, но зато сам **Дахо** ничуть не сомневается в собственной правоте...

В этом номере оканчивается повесть «Мальчик с разбитой коленкой» и продолжается фантастический роман «Гости с Миона», **а в следующем номере мы обещаем начать новую ПОВЕСТЬ.**

В ЖУРНАЛЕ МНОГО ВСЕГО, О ЧЕМ «КЛЮЧИК» НЕ УПОМИНАЕТ, ЗНАЯ, ЧТО ТЫ, ЧИТАТЕЛЬ, НИЧЕГО НЕ ПРОПУСТИШЬ.

НА ЛОДОЧНОЙ СТАНЦИИ

РАССКАЗ

Олег КУЗНЕЦОВ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

1

Вернувшись из пионерского лагеря, Гошка узнал от товарищей, что дед Савелий уехал в Майкоп, к своему сыну. «Выжил его все-таки ревун»,— с грустью подумал Гошка и направился к морю. Он брел, опустив голову, стараясь представить нового начальника лодочной станции, но ничего не получалось. И Гошка стал вспоминать деда Савелия.

Бывало, держа на согнутом пальце связку ключей, дед шаркал ногами по песку:

— А мой в твои лета тоже ох и легкий был, что поплавок на воде держался!

Сразу, как только дед заговаривал о сыне, глаза его тускнели, он вздыхал и смотрел на бегущие волны.

— Эх, Гоша, туман натягивает. К вечеру ляжет, и ревун будет шакалом выть. А ночью-то, ночью, проклятый, как взвоет, взвоет — ну, точно кто в сердце ножом пыряет! Выживет он меня отсюда. Ей-богу, выживет... Так ты на лодочке хочешь? На ключи. Твою пятьдесят пятую я никому не даю.

Гошка на лодке уходил в море. Дышал солоноватым ветром и мечтал о своем: вот окончит седьмой класс, поступит в мореходное училище, станет штурманом — и прощай, земля! Поведет он свой теплоход от порта к порту и даже в «загранку». Да-да... А дед Савелий привыкнет к ревуну, и еще он, Гошка, возвращаясь из далеких морей, будет заходить к деду в гости...

— Не привык. Уехал! — вслух пожалел Гошка.

У конторки лодочной станции двое мужчин о чем-то говорили и смеялись. Но вот который повыше и поплечистей вынул из кармана связку ключей, и блеск ее, такой привычный, вдруг защипал Гошке глаза. Он, хмурясь, прищурился, а мужчины уже шагали от лодки к лодке. Цепко, придирчиво следил Гошка за новым начальником. Нет, он нисколько не похож на деда Савелия. У деда лицо доброе и тоскливое, а у этого — жесткое, и шагает он твердо, так и вбивает ноги в песок; грудь выпятил — ясное дело, хвастает, что теперь он хозяин над всеми лодками.

— Бери эту, — остановился начальник.

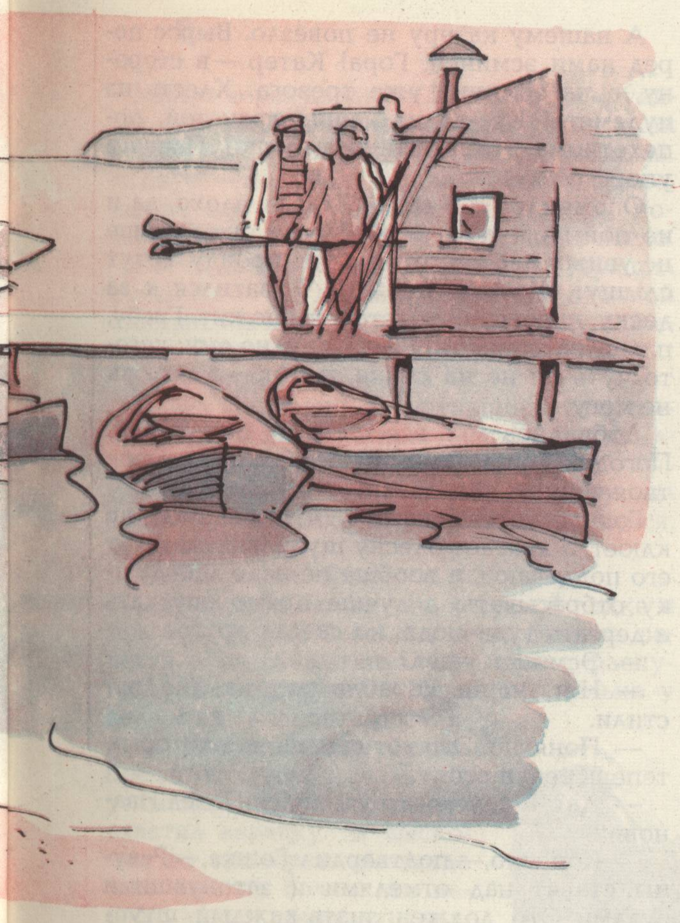
— Эта моя! — кинулся Гошка к мужчинам.— Моя!

Начальник удивленно оглядел подростка.

— А ты кто такой?

— Никто! Моя лодка, я хожу на ней в море.

Мужчина, которому начальник предложил Гошкину лодку, развел руками:

У конторки лодочной станции двое мужчин о чем-то говорили и смеялись.

— Ну что ж, я согласен и на другую сесть.

Но начальник преспокойно сказал ему, что ничего подобного, сядет на эту. Тогда Гошка запрыгнул в лодку. Он никому не даст ее. Пусть хоть милицию вызывают!

На шум пришли какие-то женщины, и начальник, смутившись, процедил прямо в ухо Гошки:

— Покупай билет.

Гошка стих. Покупать билет? Да он сроду ни одного билета не купил. Даже в самый первый день, когда открылась лодочная станция. Тогда Гошка пришел сюда просто так, посмотреть, и увидел, как дед Савелий чинил лодку. Он помог ему, а вечером дед покатал по заливу. Гошке понравилось, и он стал приходить к деду. Они вместе просмаливали и красили лодки, выстругивали весла. А по воскресеньям, если много было народа, так Гошка сам продавал билеты — помогал деду. А теперь... Да, конечно, теперь надо брать билет.

— У меня денег нет,— буркнул Гошка и подавленно вышел из лодки.

Мужчины столкнули на воду пятьдесят пятую — она закачалась, легкая, голубая. Гошка сам проконопатил, просмолил и покрасил ее, сам три дня стеклом отшлифовывал весла. Нет, он не мог смотреть, как в нее садится чужой...

— Э, э, погоди! — окликнул его из лодки мужчина.— Я взял билет. Вдвоем на один билет, все правильно.

Гошка исподлобья глянул на мужчину: хотелось немедленно уйти, и в то же время очень хотелось в море. Шутка ли, почти месяц он прожил в лагере среди сопок и деревьев у какой-то паршивой речушки.

Мужчина ждал. Гошка колебался. Волны, растекаясь по песку, что-то шептали. Чайка пролетела над головой Гошки и с веселым криком унеслась вдаль.

— Ладно. Только я за весла сяду.

— Садись, из меня гребец неважный. Как звать-то?

— Гошка.

— А меня Павел Иванович.

Начальник лодочной станции курил сигарету. Ветер сносил на Гошку ее ужасно вонючий дым.

Подросток с силой оттолкнул лодку. Поставил ноги на упоры, слегка согнул колени. Весла мягко врезались в волну. Греб он быстро, без брызг, как учил дед Савелий. Пусть видит этот новый, что он, Гошка, не лыком шит.

— Не дальше трехсот метров,— предупредил начальник и пошел к конторке.

Павел Иванович достал из кармана кожаной куртки моток лески и блесну с крючком-тройником.

— На кальмаров хочу поохотиться. Говорят, забавная штука.

— Так себе,— сказал Гошка и подумал: «Не дальше трехсот. Вон как инструкцию соблюдает. Дед Савелий тоже не разрешал. А мне было можно. Дед знал, что я не только на лодке, а даже вплавь отмахаю целую милю... Триста метров, да какой интерес у берега торчать? Взять вот...»

— Погоди, Гоша, погоди. Вроде клюнуло.

Гошка опустил весла. При деде Савелии он мог и мальчишек покатать, а теперь — нате. Сиди и исполняй команды. Будь еще радешенек, что весла дали, и любуйся, как ловят кальмаров. Зачем они ему? Вот, тащит.

— Ха-ха-ха-а.

Павел Иванович растерянно заморгал, улыбаясь. По всей его куртке, по лицу текла коричневая жидкость.

— Чем это он, а?

Гошка захлебывался смехом. Он смеялся громко и совсем беззлобно.

— Ох, и потешный же вы! Разве так ловят? Кальмара нужно над водой подержать, пусть чернила выпустит.

— А откуда я, материковый, знаю? В отпуске я тут.— Павел Иванович вытер платком лицо, с минуту разглядывал зажатого в кулаке кальмара, бросил себе под ноги.—

Действительно забавная штука. Еще попробую.

Начальник, услышав смех, остановился. Гошка заметил это, смолк, насупившись. Когда начальник скрылся в конторке, Гошка спросил:

— Он ваш знакомый, что ли?

— Друг.

— Х-хорош друг! Денежки содрал. Разве друг заставит билет брать?

— А как же? Лодки-то не его.

На спину Гошки лег холодок. Под веслами поползли клочья тумана. Гошка оглянулся — море точно кто задернул сырыми шторами.

— И тогда был такой же туман. Точь-в-точь,— сказал Павел Иванович.

— Когда тогда?

— В сорок пятом.

Слева от лодки взвыл ревун, встревоженно и четко.

2

— Служил я, значит, в пехоте, а тут вдруг посадили нас на корабли, и всю ночь плыли мы через Татарский пролив к Южному Сахалину.— Павел Иванович зачем-то поплевал на крючок-тройник и метнул его за борт.— Утром корабли стали. Спустили нас на воду на рыбацких катерах. Командование, значит, на хитрость пошло. Подойти решило к городку под видом японских рыбаков. Ну, вроде свои идут в свой порт. Плывем, туманище — вот такой же, хоть руками рви. И вот слышим: «Бац! Бац!» — и началось. С передних наших катеров солдаты уже где-то на берегу. Вышло, значит. Обманули самураев!..

— Погоди, Гоша, погоди. Вроде клюнуло.

А нашему катеру не повезло. Вырос перед нами эсминец. Гора! Катер — в сторону, а на эсминце уже тревога. Хлесть из пулемета! Кто-то из наших гранатой, попехотному. Но и нам... Из пушки. Почти в упор.

Опомнился я в воде. Плавал плохо, да и не пойму, куда плыть. Думал, уж больше не увижу небо и по земле не пройду. И тут слышу: «Браток, держи!» Ухватился я за доску, чувствую: толстая, выдюжит. Гребу, плыву за моряком. Вижу, трудно ему: кого-то чуть ли не на спине тащит,— а помочь не могу.

Добрались мы все-таки до берега. О!.. Погоди, Гоша. Еще клюет. Давай, душа твоя чернильная, давай!

Гошка хотел сказать, что кальмар не клюет, а хватает блесну щупальцами, и тут его поддевают, и вообще не надо закидушку отбрасывать, а лучше прямо опускать и дергать туда-сюда, но сказал другое:

— Эсминец ушел?

— Нет, наши корабли его на дно пустили.

— Понятно. Это тот самый, над которым теперь ревун стоит.

— Да? — почему-то удивился Павел Иванович.

— Конечно,— подтвердил Гошка.— Ревуны ставят над отмелями и затонувшими судами. Это должен знать каждый штурман.

Гошка спохватился: сболтнул лишнее. Но Павел Иванович, кажется, ни о чем и не догадался. Он быстро, увлеченно выбирал леску. Над водой, как мокрая швабра, повис кальмар. С него скапывало.

— А после что было? — спросил Гошка.

— После? Ого, как стреляет, дьявол... Освободили город — и вот ты живешь в нем. А моряка тогда ранили. Щуплый такой самураишко из окна дома ножом в него кинул.

— Н-ножом? И что?

— Живет моряк. Как думаешь,— кивнул Павел Иванович на кальмара,— отстрелялся? А может, еще подержать, а?

Ревун вдруг как-то странно замычал, всхлипнул и умолк. Гошка вскочил: что с ревуном? Такой туманище, а он умолк.

3

Минут через двадцать Гошка смутно увидел, что на бочке, на которой установлен ревун, кто-то лежит, большой и мокрый. «Сивуч, — подумал Гошка. — Вот зверюга, нашел где отдыхать. Ревун, небось, помял?» И он выдернул из уключины весло.

Но, подплыв ближе, Гошка вытаращил глаза: на бочке лежал начальник лодочной станции. Начальник повернул голову и преспокойно, точно стоял на берегу, приказал:

— Задержите лодку.

Павел Иванович, засуетившись, запутался ногами в леске, а крючок-тройник впился в рукав его куртки.

Гошка решил, что Павлу Ивановичу, человеку с материка, с этим не справиться, и сказал:

— Вы сидите. Я сам.

Он изо всех сил погреб к пустой лодке и прыгнул в нее. С носа в воду свисала веревка. Гошка вытянул ее — конец распущен. «Не выдержала! Конечно, сколько у деда под лавкой провалялась. Сопрела уж». Гошка представил, как начальник, услышав, что смолк ревун, схватил веревку и выскочил из конторки. А когда уже был на бочке, то, небось, хотел привязать лодку, а веревка лопнула...

Начальник возился с ревуном. Неудобно ему было на осевшей почти до краев, раскачивающейся бочке — волны перекатывались через ноги.

Гошка забыл всю обиду на начальника. Гошке хотелось чем-нибудь помочь ему, но он не знал чем.

Вокруг туман, и, наверное, оттого, что под ним вскидывались волны, он вздрагивал, как студень. Сквозь тишину длинно тянулся из порта невнятный гул. И вдруг ревун, квакнув, заревел предупредительно и властно, делая короткие перерывы, словно в эти мгновения вбирал в свои железные легкие воздух.

Гошка подвел к бочке лодку и помог начальнику залезть в нее.

— У-уу! — прогудел неподалеку пароход.

— Грузовой, — заговорил Гошка.

— Верно, «Шкипер Гек».

«По гудку? Здорово определяет, — одобрил Гошка. — А может, просто знает время прихода? Но с ревуном все равно здорово! Не стал ждать катер маячной службы, сам сделал».

Начальник стянул сапоги, снял пиджак — через мокрую рубаху синими полосами просветилась тельняшка.

— Вы плавали, что ли?

— Плавал.

— А зачем же в начальники пошли?

— Дотошный ты, смотрю... Списали по состоянию здоровья.

— Это вас-то? Вон какой сильный!

— Был сильный... как врачи забракуют, уже не сильный.

— Врачи все такие, — сочувственно сказал Гошка. — Зимой к нам в школу всей больницей явились, увидели, на руке прыщик и: «Что это у тебя, мальчик? Больно?» «Нет, говорю, щекотно». Не поверили. Стали щупать и еще зеленкой прижгли. А вас, небось, из-за шрама, да?

— Он ни при чем. С войны отметина.

— А как он у вас? — не унимался Гошка.

— Япошка ранил. Ножом.

— Так это... вы! Вот здорово! — И Гошка, выпустив весла, развел руками, словно хотел обняться. — А я-то, балда, не докумекал, о ком Павел Иванович рассказывал.

Лодка до половины своей длины вползла на песок и замерла, через пару минут

— Задержите лодку,— приказал начальник.

достиг берега и Павел Иванович, и начальник ушел с ним в конторку.

Гошка почувствовал, что ему тут уже нечего делать. Но уходить не хотелось. Было неловко, что утром устроил шум.

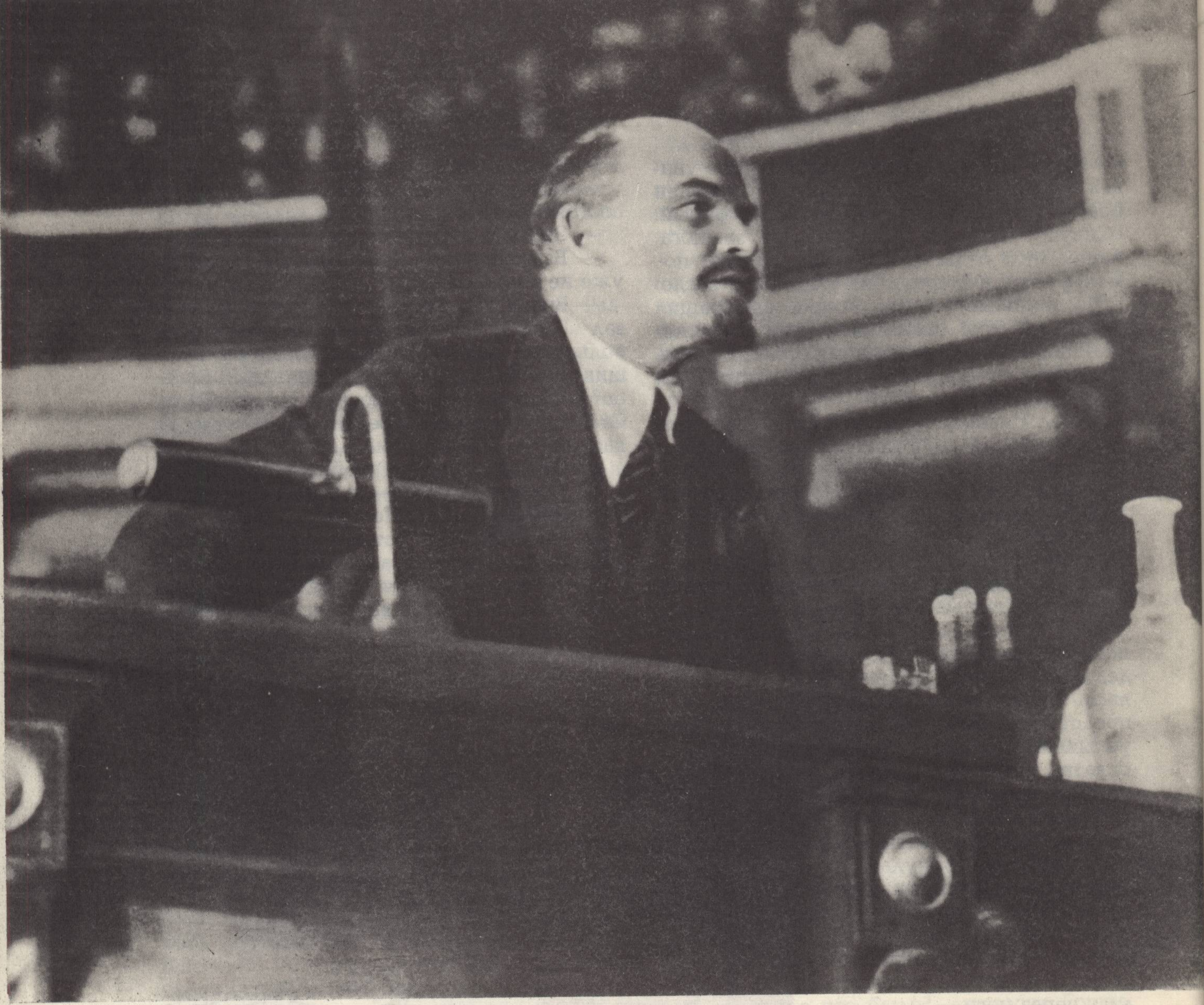
«Вот... — гладил Гошка пятьдесят пятую, — думал... А начальник вон какой!»

Дверь конторки открылась.

«Небось, сердится на меня», — подумал Гошка и увидел, что начальник, переодетый в сухое, улыбнувшись, как-то смущенно почесал ухо.

— Слушай, браток, в общем, как говорят, не в службу, а в дружбу, сбегай-ка за сигаретами.

— Есть сбегать за сигаретами! — по-матросски отчеканил Гошка и, обрадованно улыбаясь, добавил: — В дружбу!

А. ДОРОХОВ

на трибуне— ЛЕНИН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Небольшой квадратик бумаги. На нем два слова—«Пропуск всюду», подписи и печать.

Сегодня такой пропуск кажется почти фантастическим. Как же это так «всюду»?

Но тогда, летом 1920 года, не особенно задумывались над тем, соблюдена ли привычная форма. Главное, чтобы было написано решительно и просто. И тем, кому в те дни было поручено принимать в Петрограде делегатов второго Конгресса Коминтерна — международной организации коммунистов,— выдали именно такие пропуска вместо доброго десятка всяких других.

Потому что время тогда было суровое. Петроград оставался еще, по существу, осажденным городом. Белогвардейские банды царского генерала Юденича, пытавшегося в октябре 1919 года захватить Петроград, были только отогнаны от городских застав. Они не отказались еще от мысли овладеть колыбелью революции. Да и внутри города затаилось немало врагов. Диверсанты готовили покушения, устраивали поджоги, вели злобную агитацию в надежде свергнуть Советскую власть.

Петроград жил, как военный лагерь. Даже в подъезде Дома Советов, где было тогда общежитие горкома комсомола, всегда стоял нацеленный прямо в двери пулемет с заложенной лентой патронов, а возле него сидел наготове солдат-пулеметчик.

Ни в одно учреждение нельзя было войти без пропуска, минуя вооруженного постового. Специальные пропуска требовались

даже для входа в иные комнаты. И только такой «Пропуск всюду», введенный на дни Конгресса, давал возможность получившему его проникать через любые посты, не тратя лишнего времени, и успевать выполнять свои обязанности.

А обязанностей у любого партийного, советского, комсомольского работника бывало в те годы помногу. Мне, например, довелось не только редактировать первый комсомольский журнал «Юный пролетарий» и молодежную газету «Смена», но и выполнять много других поручений. В частности, я был петроградским уполномоченным КИМа — Коммунистического Интернационала Молодежи.

И вот на мою долю выпала связь с теми представителями революционных юношеских организаций, которые приехали делегатами на Конгресс. Я должен был их встречать, помогать объясняться с окружающими тем, кто не знает русского языка, заботиться об их размещении, снабжать изданной к Конгрессу литературой и, конечно, наделять в изобилии журналом «Интернационал молодежи», который мы умудрялись печатать сразу на трех языках — немецком, английском и французском.

Торжественное открытие Конгресса было назначено на 19 июля 1920 года. Его было решено провести в Петрограде, городе Октябрьской революции.

Ранним утром площадь у Московского вокзала уже бурлила, заполненная тысячами людей. Представителей коммунистических партий всех стран мира пришли встречать рабочие петроградских фабрик и заводов, солдаты расположенных в городе полков, матросы с кораблей Балтийского флота. Повсюду над толпой развевались знамена прославленных в революционных боях питерских заводов. Смешиваясь, переплетались звуки оркестров, с которыми подходили все новые и новые колонны.

Посредине площади мрачно следило за всем этим «пугало» — царь Александр III, памятник которому революционный народ оставил на месте, снабдив лишь ядовитой надписью, сочиненной поэтом Демьяном Бедным:

Мой сын и мой отец народом казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки свергнувшей ярмо самодержавья.

На перроне вокзала собрались представители организаций. Вдоль платформы построился почетный караул курсантов и кронштадтских матросов.

С каждой минутой нарастало волнение встречи.

И вот издалека на путях показался приближающийся поезд. Постукивая на входных стрелках, медленно двигался украшенный флагами и гирляндами зелени паровоз. Все замерли в ожидании. Дирижер военного оркестра поднял палочку.

Наконец поезд остановился, раздались звуки «Интернационала», и делегаты стали выходить из вагонов. Все смешалось в приветственных восклицаниях, рукопожатиях, поцелуях, смехе. Ведь здесь встречались люди, хорошо знавшие друг друга по именам, но порой разделенные морями и океанами, тюремными стенами, подпольем и никогда раньше еще не имевшие возможности увидеться.

С вокзала члены Конгресса направились в Смольный. Для этого были мобилизованы все городские автомобили, но их все-таки не хватило. Весь автомобильный парк Петрограда состоял в те годы всего из нескольких десятков старых, разбитых машин. Пришлось спешно пригнать к вокзалу дребезжащие трамвайные вагоны.

ПРОПУСК ВСЮДУ

№ [redacted]

Председатель комитета

М. П. Секретарь

17-я Госуд. тип.

Такой пропуск был выдан писателю А. А. Дорохову во время работы второго Конгресса Коминтерна.

В Смольном делегатов слегка покормили, а затем позвали строиться для торжественного перехода во Дворец Урицкого. Так назывался теперь бывший Таврический дворец, где когда-то заседал незадачливый русский парламент — Государственная дума. Нынче именно здесь должно было состояться первое заседание Конгресса. Быстро построившись в длинную колонну, делегаты двинулись прямо по середине мостовой.

Это было чудесное, незабываемое шествие. На протяжении всего пути от Смольного до Дворца Урицкого вдоль тротуаров стояли сплошные шпалеры детей — школьников и школьниц — с цветами, которые они бросали делегатам, приветствуя их от лица будущих поколений освобожденного народа. Среди этих восторженных лиц, блестящих возбуждением глаз, звонких приветствий детских голосов шли взволнованные делегаты Конгресса, вчера еще пробиравшиеся тайком через пограничные кордоны,

полицейские заставы капиталистической Европы, колониальной Африки, Азии, Америки, рискуя не только свободой, но и жизнью.

Но все глаза встречавших прежде всего останавливались на одном человеке, шедшем среди советских участников Конгресса впереди колонны.

Это он, родной Ильич, снова здесь, среди питерских рабочих, быстро шагает по мостовой города революции! Города, где он когда-то создавал первые подпольные рабочие кружки, пестовал созданную им партию большевиков и повел на победный штурм капитализма восставший народ.

Мне посчастливилось идти в цепи, которую молодежь образовала, взявшись за руки, вокруг колонны, в нескольких шагах от Ленина.

Не глядя под ноги, не чувствуя собственных шагов, я не сводил с него глаз. Мне были отлично слышны фразы, которыми Владимир Ильич обменивался с окружавшими его руководителями петроградских организаций.

И здесь Ленин не терял ни минуты, как он это делал всю свою жизнь. Подзывая то одного, то другого товарища, Ленин расспрашивал о продовольственном положении Петрограда, о настроении рабочих, о восстановлении фабрик и заводов, о завозе топлива. Порой приводя в смущение местных работников, он задавал такие вопросы, которые говорили о том, что ему известно очень многое: почему вчера за Московской заставой до вечера не выдавали по карточкам хлеб? Как допустили, что на таком-то заводе до сих пор командует старый главный инженер, явный саботажник? Почему не пускают в ход такую-то фабрику, которую рабочие готовы восстановить своими силами?

Внимательно выслушивая ответы, задавая все новые и новые вопросы, Ленин постепенно ускорял и ускорял шаги, невольно увлекая за собой все шествие. Ко Дворцу Урицкого колонна приближалась чуть ли не бегом.

Просторный зал заседаний дворца был переполнен так, что казалось, в нем уже нет ни одного вершка свободного места. Картина представлялась совершенно удивительной: настолько разнообразны были лица, одежды делегатов и гостей. Целая армия фотографов и кинооператоров загромоздила все проходы к трибуне своими шипящими «юпитерами», переплетенными змеями проводов и треножниками.

Пробравшись внутрь, я на этот раз как «собственный корреспондент» журнала «Юный пролетарий» пристроился на ступеньке возле правительственной ложи, рядом с ораторской трибуной, возле которой застыл на посту курсант с обнаженной саблей, взятой «на караул».

А наверху председатель уже объявлял об открытии Конгресса, и его слова переводила на пять языков переводчица.

Но вот раздаются долгожданные слова:

— Слово для доклада имеет товарищ Ленин.

Этого момента забыть нельзя. Как раскат грома, как рев прорвавшейся плотины, взрывается, оглушает буря, шквал, землетрясение аплодисментов и криков. Делегаты подымаются с мест. Зал звенит от приветственных возгласов, красные гвоздики, которые дарили делегатам дети Петрограда, летят со всех сторон к трибуне. Как выразить то, что охватывает душу при появлении вождя мировой революции!

Ленин терпеливо пережидает овацию. Перебирая свои заметки, он спокойно ждет возможности начать речь. Но это не просто. Овация затихает лишь для того, чтобы разразиться вновь с еще большей силой.

Наконец зал успокаивается, и Ленин начинает свою речь. Он говорит, сам переводя свои слова на несколько языков. В его речи — анализ современного положения в мире и точные перспективы дальнейшего развития мировой революции.

Огромный зал с тысячами людей затаил дыхание, слушая простые и огромные в своей значительности слова. И вдруг грохот и треск, показавшиеся оглушительными, заставляют всех вздрогнуть. Делегаты вскакивают с мест... Неужели покушение?

Но тревога оказывается напрасной. Просто один из осветителей, волнуясь и торопясь, выронил из рук большую электрическую лампу.

Ленин спокойно останавливается, чтобы дать возможность председателю призвать собрание к порядку, и затем продолжает с того же слова, на котором остановился...

После заседания Конгресс снова в полном составе отправляется пешком на Марсово поле, к могилам жертв революции. Еще недавно это был пыльный каменистый плац, на котором проходили парады царских гвардейских полков. Но петроградцы за один субботник превратили этот плац в сад, и он встречает делегатов яркостью летних цветов. Посыпанные песком дорожки окаймлены застывшими шеренгами краснофлотцев. Их белые форменки ярко выделяются на зеленом фоне травы.

И здесь еще одно незабываемое впечатление необыкновенного дня. Над гранитными плитами могил, над притихшей толпой плывут величественные и могучие звуки невиданной силы и глубины. На дощатом помосте собраны все лучшие оркестры Петрограда, и их тысячный массив исполняет траурный марш немецкого композитора Рихарда Вагнера из его оперы «Гибель богов».

Можно ли придумать более торжественное завершение этого великого дня!

А. НЕКРАСОВ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

МОРСКИЕ ВОРОТА

Все эти корабли — гости в порту. А на переднем плане настоящий хозяин рейда — портовый буксир. Тут он «прописан», тут «живет», тут и работает.

Порт — это значит ворота. Аэропорт—ворота в небо. Речной порт — ворота к реке. Морской порт — морские ворота страны.

Сюда, в морской порт, заходят корабли с моря, разгружаются, отдыхают здесь и снова уходят в плавание с грузом для дальних стран.

Построить порт нелегко. Кое-где, правда, природа сама помогла людям. Есть глубокие тихие бухты с удобными входами, со всех сторон закрытые от ветров и волн. Удобно строить порты и в устьях глубоких рек... Но чаще так бывает, что ни природной бухты, ни глубокой речки нет поблизости, а порт строить нужно.

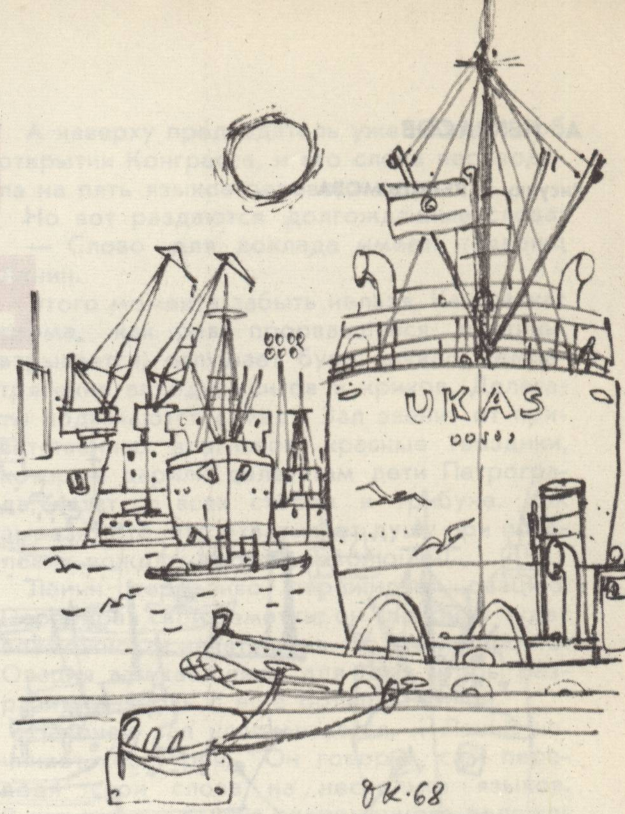
Тогда искусственную бухту приходится делать: насыпают прямо на морское дно каменный вал. Его называют «волнолом», или «мол», или еще «брекватор». Бывает, и два брекватора приходится насыпать и даже три и так защищать корабельную стоянку, рейд, от крутой волны, набегающей с моря. Потом маяки ставят на концах брекваторов, чтобы ночью, в тумане не промахнулся корабль, не налетел на каменную гряду. На всей площади рейда между волноломами и берегом, если нужно, углубляют дно. Вдоль берега строят пирсы — причальные стенки с грузовыми кранами, с причальными тумбами. Кладут вдоль причалов пути, ставят пакгаузы — склады. Пресную воду подводят, запасают топливо для кораблей, налаживают связь с морем и с берегом... Вон сколько всяких дел, а это только малая часть их.

И в готовом порту принять корабль и снова проводить в дорогу — тоже непростое дело. Сотни людей заняты этим, и каждому хватает работы.

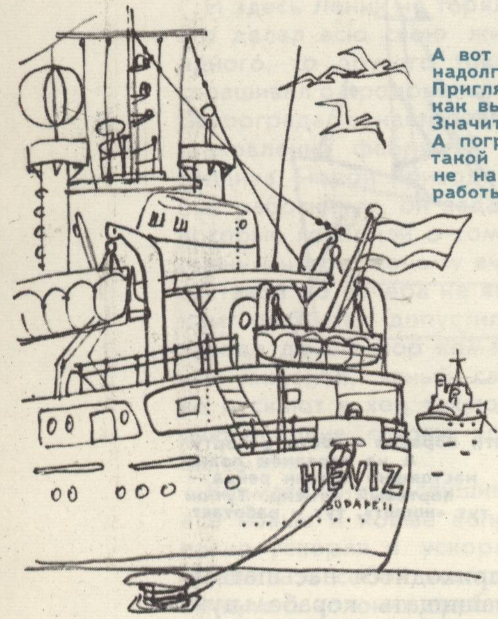
Вот с моря радиограмма пришла в порт: «Иду с Кубы. Груз — пять тысяч тонн сахара насыпью. Прибуду в полдень...»

Еще и мачт не видно за горизонтом, еще немалый срок до прихода корабля, а в порту уже закипела работа: нужно причал приготовить — место у стенки, где встать под разгрузку кораблю. Краны нужно проверить, грейферы (черпаки) подвесить на грузовые гаки, найти помещение для дорогого груза. На берегу его не оставишь: вдруг дождь пойдет — пропадет добро. Нужно к сроку буксиры выслать в море — встречать заморского пришельца. На морском-то просторе он лихой скороход, а тут, в тесной гавани, ему и развернуться негде. Вот и стоят под парами коротышки-буксирчики, ждут команды, готовые по первому зову выйти на рейд.

А корабль тем временем режет волну, с каждым часом ближе подходит к порту. Вот уже над брекватором показался стройный корпус, вот пронесся над морем басовитый протяжный гудок: «Иду-у-у!»

Рейдовый буксирчик примостился у причальной стенки. Но это не надолго. Сейчас сбросит швартовы с причальной тумбы — и снова в путь...

А вот этот «иностранец» надолго встал к причалу. Приглядись: вон он как высоко сидит в воде. Значит, без груза. А погрузить такой корабль — не на один день работы.

Работяги-буксирчики отдали швартовы, замутили соленую воду винтами, с трех сторон спешат навстречу великану. Двое в скулы уперлись тупыми носами, точно под руки взяли. Третий жмет в корму. Перекликнулись гудками и повели осторожно, с почетом к пирсу.

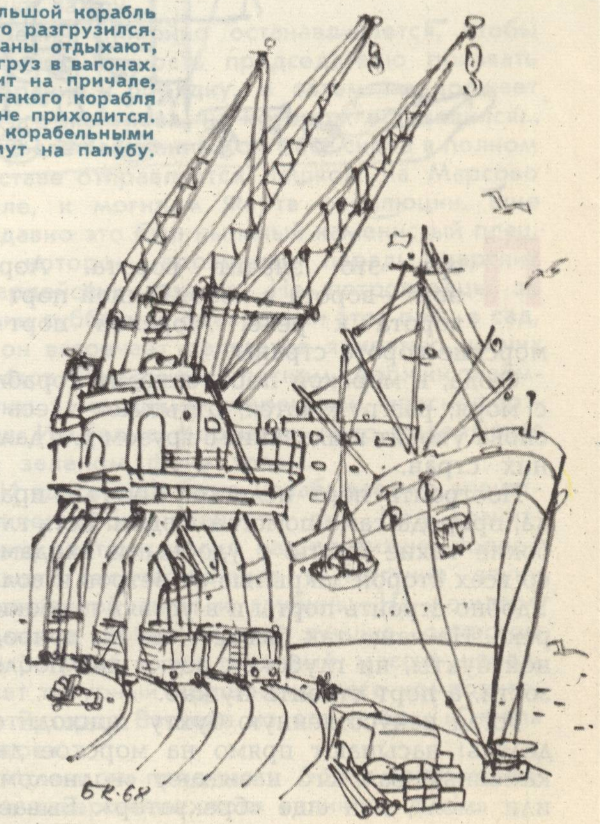
А там уже ждут. Портовые власти — проверить документы, врачи — посмотреть, нет ли больных на корабле, не нужна ли кому медицинская помощь, нет ли крыс в трюмах... А пока там, на корабле, идет досмотр, на берегу уже подхватили стальные канаты — швартовы, накинули на чугунные тумбы, расстелили брезенты под груз.

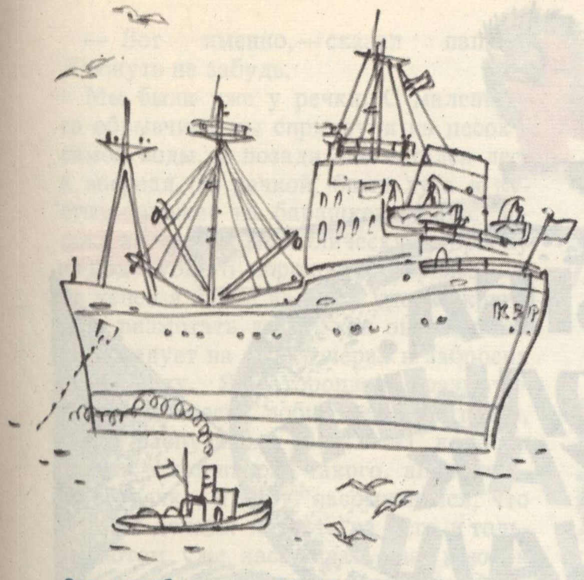
И вот уже подкатили по рельсам огромные краны, встали, как журавли над болотом, длинные шеи склонили над трюмами, нацелились, покрикивают сигналами:

— Давай, давай, шевелись, открывай поживее трюмы!

Пошла разгрузка. Теперь не зевай. Гру-

Большой корабль только что разгрузился. Краны отдыхают, груз в вагонах. А то, что лежит на причале, для такого корабля и грузом считать не приходится. Это все своими корабельными стрелами поднимут на палубу.

Этот корабль тоже разгрузился. И встал на рейде на якорь. Почистит трюмы, подготовится к погрузке и снова встанет к пирсу.

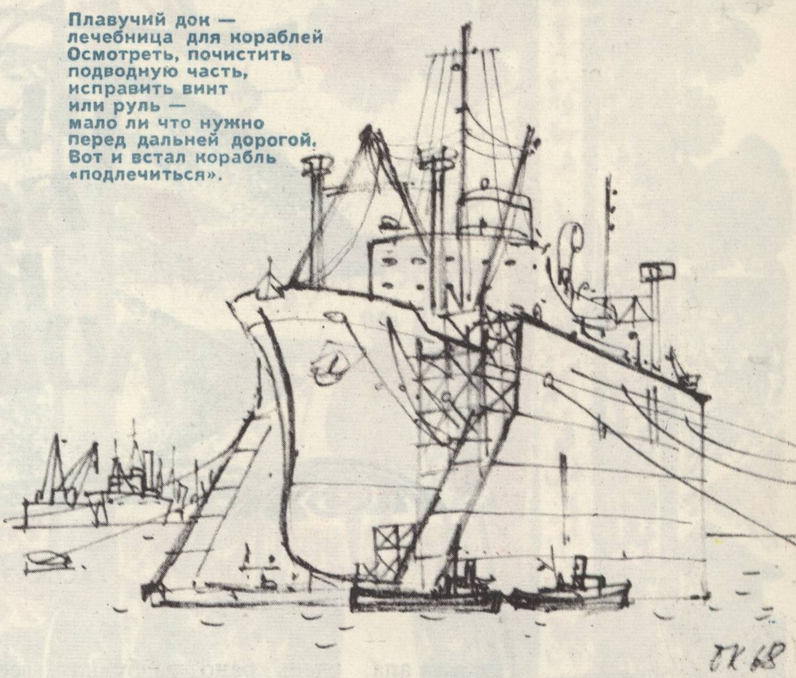
зовой командир — стивидор — стоит у трюма, командует. Только и слышно: «Вира!» — поднимай, значит. Тяжелый ковш грейфера взлетает над трюмом, отряхивая с боков лишний сахар. Вот повернулся кран, ковш, качнувшись, понесся над палубой, над причалом, опустился, чуть распахнул створки — и пахучий сахар-сырец водопадом рухнул на брезент. Оглянуться не успеешь, а грейфер опять над трюмом и — «Майна!» — Вниз опускай!

Теперь суток двое подряд так и пойдет: Вира!.. Майна!.. Вира!.. Майна!.. За эти двое суток вырастет на берегу сахарная гора. Грузовики-самосвалы и красные поезда станут помаленьку растаскивать ее. Пока разгрузится корабль, весь сахар уже свезут с причала. Уйдет и корабль. Ему прибраться нужно с дороги — вымыть, пропарить трюмы, машину проверить, подкрасить борта, залечить царапины и раны, полученные в боях с океанскими штормами. Это все и на рейде можно. А стенка другому нужна кораблю — грузиться.

Если машины грузить, наши, скажем, московские «ЗИЛы», — так это удобный груз. Их просто на палубу можно поставить да раскрепить хорошенько, чтобы не раскатились от качки. Если удобрения в мешках — это в трюм нужно, на палубе волной и дождем замочит такой груз. А в ящиках — особо ценные товары: приборы, лекарства, дорогие ткани... С таким товаром деликатно приходится обращаться. Подъедет автопогрузчик, стальные «руки» подсунет под ящик и бережно везет его к крану. А уж тот осторожно поднимет ящик и опустит в трюм...

Это с одним кораблем столько дела. А в большом порту их десятки стоят и у причалов, и на якорях, на рейде, и за брекватором, на внешнем рейде, как говорят моряки. Тот грузится, тот разгружается, тот пассажиров ждет, тот привез туристов... Иному ремонт нужен, тому — горючее на

Плавучий док — лечебница для кораблей Осмотреть, почистить подводную часть, исправить винт или руль — мало ли что нужно перед дальней дорогой. Вот и встал корабль «подлечиться».

дорогу, тому — вода, тому — продовольствие для экипажа...

Такая уж судьба у кораблей: от рождения до смерти бродить по морским дорогам, от ворот до ворот, от порта до порта.

А это лоцманский катер. Он первый встречает корабли, приходящие в порт, показывает им дорогу к рейду и последний желает им счастливого плавания.

★

Сергей ВОЛЬФ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

РЫБА, БОЛЬШАЯ КАК ЛОШАДЬ

РАССКАЗ

Папа очень рано разбудил меня.

— Что?! — закричал я. — Что-о? Проспали все на свете?! Быть не может!

— И не проспали,— сказал папа.— Не кричи. Всех разбудишь. Ешь, пей быстренько и пошли.

Да мог ли я есть и пить не быстренько? Мог ли я не торопиться, если я полгода мечтал об этом дне, об этом утре, лучше сказать, о первой рыбалке в моей жизни?

— Ты только не торопись, когда она окажется на крючке,— говорил мне папа еще зимой.— Тяни осторожненько...

— Ладно,— говорил я.— Уж я постараюсь. Ждать только долго — целых пять месяцев!

— Это верно,— говорил он и вздыхал.— Трудно ждать, трудно. То одно, то другое, сколько лет прошло... Ничего, теперь выберемся на дачу и половим как следует. Там, куда мы поедем, знаешь, какие рыбины в речке есть! Я ловил, я знаю, там ого какие лошади на крючок попадаются, поверь мне.

Мы шли по узенькой тропиночке по лесу, было совсем еще рано, и все вокруг поэтому было серое и темное, и елки все время кусали меня за голые ноги. Кругом стояли сосны, могучие, как дубы, и маленькие елочки, совсем еще не кусачие. Птицы спали, и только всего две птички разговаривали между собой. Одна говорила другой приблизительно так: фрру-тиф-тиф-та-та,— а другая ей отвечала: тиф-тиф-та-таторр. Они тихо разговаривали, чтобы никого не разбудить, лично я себе это так объясняю. И колокольчики по обеим сторонам тропинки совсем не звенели, видно, тоже спали, или я просто не слышал, потому что сердце у меня колотилось ужасно. Я нес удочку толстым концом вперед, чтобы тоненький, не дай бог, не сломался, если я случайно им во что-нибудь ткну, и я спросил у папы:

— А рыбы спят сейчас?

— Большинство,— сказал он.— Но крупные уже проснулись и плавают в поисках добычи.

Я прямо задохнулся от волнения, когда он так сказал. И тут же я услышал его шепот.

— Речка,— прошептал он.— Видишь?

— Не вижу.

— Вон там, впереди, где туман. Маленько блестит, видишь? Только тихо иди, не пугай крупную рыбу.

— Вижу,— тоже шепотом сказал я.— Вижу речку. Ну и речка! Красотища!

И дальше мы уже шли тихо и молча.

Те две птички замолчали, то ли поссорились, то ли просто улетели, но зато впереди меня вдруг оказалась большая, совсем рыжая лягушка, она спрыгнула с тропинки и квакнула, и тут же ей в ответ каркнула ворона, а папа тихо сказал у меня за спиной:

— Ты не забыл, чему я тебя, паршивца, зимой учил? Все помнишь?

— Тсс! — сказал я.— Тихо. Не распугивай ты рыбу, все я прекрасно помню. Вымеряешь глубину, надеваешь червя, плюешь на него...

— Вот именно,— сказал папа.— Плюнуть не забудь.

Мы были уже у речки. С маленького обрывчика мы спрыгнули на песок у самой воды, и позади нас остался лес, а впереди, за речкой, были луга и кусты, похожие на барашков. Папа достал из куртки металлическую коробку из-под зубного порошка с червями, и не успел я найти на моей удочке крючка и размотать леску, как он поплевал как следует на своего червя и забросил его в воду. Я заторопился разматывать свою леску побыстрее, запутался, после распутался, достал из коробки червя, толстенького такого, аппетитного червячка, и вдруг засомневался, что раньше делать: плевать на него и только потом уже насаживать на крючок или наоборот. Как делал папа, я и думать забыл — так волновался. Конечно, надо было насаживать сначала, а потом уже плевать, это и дураку ясно, но я, видно, и был дурак от этого самого волнения. Кое-как я насадил червя на крючок и потом закрыл глаза и поплевал на него. Ах, как плевал! Одно наслаждение! Зимой я плохо умел плевать на червя, когда еще просто так, без червя учился, а после, ближе к лету, я стал это делать с блеском. И вот теперь я плюнул как следует и закинул удочку.

Мой беленький поплавок из пенопласта медленно плыл по течению слева направо, но ни разу не шелохнулся и не ушел под воду. У папы тоже не клевало. Очень быстро мне надоело просто так перезакидывать удочку, и я посмотрел на папу. Вид у него был очень серьезный. В последние дни он много говорил о том, что уже очень давно он не ловил крупной рыбы, а теперь поймает, будьте уверены, потому что речка не речка, а фантазия. Он очень легко и красиво забрасывал червяка в воду, не хлопал по воде кончиком удилища и поплавком, не то что я.

Вдруг он взмахнул удилищем, оно согнулось, и тут же из воды вылетела небольшая серебряная рыбка и упала на песок у самых его ног.

— Плотва,— сказал он, наклонился, снял ее с крючка и бросил в ведерко с водой.— Мелочь пузатая. Смотри! У тебя клюет!

Я посмотрел на воду и ничего не увидел и тут же сообразил, что так ведь и должно быть, чтобы ничего не было видно, разве ж видно поплавок, если он под водой, сообразил и ка-ак махнул удочкой, и тут же из воды, как и у папы, вылетела какая-то маленькая рыбка и улетела куда-то за меня, через меня, в кусты.

— Рыба! — заорал я.— Вот это рыбина!

И бросился искать ее в кусты.

И все орал:

— Рыба! Рыба! Ай да рыба! Ну и рыбища! Рыбуля моя!

Но я никак не мог ее найти и полез в куст. Вниз головой залез. И тут же кто-то жутким образом шлепнул меня, и голос папы громко сказал:

— Дмитрий! Паршивец! Чему я тебя учил в холодные январские вечера?! Ты что, забыл, что тишина — залог успеха? Столько шуму изза плюгавого пескаря! Впрочем, пескарь неплох.

Я что-то вякнул, стоя вверх ногами, потому что папа был абсолютно прав, и тихонечко вылез из куста и увидел, что папа быстрыми шагами с удочкой и ведерком уходит от меня вдоль берега, а возле меня лежит мой пескарь и спичечная коробка с червями для меня. Пескарь, по-моему, был вполне приличный, симпатяга, толстый такой, с усами, но вот леска запуталась в кустах ужасно, и я провозился с ней минут десять, и еле распутал, и только тогда

обрадовался, потому что снова можно было ловить.

Снова я надел червяка, снова поплевал на него и только собрался опять забросить удочку, как вдруг увидел на другом берегу, за кустами, похожими на барашков, за высокой травой, вдалеке, в самом конце луга, что-то красное и блестящее, и это блестящее стало быстро расти, расти, и я сразу же догадался, что это ведь солнце встает.

После я почему-то вздохнул и снова забросил удочку, и вдруг мой поплавок сразу же затрясся, нырнул, вынырнул, снова нырнул и исчез под водой. Я подсек, и опять через мою голову полетела рыбка, но на этот раз, как и у папы,— плотва. Вся моя леска опять чуть не запуталась в кустах, и я, когда снял с крючка плотву и вырыл ямку в песке до самой воды и пустил туда пескаря и плотву, тут же прошел немного по берегу в сторону, где сзади меня кустов не было. Я стал махать удочкой вовсю: рра-аз! — плотва; рраз! — окунь; потом пескарь, после опять окунь!

Ну клев был!

Вскоре я так наловчился, что рыбы не летали уже через меня, а падали прямо к моим ногам, на песок, и всех их я бросал в ямку с водой. Потом смотрю — папа рядом.

— Таскаешь? — говорит.— Ну-ну, валяй. Мелочь пузатая. Скука, друг мой. Солнце взошло, теперь крупной рыбы не жди. Во всяком случае, в этих местах, в это время года. Зря ты орал до восхода солнца. Ладно, я домой пошел. Вот тебе ведерко, вот черви. Остаешься?

— Не шуми ты,— сказал я.— Конечно, остаюсь.

И он ушел, а я остался, и прямо чудо, что за клев был, сумасшедший, я такого никогда в жизни не видел, не приходилось, и из лесу так пахло земляникой, и солнце было такое теплое, и птицы так разошлись в лесу и так распелись на разные голоса, что я прямо весь зашелся от радости и стал чирикать по-птичьи и хохотать и не заметил, как ко мне подошел какой-то человек и спросил:

— Ты чего так хохочешь?

— Все время клюет! — сказал я.

— Ты на дачу приехал?

— На дачу.

— Таскаешь помаленьку?

— Таскаю.

— Таскай-таскай. Только смотри всех не перетаскай, а то ты на дачу, а нам здесь еще жить и жить.

— Ну, что вы! — говорю.— Я всего ведерко натаскаю, чтобы на уху было, и все. Папа меня зимой научил.

— Вы молодцы с ним,— говорит он.— Валяй.

— Ого, еще одна. Плотва,— говорю.

— Это елец,— сказал он.

— Вкусный? — спрашиваю.

— Очень бойкий,— говорит.— А ты мед любишь?

— Люблю,— говорю.— Особенно пряники медовые.

— Ну вот, и я люблю. Только пряников у нас нет. Приходи в гости — меду поедим.

— А куда приходить?

— Спроси дом лесника.

— А кто лесник?

— А я и есть лесник.

— Значит, я в точку попал? — говорю.— Хорошо, спасибо. Заскочу.

И тут вдруг, когда я подсек, мою удочку так согнуло, что я подумал сначала, что там, на конце лески, бревно прицепилось или ведро с песком, но тут же почувствовал, что никакое там не ведро, а что-то живое, рыба, и не рыба вовсе, а р ы б и н а.

— Ого,— сказал он, лесник.— Приличную зацепил.

А я, стоя в тапочках в воде, держал удочку, как палку, ноги растопырил, лоб у меня вдруг стал мокрый, колени застукали одно о другое, сердце запрыгало — и я просто не знал, что же мне делать дальше.

Рыба носилась под водой кругами, леска со свистом рассекла воду, а я стоял как вкопанный и трясся.

— Ну вот, молодец,— сказал лесник.— Поводил ее маленько, теперь подымай наверх, дай ей глотнуть воздуху и волоки на берег.

— Я не могу,— говорю.— Не могу я...

— Надо мочь,— сказал он.— А то, если не ты ее, то она тебя. Стянет в воду и поминай как звали.

— Н-не стянет,— говорю.— Вы еще меня не знаете.

— Верно,— говорит.— Не знаю. Тогда тяни ее к берегу, только тихо, не дергай удилищем.

Я потянул разок, другой — никакого эффекта.

— Помочь тебе? — спросил лесник.

— Ни в коем случае! — заорал я.— Я сам!

— Молодец,— сказал он.— Рыболов высшей марки!

Потом мы еще постояли так немного: я ни с места, и рыба ни с места... Наверное, немного, а мне показалось — вечность.

— Да-а, ты не можешь,— сказал лесник.

— Не могу,— говорю.— Ничего не поделаешь.

— И она не может.

— И она,— говорю,— не может.

— Так помочь?

— Ни в коем случае! Не такой уж я хилый, как кажусь на первый взгляд.

— Так и будете стоять здесь год?

— Все может быть,— говорю.

— А я считаю так,— говорит он.— Раз вы оба такие одинаково сильные, лучше вам разойтись. Ты оставайся на берегу, а она пусть в воде живет. Согласен?

— Согласен,— говорю.— Пора нам разойтись. А то — ни туда, ни сюда.

— Вот и отпусти ее.

— А как? Вместе с удочкой?

— Ни в коем случае! Она что, с удочкой жила до тебя?

— Что же, леску оборвать? Дернуть?

— Что ты! Что ты! Как она с крючком во рту будет жить? Она может погибнуть. Так нельзя!

— Так как же быть? Как крючок вынуть?

— А вот как,— говорит.— Раз вы с ней по силам равные и тебе ее не вытащить, давай я вытащу. После мы снимем ее с крючка и отпустим в воду — так будет справедливо.

— Да-да,— сказал я, а ноги у меня все дрожали.— Давайте скорее. Так будет справедливо.

Он осторожно взял у меня удочку, ловко поднял ее конец вверх, рыба всплыла — огромная! — завертелась, забила хвостом по воде, раскрыла рот, глотнула воздуха, вдруг успокоилась, легла белым блестящим боком кверху, и он медленно повел ее по воде и выволок на песок. Тут же она забилась на песке, но он быстро схватил ее обеими руками, велел мне осторожно вынуть крючок у нее из губы, я вынул осторожно, он тогда передал мне рыбину в руки и сказал:

— Ну, иди, выпускай ее, раз никто из вас не смог победить другого. Хорош язь.

Я подошел к воде и положил язя на воду. Он полежал маленько на боку, после встал прямо, шевельнул хвостом и медленно ушел в глубину. Я постоял немного, глядя на пустую воду, вздохнул, ноги все еще дрожали, потом вдруг снова почувствовал, как пахнет травой и ягодами и птицы орут, и тогда я засмеялся и, обернувшись, увидел, что лесника нет рядом и он идет вдалеке и машет мне рукой.

— Приходи мед кушать! — крикнул он.— А на уху тебе и ведерка хватит. Привет!

— Спасибо! — крикнул я ему.— Привет! Забегу!

Я мчался к нашей даче и кричал:

— Па-а-п-а! Па-ап! Я поймал здоровенную рыбину! Язя! Как лошадь. То есть нет, не поймал! Нет, поймал! Да нет же, не поймал.

— Не понимаю! — крикнул он.— Покажи язя! — и побежал мне навстречу.

И, когда мы встретились, налетев друг на друга, я все рассказал ему. Он долго молчал и легонько мял в пальцах мое ухо.

— Здоровая, как лошадь,— после сказал он тихо.— Взяла после восхода солнца. Так. Учтем. А ты на червя поплевал, на которого язь взял? Плевал или нет?

— Не помню,— сказал я честно.

— Надо было плевать. Может, из-за этого ты и не сумел.

— Не знаю, в чем дело,— сказал я.

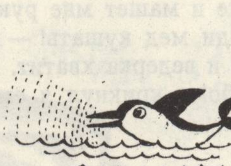
— А впрочем, не обязательно,— отпуская мое ухо, сказал он.— Можно и не плевать. Не в этом дело! О! Рыжая лягушка! Помнишь ее? Ну, беги завтракать. Мама ждет тебя.

И я помчался дальше, к нашей даче, и увидел, как на крыльцо вышла мама.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ •

Преодолен звуковой барьер — дельфин слышит человека.— Как погибли «кот сунс», озерные создания. Десятая луна Сатурна, Янус, открыта в 1966 году.

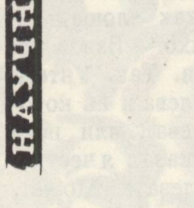
О ЧЕМ СВИСТЯТ ДЕЛЬФИНЫ

Биология

За последние годы мы узнали много нового о дельфинах — симпатичных и дружелюбных обитателях морей и океанов. Ученые с аквалангами спускались под воду, чтобы посмотреть, как живут дельфины у себя «дома», помещали огромных животных в лабораторные бассейны и наблюдали за ними через стеклянные стенки. И чем больше накапливалось наблюдений, тем яснее становилось ученым, что эти удивительные существа обладают необычайными для животных умственными способностями. Пересвистываясь, дельфины как бы «разговаривают» между собой. И ученые в разных странах приступили к опытам по расшифровке «речи» дельфинов, благо техника XX века позволяет вести эти опыты очень точно.

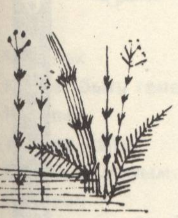
Вот сообщения о первых удачах.

Американскому физиологу У. Батто удалось преодолеть звуковой барьер, разделяющий человека и дельфина. С помощью специального аппарата он так преобразовал звук своего голоса, что дельфины смогли его услышать и повторять то, что им передал ученый. А одному из сотрудников профессора Батто удалось научить дельфина связывать определенный предмет с его названием. Стоя у бассейна, этот сотрудник показывал животным какой-нибудь предмет — шляпу, мяч, палку — и называл их. Дельфины довольно быстро начали связывать предмет с его названием.

А профессор Бастиан пошел по другому пути. Он поместил двух дельфинов в одном аквариуме. Вспышками света давал им команды: длительная вспышка — надо нажать правую педаль (во время опыта их устанавливали в аквариуме), прерывистая — левую. Сделал правильно — получай награду. Когда дельфины научились хорошо выполнять команды, их разделили непрозрачной перегородкой. Теперь сигналы мог видеть только один из них. А награду дельфины получали только в том случае, если не только

тот из них, который видел сигнал, но и другой выполнял задание. Оба дельфина прекрасно разбирались в сигналах и нажимали на нужные педали. Из ста случаев ошиблись только в трех. Ученые высказывают предположение, что, видимо, один из дельфинов звуками сообщал другому о командах, которые ему подавали,— следовательно, они переговаривались и правильно понимали друг друга!

Теперь на очереди расшифровка свистов.

Опыт продолжается. Мы будем сообщать вам о том новом, что узнают ученые.

Кандидат биологических наук
Ю. БАЕВСКИЙ

ТРАГЕДИЯ В АНДАХ

География

«Мы не являемся человеческими существами. Мы «кот сунс», озерные создания. Раньше инков, намного раньше, чем небесный отец Та Ти Ту создал индейцев кечуа и аймара, прежде, чем солнце осветило землю, когда еще весь мир был погружен в полутьму, где светили лишь луна и звезды, когда озеро Титикака простиралось до самых краев пуны [1], наши предки уже жили здесь.

Мы не такие, как все другие люди. Мы не чувствуем холода, зимних ночей. У нас черная кровь, и мы не тонем. Влажный туман Титикака, смертоносный для других, безвреден для нас. И яростный солнечный луч не в силах нам повредить. Мы не говорим на языке людей твердой земли, и они не понимают нас. Мы не похожи на других людей. Мы «кот сунс», древний народ, «народ воды», а не суши. Мы «лос урос» — первые жители земли».

Эти гордые строки взяты из древней легенды народа уру — одного из самых загадочных народов нашей земли.

Легенда записана французским этнографом Жаком Велларом. Он долго изучал обычаи и жизнь уру, народа, обитавшего в сердце Анд, по берегам озера Титикака. Его поразила удивительная выносливость уру. На огромной высоте, где жестокий холод пронизывает до костей, женщины уру ходили с обнаженными руками, а дети бегали босиком и с непокрытыми головами. Ниже среднего роста, с продолговатой формой головы, удлиненным лицом и большими глазами, уру резко отличались от других индейцев континента, рослых, с лицами и глазами монголоидного типа. Ученые предполагают, что предки уру — пришельцы издалека. Некоторые даже склонны считать их потомками легендарных атлантов...

Уру всегда жили обособленно от других племен. Из тростниковых плотов они сооружали целые искусственные острова площадью в тысячи квадратных метров. На острова наносился слой земли, удобренной мукой из рыбьих костей. Это плавучее поле не боялось засухи и регулярно давало хороший урожай. Уру одевались в одежды, сотканные из обработанного тростника. Из него же сооружались хижины, строились лодки, плелись плоты и циновки. Нежная сердцевина и корень тростника шли в пищу.

Уру всегда были независимыми. Властные инки пытались было заставить их служить в своих армиях, но безуспешно. Уру никогда не воевали. И если им приходилось идти на войну, они шли в сражение почти безоружными и гибли. И когда инки вступили в полосу военных неудач, суеверная молва приписала это чарам уру и мести их богов. В результате инки отступились от уру, и они остались жить свободными на озере Титикака, которое почиталось индейцами священным.

В XVII веке безжалостные испанские захватчики разгромили империю инков и стали огнем и мечом вводить свои порядки. Вице-король Перу Франсиско де Толедо приказал выселить уру с искусственных островов и поселить их на твердой земле. Уру никак не могли примириться с новой жизнью, их косили болезни, и, не обращая внимания на указ вице-короля, они вернулись на берега и воды родного озера. Испанцы махнули на них рукой: уру жили бедно, золота и серебра у них не было.

Еще сто пятьдесят лет уру продолжали жить в полной изоляции, как бы вне времени. Лишь сравнительно недавно ими всерьез заинтересовались ученые. Но было уже слишком поздно!

Страшная засуха шесть лет буйствовала на горных равнинах Перу. От нее бежало все живое, но древние уру, одинокие и суровые, решили побороть стихию. Ученые и передовые деятели Перу требовали у властей помощи для уру. Требовалось не так уж много, но ничего сделано не было. Голод победил — уру не стало.

Некоторые ученые, правда, до сих пор считают, что, возможно, на одном из островов еще живет одна или две семьи. Но народ в целом погиб.

Юрий КОТЛЯР

---

[1] Пуна — пустынное плоскогорье высоко в Андах (Южная Америка).

НОВОСТИ САТУРНА

Астрономия

Сначала немножко о нем самом, о Сатурне. Это, конечно, не новость, что Сатурн — шестая по расстоянию от Солнца и вторая по величине планета Солнечной системы Великан, по диаметру у экватора в девять с лишним раз превосходящий Землю. Из всех планет только у него одного плотность меньшая, чем плотность воды. Если бы существовал водоем, достаточно большой, чтобы окунуть в него планету Сатурн, гигантский шар плавал бы в воде, как арбуз.

Но самая любопытная особенность Сатурна — плоское кольцо, опоясывающее его по экватору. Кольцо огромно. Его ширина от внутреннего края до внешнего — без малого шестьдесят тысяч километров. Состоит кольцо из громадного числа крошечных спутников — камней и камушков,— движущихся вокруг планеты. О кольце чаще говорят во множественном числе — «кольца», потому что две круговые щели делят его натрое. При слове «щель» представляется что-то узкое, тесное, куда не протиснешься. Однако щели между кольцами Сатурна могут показаться узкими только в этом мире гигантских, неземных масштабов. Меньшая щель имеет по ширине тысячу шестьсот километров. Другая, щель Кассини,— пять тысяч километров. Планета Меркурий свободно провалится в такую. Но на огромной плоскости колец она действительно выглядит всего лишь щелью.

Земному наблюдателю кольца бывают видны под разным углом: иногда — несколько сверху, словно поля шляпы, надвинутой на лоб. Иногда мы как бы заглядываем под «поля» снизу (все это, разумеется, если смотреть в телескоп). Но бывает, что кольца повернуты к нам ребром, и тогда даже в мощные телескопы их трудно рассмотреть, а в телескопы послабее кольца, повернутые ребром, не видимы совсем, исчезают из глаз.

«Исчезновение» колец на строгом, точном языке астрономии называется так: «прохождение Земли и Солнца через плоскость колец Сатурна». Это случается не часто: примерно через четырнадцать-пятнадцать лет. В год прохождения множество телескопов обращается к Сатурну, подстерегая моменты «исчезновения» колец. Становясь невидимками, кольца каждый раз выдают астрономам какие-либо секреты — свои собственные и своего «хозяина» Сатурна.

Последнее прохождение Земли через плоскость колец было в 1966 году. И снова, став невидимками, кольца помогли ученым получить новости с Сатурна. Вот одна из них: у Сатурна не девять спутников, как считалось до сей поры. Открыт десятый спутник. Открыл его французский астроном Одуэн Дольфюс.

Мы обратились к астроному М. С. Боброву, известному исследователю Сатурна, с вопросом:

— Как было сделано открытие? Какое отношение имеют к этому кольца, видимые и невидимые?

— Самое прямое,— ответил Мар Сергеевич.— Прежде всего кольца подсказали Дольфюсу мысль, что десятый спутник должен существовать. Две щели в плоскости колец — результат возмущающего действия спутников. Это как бы запретные зоны, силы тяготения выбрасывают отсюда камни и камушки либо внутрь, либо наружу. Щель Кассини образовалась под воздействием первого спутника, небольшого и быстрого Мимаса. Но... вычисления показали Дольфюсу, что если это «работа» Мимаса, щель Кассини должна быть не совсем там, где она находится. Какое-то другое тело, находящееся еще ближе к кольцу, помогает Мимасу, предположил Дольфюс.

Но чтобы найти, надо не просто искать, надо знать, когда и где.

Если есть десятая луна у Сатурна, она невелика по размерам, по массе, по яркости, и к тому же она движется где-то поблизости от колец. Яркий свет колец мешает ее увидеть. И Дольфюс ждал го́да, дня и часа очередного «исчезновения» колец. В телескоп высокогорной обсерватории Пик дю Миди он увидел слабую звездочку, когда кольца были видны не совсем с ребра, а со своей теневой стороны.

Девять уже известных лун планеты Сатурн носят имена сыновей и дочерей древнеримского бога Сатурна: Мимас, Энцелад, Тефия, Диона, Рея, Титан, Гиперион, Япет, Феба. Десятая луна названа Янусом. Примерно вычислен ее поперечник: всего 350 километров.

— Значит, увидеть эту крошку, эту горошину, за миллиард с лишним километров помогли кольца плюс математика?

— Да,— ответил нам ученый.

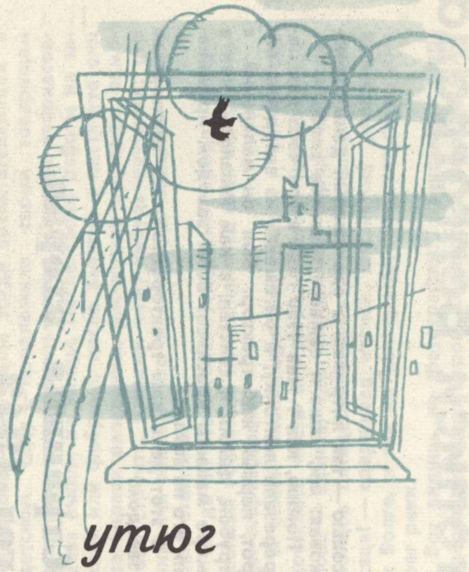
О том, что он узнал от кольца, о самом кольце и как он это узнал, Мар Сергеевич обещал рассказать в другой раз.

Е. РУБЦОВА

Новые стихи

Роман СЕФ

☆

Человек
Может быть генералом.
Человек
Может быть
Славным малым.
Человек
Может быть циркачом,
В школе нянечкой
Или врачом.
Может русским он быть
Или греком.
Важно,
Чтобы он был
Человеком.

утюг

Утюг летал
Над городом
И громко
Песню пел:
— Как хорошо быть
Утюгом,
Как легок я и смел!
Могу лететь над городом
И песню петь могу.

Вот что приснилось в пятницу
На кухне
Утюгу.

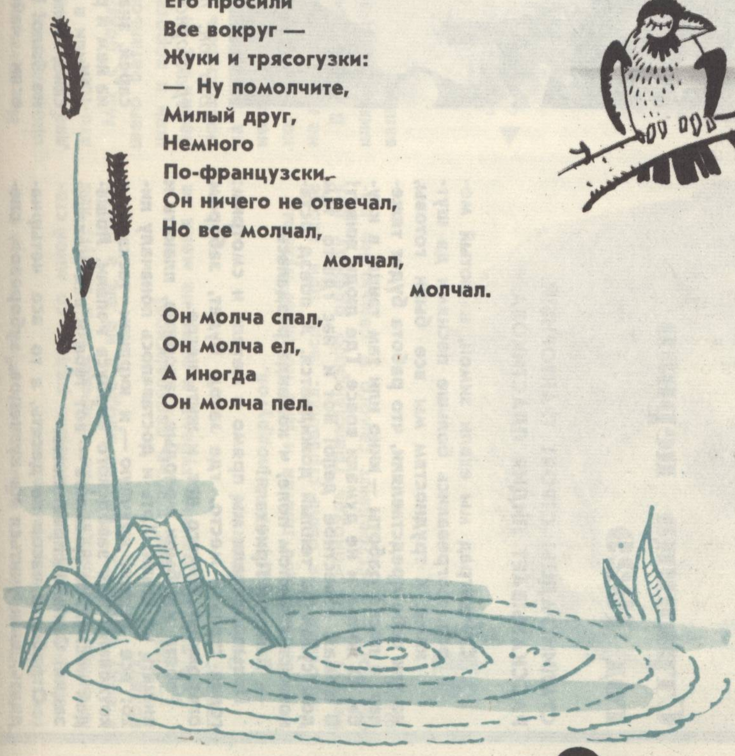
судак

Один судак,
Большой чудак,
Кóторый жил в реке,
Умел молчать
На чистом французском языке.
Его просили
Все вокруг —
Жуки и трясогузки:
— Ну помолчите,
Милый друг,
Немного
По-французски.
Он ничего не отвечал,
Но все молчал,
молчал,
молчал.
Он молча спал,
Он молча ел,
А иногда
Он молча пел.

птенцы

У вороны
Пятеро птенцов,
Пятеро
Веселых сорванцов.
Пятеро
Уселись на суку,
Каждый
Проглотил
По червяку.
Четверо
Сказали:
— Карр, мамаша!
А один:
— Ах, мамочка,
Ку-ку!

Рисунки В. ВИНОКУРА

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

Страницы из славной летописи Волгограда

Страница первая год 1929

СТАЛИНГРАДЦЫ СТРОЯТ ТРАКТОРНЫЙ. РАССКАЗЫВАЕТ ЛИДИЯ ПЛАСТИКОВА.

В Сталинград мы ехали зимой, в лютый мороз. Согревались больше песнями да шутками. К трудностям мы все были готовы, но так себе представляли, что работа будет тяжелая, а после работы — кино или там танцы в клубе. О жилье и не думали вовсе. Где люди живут! В домах, известное дело! Вот и нас где-то там дом сухой да теплый дожидается. А поезд остановился в чистом поле, и команда раздалась:

— Выходи! Приехали!

Повыпрыгивали мы прямо в метель и смотрим: голая степь и место, где завод будет, забором огорожено. Ничего нет, и жить негде.

Ребята мы были молодые, задорные, плакать и пищать не стали. Хоть и доставалось поначалу лихо: все делали вручную — и кирпичи таскали и котлованы для заводского корпуса копали. Лошадей несколько десятков — вот тебе и вся механизация! Однако справлялись.

Отработав часов по десять, а то все четырнадцать, шли учиться на кузнецов, зуборезов, слесарей, знали: когда мы свой завод построим, нам на нем и работать!

Вот он, первенец знаменитого тракторного завода.

Жили в бараках по сто человек в каждом: русские, белорусы, казахи, украинцы — кого только не было! Все у нас было на всех, и все огромное: если чайник — так ведерный, если банка с солью — так литровая, а еда каждый день одинаковая: щи, каша и семьсот граммов хлеба.

Помню, как 9 мая 1930 года в три часа дня перерезали ленточку, и он выехал из заводских ворот, первый наш трактор. Был он маленький, с трубой, дымил и свистел, а нам казалось, нет в мире машины красивее! Всем заводом провожали его на вокзал.

В этот день наш тракторстрой стал тракторным заводом.

Страница вторая год 1942

РАССКАЗЫВАЕТ ЗИНАИДА СМИРНОВА, УЧАСТНИЦА СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Летом 1942-го наша дивизия воевала на дальних подступах к Сталинграду. Это место легко найти на карте — там Волга ближе всего подходит к Дону.

На рассвете 7 августа рота наша вступила в бой. Сколько отбили мы атак — и не вспомнить, но часам к трем дня фашистские танки обошли нашу позицию. Связь с полком была потеряна, боеприпасы кончились, воды не было даже для раненых. От роты осталось человек десять. Мы собрались в блиндаже. Биться решили до последнего.

Над нашими головами раздался топот. Это были немцы.

Через переводчика они предложили нам сдаться. Мы молчали. Один из фашистов нагнулся над входом в блиндаж. Ему и досталась последняя пуля. Наверху послышался крик, затем команда открыть огонь. Мы поняли, что наступил конец.

Немцы бросили в блиндаж гранату. Те, кто остался жив, тяжелоранеными попали в плен. Нас отвезли в лагерь, в станицу Нижне-Чирскую.

Побег я задумала, как только поднялась на ноги. Вся надежда моя была на станичных жителей — их пригоняли в лагерь на работу. Мы заме-

тили, что охрана их обыскивать обыскивает, а считает кое-как, невнимательно.

Как-то на работе оказалась рядом со мной станичница, немолодая уже казачка. И я вдруг, как в воду кинулась, сказала вроде и не ей, а так, в воздух:

— Принеси мне платье деревенское!

Она в ответ одними губами и тоже на меня не глядя:

— Одна побежишь!

— Нет,— говорю,— с подругой.

— Значит, два платья и две косынки нужны.

Просьба моя была страшная: если при входе найдут у кого-нибудь гражданскую одежду для пленного,— расстреляют самого и семью не пощадят.

Не знаю, как только принесла та смелая женщина платье, а ведь принесла на другой же день два деревенских наряда! Видно, помог ей еще кто-то.

Мы с подругой Зоей, санинструктором из нашего батальона, переоделись потихоньку и пошли к воротам со станичниками. И тут — от волнения ли, от усталости или от раны незажившей — подкосились у меня ноги, чувствую, что валюсь на землю. Спасительница моя, что платье принесла, подхватила меня под руку, держит крепко, почти несет, так и провела мимо охраны. Я и не помню, как прошла.

В ту же ночь на берегу Волги встретили мы наших разведчиков. Попали к своим и снова воевали.

◀ *Это Зина Смирнова. Маленькую девушку с косами товарищи ласково прозвали «игрушечным солдатом».*

Страница третья
год 1943

Отогнали фашистов от Волги. Сталинград лежал в развалинах. Казалось, десятки лет не удастся его отстроить.

И вот сталинградская комсомолка Александра Черкасова — она была тогда воспитательницей в детском саду — предложила своим товарищам взяться и восстановить город. Отряды «черкасовцев» вышли на улицы. После своей работы на заводе или фабрике, после занятий в институте они разбирали развалины, расчищали площади, помогали строить. Каждый чему-нибудь научился: кто кирпичи класть, кто раствор замешивать, а кто окна стеклить.

Когда об этом узнали в других городах, разрушенных войной, и там появились свои комсомольцы-«черкасовцы».

А самой Александре Черкасовой и ее бригаде досталась честь отстроить знаменитый Дом Павлова — здание, где маленький отряд советских бойцов пятьдесят восемь суток — целых два месяца! — сдерживал натиск фашистов, рвавшихся к Волге, и так не дал врагам прорваться на берег реки.

Вот видишь на фотографии: Александра Черкасова передает Герою Советского Союза Павлову дом, который восстановила ее бригада.

Ю. НОВИКОВА

Таинственный источник

Злые волшебники в сказках любят задавать коварные вопросы. Но при всей каверзности загадки их разрешимы, и волшебники остаются в дураках. Любопытно, что получилось бы, если кто-нибудь из них вздумал спросить: «Почему прекрасное прекрасно?»

Прекрасное, а не красивое. Красивое бывает и приукрашенным, а в секретах такого рода нетрудно разобраться. Прекрасное подлинно и неделимо, просто и величаво. Пойди объясни, почему.

Пойди объясни, почему прекрасны строки Анны Ахматовой:

...Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

Все слова здесь как будто житейские, обиходные, расставлены они в привычном порядке... И говорится в стихах о понятном. Почему же их невольно произносишь «взволнованно и тихо», словно боясь спугнуть музыку, звучащую где-то между строками, за строками? Каким неуследимым способом эти стихи убеждают нас, что жизнь таинственна и глубока?

Можно, конечно, объяснить это удивительной зоркостью поэта, редким искусством отбирать слова... Но вряд ли такие рассуждения помогут вам почувствовать прелесть и своеобразие стихов Ахматовой, если вы сами не почувствовали. По крайней мере мы не гонялись за такими объяснениями, когда были в вашем возрасте...

В те трудные двадцатые годы библиотеки нашего городка почти не пополнялись, книжные магазины пустовали... Никому из моих школьных друзей не посчастливилось держать в руках «Вечер», «Четки», «У самого моря», «Подорожник» или другие изданные к тому времени сборники Анны Ахматовой. И все же отдельные стихи из этих книг точно сами собой попадали в наши тетрадки и, как выяснилось потом, запомнились на всю жизнь.

Пожалуй, то были и не лучшие стихи Ахматовой. Но и они — короткие и грустные поэтические истории о сероглазом короле или же о канатной плясунье — дышали непонятным очарованием и отличались от стихов других поэтов. Они убеждали нас, что красота не всегда громоподобна (в те годы ценилось все сокрушающее и громоподобное), что и современный поэт может говорить об очень важных вещах, не повышая голоса.

Что слыхали мы об Ахматовой? В школьной программе о ней не упоминалось. По каким-то неясным, но верным признакам мы ставили ее рядом с другим «внепрограммным» поэтом — Александром Блоком. Об авторе «Двенадцати» мы знали хотя бы то, что его уже нет в живых... Судьба Анны Ахматовой была нам совершенно неизвестна.

Только позднее, в Москве, мы выяснили, что Анна Андреевна Ахматова (Горенко) живет у нас, в Советской России, что она не уехала, не захотела уехать от революции за границу, как иные поэты ее поколения. Некий голос — об этом она говорила в стихах — звал ее туда, но...

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух...

Из книг мы узнали, что Ахматова — в Ленинграде и этот холодный город, видимо, стал ей роднее жаркого Крыма, где «у самого моря» прошло ее детство. «Город славы и беды» вошел в ее стихи — весь — вместе с темными водами Невы, со всеми дворцами и статуями, с Летним садом, с «истомной скукой» Царского — ныне Детского — села...

Так город Пушкина, Достоевского, Блока стал для нас и городом Ахматовой. И не удивительно, что две девушки-студентки, приехав в Ленинград всего-то на три дня и страшась хоть что-нибудь упустить, мечтали — хоть издали! — увидеть Анну Ахматову.

В тот снежный день мы — прямо от могилы Блока — поехали на Мойку, 12. И, входя в квартиру Пушкина, до того волновались, что не обратили внимания на ту, которая выходила на улицу из вестибюля... Только раскрыв книгу посетителей, мы поняли, кто была эта женщина, на которую мы даже не взглянули...

— Ну да, Ахматова,— подтвердила гардеробщица.— Анна Андреевна. Она тут у нас, у Пушкина, часто бывает.

Ахматова и вправду была частой и неслучайной гостьей «у Пушкина», потому-то я и упомянула об этой, говоря по-ахматовски, «невстрече»... Кто еще из наших современников был связан с Пушкиным так кровно, как Анна Ахматова?.. И не только строфами, посвященными великому поэту, не только великолепными статьями. Весь строй поэзии Ахматовой — пушкинский: не от Пушкина ли эта соразмерность, стройность, эта гармоническая простота, за которой ощущаются просторы?.. Скром-

но, но с сознанием своей силы она сама указала нам на эту преемственность в стихах о царскосельском, пушкинском парке:

...Здесь столько лир повешено на ветки,
Но и моей, как будто, место есть...

«Лира» и «Муза»... Эти слова казались нам — да и вам, возможно,—отжившими, вышедшими из употребления. Ахматова как бы возродила их, и не просто «для красоты»: «высокий» лад ее стихов утверждал высокое призвание поэта...

В те годы было немало критиков, упрощавших сложный мир художника-творца, да и вообще человека. «Все — очень просто»,— так примерно рассуждали они. «Поэт должен слушаться нас,— своих учителей, да почаще перечеркивать написанное,

Анна Ахматова.

сидя за столом... Главное — усердие. А вся эта болтовня о поэтическом даре, о призвании — выдумки фантазеров...»

Всем своим творчеством — даже внешним обликом своим! — Анна Андреевна Ахматова опровергала эти суждения... Это ощущал каждый, кто хоть раз слышал, как читает она свои стихи: на эстраде ли (за последние годы это случалось редко), в крохотной ли комнатушке, где она чаще всего останавливалась, приезжая в Москву, в комнатке, такой тесной для нее — величавой королевы в венце из седых волос...

Глубоко звучал ее органный голос, строки выражали непреложную правду. Иной раз Анна Андреевна сама как будто немного удивлялась им, а у слушателя холодок пробегал по коже. И не оставалось никаких сомнений, что эти строки продиктованы музой, таинственной гостьей «с дудочкой в руке», той самой, что приходила к великому Данте...

Да, Анна Ахматова владела удивительным песенным даром. Этот врожденный дар — благословение

и проклятие — обрекал ее на постоянную, вдохновенную внутреннюю работу, никак не похожую на ту, о которой говорили бескрылые упрощенцы... Анна Андреевна не так уж много времени проводила за письменным столом, но в жизни ее почти не было минуты, когда бы она не прислушивалась к строкам, зреющим в сознании. Она точно всматривалась в них, что-то отбрасывала, проясняла... И только тогда, когда они становились безукоризненно верными, записывала в «белоснежную тетрадь». Мы все помним эту тетрадь в прекрасном переплете, чуть ли не единственную дорогую вещь у нее, не имевшей вещей...

Ничего-то у нее не было, у величавой королевы,— ни богатых платьев, ни «обстановки»!.. Да так ли уж это важно?.. Анна Андреевна чуть-чуть подтрунивала над писателями, тщательно создающими себе «условия» для работы. Муза, или, говоря прозой, творческое состояние, не погнушается прийти к поэту, несмотря ни на что, если только он настоящий поэт, а не «самозванец».

Так было с самой Ахматовой: муза посещала ее, не сообразуясь с внешними условиями. С годами поэзия ее не старела, голос мужал, темы становились шире. Русский поэт, она разделила со своей землей все тяготы. Никогда не декламировала Анна Андреевна о своей любви к Родине, но русская природа, русская история составляли суть ее стихов. И в годы Отечественной войны так естественно прозвучали слова ее клятвы:

...Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!

Правду, только правду писала Ахматова, и писала так, как было свойственно только ей. Из-за верности своей, ахматовской музе впадала она иногда в немилость у жизни, и порою на долгие годы... Но наконец к ней постучалась широкая слава: слава окружила ее и дома и за рубежом.

В Италии Ахматовой вручили литературную премию Таормина, английские ученые торжественно облекли ее мантией доктора Оксфордского университета... На Западе ее встречали почетом, даже поклонением... И все-таки, возвращаясь из поездок, Анна Андреевна с гордостью говорила, что искренне — не ради моды — стихи любят лишь у нас, в России, что и переводят-то стихи по-настоящему, с уважением к автору только у нас!.. Не знаю, случалось ли ей там, за границей, беседовать с белоэмигрантами, с теми, кто, оставив родину, сочинял о ней стихи «навзрыд»... Но именно таким людям адресовано ее горделивое, резкое, выстраданное стихотворение «Родная земля». «Мы не делаем эту

Рисунки В. НЕКЛЮДОВА

землю предметом купли и продажи», — говорит она в этом стихотворении:

...Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
Но мы мелем, и месим, и крошим
Тот, ни в чем не замешанный прах.

Но ложимся в нее и становимся ею.
Оттого и зовем так свободно — своею.

Горько читать эти строки теперь, когда сама Анна Андреевна Ахматова легла в родную землю. Это случилось два года назад — 5 марта 1966 года. Ахматова прожила длинную жизнь, но когда бы ни умер настоящий поэт, он всегда покидает нас слишком рано... В утешение она оставила нам сияющий, неповторимый мир своих стихов, где, говоря ее же словами:

...Все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

✲

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

✲

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

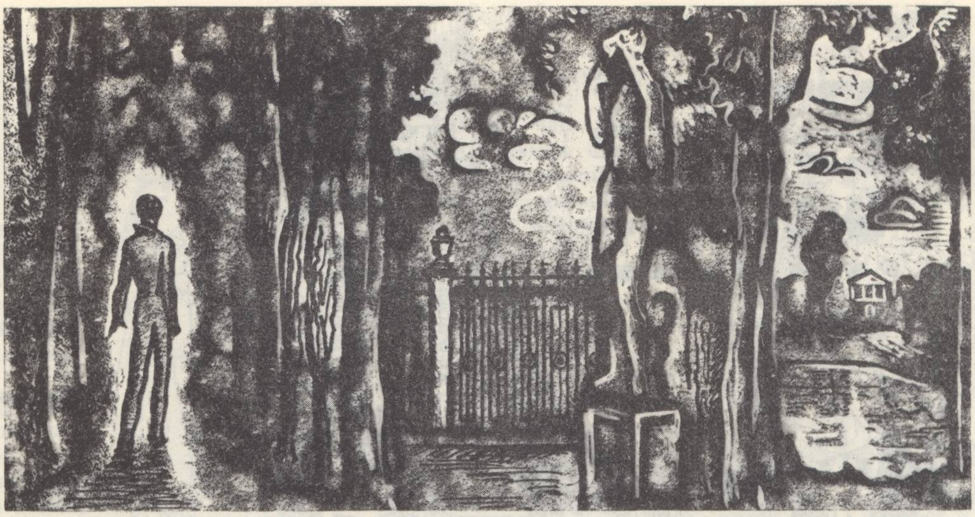
А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

✲

Памяти моего соседа,
ленинградского мальчика
Вали Смирнова.

I

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!

Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

II

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я живу за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона.
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942. Ташкент.

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой [1].

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

[1] В наводнение 1924 года.

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой
в руке!
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Поэт

Подумаешь, тоже работа, —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И все — у ночной тишины.

Л. БЕРНСТАЙН

Пересказал С. СОЛОВЕЙЧИК

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО

4. Народная музыка в концертном зале

Народные песни и народные танцы — сердце музыки. Вы удивитесь, когда узнаете, сколько большой, совершенной концертной музыки выросло из музыки народной.

Вот мы слышим простую песенку — ее могут петь всюду, где собираются люди: на празднике или в походе, вокруг костра. Но ее нигде не поют. Больше того, это и не песня вовсе. Эта мелодия написана для кларнета, она из симфонии Моцарта. Как же так? Мелодия эта проста и естественна: нам кажется, ей не место в *симфонии*. В симфонии должно быть что-то серьезное и сложное... Но это представление неверно. Почти вся симфоническая музыка тем или иным путем вышла из музыки народной.

Что такое народная музыка? Народная музыка отражает особенности простых людей определенной национальности. Если вы послушаете песни какого-нибудь народа, вы всегда сможете что-нибудь сказать о нем. Многие люди думают, что народная музыка возникла сама по себе, без всяких композиторов. Это неправильно. Народная песня или танец тоже были кем-то написаны или по крайней мере сочинены, только мы не знаем, кем именно, кто это был. Но кто-то сочинил песню, и она переходила от отцов к сыновьям, от матерей — к дочерям сотни и сотни лет, и не было необходимости записывать ее.

Большая часть народной музыки принадлежит далекому прошлому, когда разные народности были больше разъединены, чем сейчас, и особенности их характеров выделялись резче. Иногда эти песни отражают особенности климата какой-то страны; или что-то говорят нам о ее географии; или даже о том, чем по преимуществу занимаются люди этой страны. Кто они? Пастухи? Ковбои? Шахтеры?

Но самое важное вот что: народные песни отражают ритмы, ударения и темп речи простых людей. Другими словами, их язык — особенно язык их поэзии — вырастает в музыку. А эти ударения и ритмы обычной речи в конце концов проникают в симфоническую музыку, в оперу, в концертную музыку народа. И потому музыка Чайковского звучит как русская музыка, музыка Верди — как итальянская, а музыка Гершвина — как американская.

Возьмем какую-нибудь венгерскую песню. Даже если мы не знаем ее слов (по словам-то легко догадаться!), мы сразу поймем, что эта песня — венгерская. Потому что венгерский язык имеет такую особенность: почти во всех его словах ударение на пер-

вом слоге. И точно такие же ударения, акценты, в музыке: всегда в начале фразы.

Так что совершенно понятно, почему у великого венгерского композитора Белы Бартока в музыке слышны те же самые ударения, хотя его музыка вовсе не народная. Народная музыка проникла в концертные залы.

Возьмем французский язык. В нем почти нет сильных ударений. Почти все слоги равны между собой — не по длине, а по силе, с которой они произносятся. Если вы услышите человека, который говорит по-французски, но с сильным ударением,— знайте, что перед вами не француз.

И эти же одинаковые ударения слышим мы во французской народной музыке. Одни ноты, одни слоги тянутся дольше других; но если ударять на клавиши сильнее, чем нужно, мы получим венгерскую музыку вместо французской. Французская музыка совсем так же, как и французская речь, звучит ровно, гладко.

Так мы можем перебрать язык за языком. Итальянский, например, знаменит своими очаровательными гласными звуками.

Все знают, конечно, как поется эта красивая песня:

— Са-а-нта-а Лю-чи-и-я. Сан-та Лю-чи-я...

Эти протяжные гласные отражаются и в итальянской инструментальной музыке.

В испанском, наоборот, гласные не длятся так долго и протяжно; в этом языке более важны согласные. И народные испанские танцы вроде «бамбы» — четкие и ритмичные. Немецкий — очень тяжелый язык, с длинными словами и сложными комбинациями звуков. Вот одна из самых простых строчек в опере Вагнера «Тристан и Изольда»:

«Soll ich schlürfen, untertauchen,
Süss in Düften mich verhauchen?»

И немецкая симфоническая музыка всегда кажется нам несколько тяжелее, длиннее и — ну, скажем, *значительнее,* чем, например, французская или испанская.

Очень часто концертная музыка прямо использует настоящий народный материал — народные мелодии, как в симфонической поэме «Влтава» чешского композитора Бедржиха Сметаны, в Четвертой симфонии русского композитора Петра Ильича Чайковского. В последней части этой симфонии, в финале ее, звучит русская хороводная песня «Во поле березонька стояла», грустная и веселая, очень задушевная. И нисколько не странно видеть «Березоньку» одетой в строгие костюмы концертного зала, она не кажется нам ни бедноватой, ни слишком простой — она как раз на своем месте. Потому что, повторим, почти вся симфоническая музыка в конечном счете вылилась из музыки народной, связана с нею.

РУКИ ПИАНИСТА

Всех ребят, которые учатся музыке, волнует: а хорошие ли у них руки для игры!

Вот что говорил об этом замечательный советский пианист и педагог Генрих Густавович Нейгауз:

«Я часто проповедую ученикам, что играют на рояле прежде всего головой и ушами, а затем уже руками, и что с «плохими» руками можно играть очень хорошо, а с «хорошими» — очень плохо... Но тут же я прибавляю, что исключительные, уникальные пианистические достижения возможны только, когда между духовными и телесными данными пианиста существует полная гармония (то есть когда и талант исключительный и руки исключительные)... Посмотрите на руки наших современных сильнейших пианистов-виртуозов: Рихтера, Гилельса, Горовица... Вы сразу, по первому впечатлению, убеждаетесь в том, что это руки особой, редкостной и исключительной приспособленности к фортепьянной игре в большом масштабе... Во-первых, человек рождается с талантом и превосходными руками (а сие, как известно, от нас не зависит), во-вторых, так как он талантлив, то есть любит и хочет играть (а талант, повторяю,— это страсть), то он играет много, играет верно, правильно, хорошо играет и поэтому наилучшим образом развивает свои от природы уже прекрасные руки (а сие от нас зависит). Так настоящий пианист становится тем, кто он есть; если пианисты с неудобными руками не могут ему подражать в первом пункте, пусть подражают во втором, хорошие результаты не замедлят сказаться».

Юрий ЯКОВЛЕВ

РАССКАЗ

ТриНадцатЬ

Я знал, что этот день придет. Я отгонял от себя мысли об этом дне, убеждал себя, что до него еще далеко. А он приближался, приближался и, наконец, настал.

Стараюсь что-то делать, чтобы отвлечь-

Рисунок Б. ЧУПРЫГИНА

ся от своих мыслей. Дело валится из рук. В квартире тихо, спокойно, все вещи на своих местах. Меня выводит из себя покой, тишина, порядок! Лучше бы их не было и были бы они. Их было тринадцать — глазастых, ушастых, хвостатых, лапастых, лобастых, голосистых. Тринадцать бегущих на мой голос, на мои шаги, на мое тепло.

Доня лежит на диване, положив голову на лапы. Она не скулит и не ищет своих щенков, которые вдруг исчезли. Мы ищем их. Мы ходим, как опущенные в воду. Мы зовем их молча, про себя. Тяжело скучать по одному щенку. Каково скучать по тринадцати?

Их было тринадцать. Они появлялись на свет почти целые сутки. После каждого вновь родившегося мы бросались к телефону и сообщали друзьям:

— Четыре ноль в нашу пользу!.. Шесть ноль... Семь ноль...

После девятого щенка лег спать Андрей.

Когда рядом с Доней лежало одиннадцать щенков, врач сказала:

— Все!

Я лег спать. Через час меня разбудила Нонна:

— Тринадцать ноль!

Они рождались легко, почти незаметно. Стоило отвлечься — и на полотняной подстилке появлялось еще одно крупное черное пятно. Пятно начинало шевелиться. Пятно подавало голос. И вот уже большой розовый собачий язык принимался за дело. Доня с таким старанием лизала новое пятно, словно хотела его отмыть. И вот уже пятно поползло к соску. Приползло. Нашло с закрытыми глазами. Началась новая жизнь. Тринадцать новых жизней.

Они живут в двух тазах. Пока один таз спит — другой кормится. Потом тазы сменяются. Таз за тазом. Таз за тазом. У нас слипаются глаза. Доня валится с ног. Двусменное питание. Двусменная жизнь. Не хватает сосков. Не хватает времени. Тринадцать щенков. По пятьсот граммов. Общий вес нетто — без тазов — шесть с половиной килограммов.

Розовые пятки, уши — как скорлупки от подсолнухов, лапки расползаются, как у лягушат. Шерсть черная, блестящая — настоящая овчарочная, чепрачная. Одни урчат, другие скулят, третьи пищат, четвертые в нарушение всех собачьих правил мяукают.

И только глаза закрыты. И не поймешь, спят они или бодрствуют. А может быть, они, все тринадцать, играют в жмурки. Или, как лунатики, ходят с закрытыми глазами, вернее, не ходят, а ползают. Вероятно, глаза им заменяют носы, крохотные, черные, блестящие, ноздри — запятые.

Они спят в тазу, как в круглом гнезде — черные птенцы большой черной птицы. Может быть, у них в самом деле прорежутся крылья, как зубы, как глаза. Они спят вповалку, превращая друг друга в подушки, матрацы, одеяла. Это выглядит так: один спит на животе другого — это его подушка,— но сам он матрац для третьего, а третий — для него одеяло. Словом, они спят рядом, валетом, крест-накрест, один на другом. Тихо. Им очень удобно и тепло. Не будите их, они сами проснутся.

Когда одновременно спят два таза — это большая удача. Можно самим поесть, или подремать, или выйти с Доней во двор. Доня похудевшая, возбужденная, подичавшая. Она мчится по лестнице вниз, потом вверх, а я, как десятилетний мальчишка, скатываюсь со ступенек, потом взлетаю по ним и даже не чувствую одышки.

А один таз уже превратился в гудящий улей. Гудят наши черные пчелки — пробуждаются. Но вот уже улья нет, зато появилось лягушачье болото — заквакали, проснулись. Через минуту все лежат у Дониного теплого живота. И тут начинает работать насосная станция. Щенки сосут молоко, ритмично причмокивая; лапки, как поршни, надавливают на соски — левой, правой, левой, правой. Хвостики дружно машут. Цоц, цок, цок. Работает машина сытости. Цок, цок, цок. Работает машина жизни.

Через несколько дней тазы становятся малы. Выросли наши питомцы из тазов. Появляются большие ящики. В ящиках просторно. Можно разлечься, как на пляже,— животом вверх, можно потянуться, можно побаловаться.

Донюшка отыскала свою старую резиновую игрушку и положила в ящик: играйте! Не играют с игрушкой. Не умеют. Не научились. Маленькие. Одинаковые. Неразличимые.

— Ты спи сейчас. Я тебя разбужу.

— Ты поешь, я побуду со щенками.

— Откуда звонят? Из редакции? Извинись, не могу подойти.

Мы спали урывками, от случая к случаю, лежа, сидя, как придется. Но были счастливы. Вокруг нас двигалась, набирала силы, клокотала, теплилась новая жизнь — трепетная, нежная, наивная и мудрая, робкая и всемогущественная. И мы были охвачены ее радостью. Толчки тринадца-

ти сердец подключились к нам, весело разгоняли нашу кровь по жилам.

Нам очень хорошо жилось в эти дни.

Мы еще не различали их — маленьких, одинаково черных, одинаково подвижных, одинаково родных. Мы их воспринимали целиком, всей их славной семейкой.

— Первый ящик поел. Приготовьте второй ящик.

Гудит улей. Поквакивает лягушиное болото. Ритмично цокает насос жизни.

На третий день мы уже кормили их жидкой сладкой кашкой. Сперва им не нравилась соска. То они не могли выжать из нее ни капли, то захлебывались. Черные мордочки были в белой каше. Они отворачивали мордочки от каши. Мамино молоко вкуснее! Но какая мама в силах прокормить тринадцать растущих не по дням, а по часам сыновей и дочерей!

На шестой день они уже ели мясо. Мы делали шарики из фарша и давали своим зверятам. Они ели с аппетитом. У них уже были зубы и когти. Они ели мясо, как подобает псам овчаркам.

Тому, кто поел мяса, надевали красную ленточку, чтобы знать: он поел мяса.

— От них пахнет львами,— сказала Нонна.

Это открытие сразу возвысило щенков в наших глазах. Мы стали думать об их будущем. Мы стали тревожиться об их будущем. Мы впервые подумали о том, что придет день, когда нам придется расстаться...

Все мои знакомые и друзья одобрительно посмеивались над нами. Щенки относились к нашим заботам как к должному. Только одно существо накапливало в своем сердце глубокую благодарность — Донюшка. Эта благодарность была частицей ее материнского счастья. Мы кормили щенков кашей и фаршем, а Доня облизывала их грязные мордочки — помогала нам.

Несколько раз щенки в нашем представлении становились взрослыми. В первый раз — когда стали есть кашу. Второй раз — когда прозрели. Что-то заблестело в узких щелочках. Глаз еще не было видно, только живой радостный блеск. Глаза не открылись, а зажглись. Они были для нас источником удивительного света. В нашем доме зажглось целое созвездие из двадцати шести звезд — созвездие наших псов.

Я входил в комнату — и сразу же братья и сестры бежали мне навстречу. Они обступали меня со всех сторон, и я уже не мог сделать ни шага. Я был побежден и ложился. И тогда меня начинали лизать, кусать, царапать. А я гладил их, брал на руки трепещущих черных птенцов со сложенными крылышками и, кажется, тоже лизал их.

Теперь они уже не были одинаковыми. Мы начинали различать их по подпалинкам, по форме мордочек, по лапам, по животам, по ушам. У них не было имен, и мы давали им свои условные имена, похожие на имена индийцев,— «Белый палец», «Розовые лапки», «Большое ухо», «Соня», «Непоседа».

Кончились резиновые соски. Вернее, они превратились в игрушки. На пол ставились миска с молоком, миска с кашей. И маленькие проворные язычки принимались за работу. Бывали случаи купания в белом молочном море. Иногда один щенок, наевшись вдоволь, вброд переходил кашу. Красные галстучки стали малы. Пришлось делать новые.

Каждый новый день приносил новое умение:
научились чесать за ухом;
научились мыться языком;
научились кусаться;
научились радостно махать хвостиком;
научились наклонять набок голову: «Я вас слушаю?»;
научились лаfive;
разучились мяукать.

Лапы у них здоровые, уши длинные, глазки озорно сверкают.

Теперь щенки уже издают множество разных звуков: лают, рычат, пищат, кряхтят, зевают вслух, чихают.

Лапы у них здоровые — от взрослой собаки. Не рты, а пасти. Уши длинные, как у шапки, только без тесемочек.

Они спят неспокойно, со сновидениями. Во сне они бегают, плавают и даже летают. Во сне лают:

— Ваф! Ваф!

Все спят, а одному не спится. Он ходит и хватает своих братьев и сестер кого за ухо, кого за хвост, кого за лапу. А те рычат на него сквозь сон.

Мы стараемся утихомирить разгулявшегося братца. Кладем его на бок и гладим, и увещеваем, и поем что-то вроде колыбельной песенки. Не спит. Глазки озорно сверкают. Рыжие бровки треугольные подняты. Хвостик — как на пружинке. Ушки на розовой подкладке. Со временем у него появится имя — Эгей.

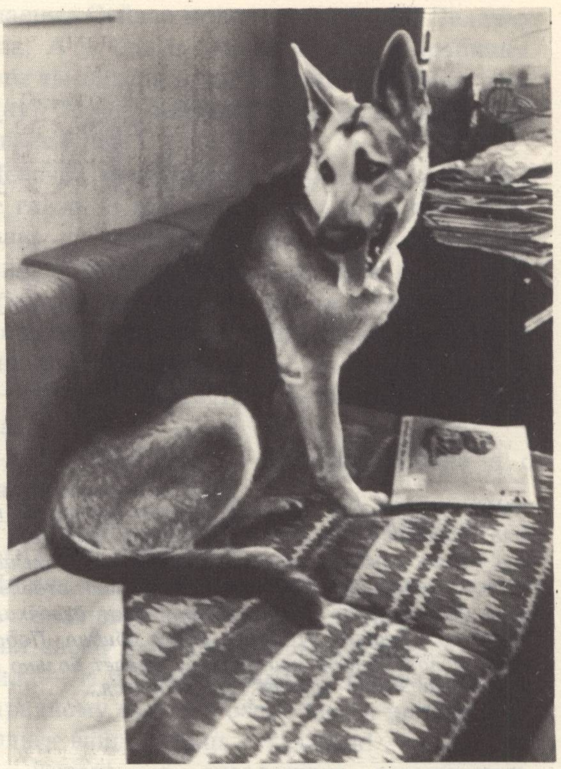
В один прекрасный день щенки пошли на штурм своих крепостей — ящиков. Они становились на задние лапы и пытались перевалиться через высокие деревянные борта. Мы оказывали им сопротивление. Смельчаков, которым удалось очутиться на полу, водворяли обратно. Мы защищали ящики, как могли. Но в конце концов выкинули белый флаг. И выкинули ящики. И вся комната стала принадлежать щенкам.

А через несколько дней они завладели всей квартирой.

Не верьте тем, кто говорит, что щенки грызут мебель. Наши питомцы не съели ни одного стула, ни одной ножки от дивана. Старые журналы они грызли и домашние туфли, наказывая растяп, тоже пробовали на зуб. Но больше всего они любили ноги. Они как бы играли в давнюю детскую игру «голы ноги не казать» и пробовали свои маленькие острые зубки на ногах Нонны и Инны. Те героически терпели. Даже отучились взвизгивать. Когда же кто-нибудь из щенков смыкал свои крепкие челюсти на моих брюках, то разжать эти клещи была только одна возможность — приподнять щенка над землей. Этот метод надежный, проверенный.

При всей своей наследственной боевитости щенки были удивительно ласковы. Я брал их по очереди на руки, и они лизали мне подбородок, нос, губы — при этом дышали львиным духом. И в конце концов хватали зубами за мочку уха. Не очень сильно, слегка, не желая причинить мне боль,— из непреодолимого ребячьего озорства.

Потом всего этого не стало. Ушло из жизни. Оторвалось от сердца. Приходили люди с одеялами, платками, кошелками. И щенков становилось все меньше. Первым от нас ушел Эгей. Он попал к сухому, желчному человеку, и мы выкупили его, как выкупают из рабства. Мы решили оставить Эгея себе. Но две овчарки плохо уживаются под одной крышей. Они скоро забывают свои родственные связи... Прощай, Эгей, наш сынок с рыжими треугольными бровками и большими ушами на белой подкладке...

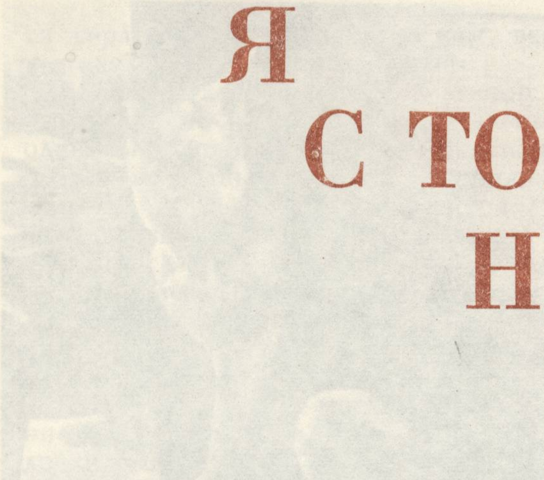

Тяжело скучать по одному щенку. Каково же скучать по тринадцати?

Наши щенки живут в разных домах, у разных людей. Растут. Прибавляются в весе. У них встают уши. Они любят своих новых хозяев, а хозяева любят их. Эта удивительная взаимная любовь приносит ни с чем не сравнимое обновление, делает дом еще роднее, по-новому объединяет семью.

Недаром мы не спали ночей, недаром хлопотали над милыми четвероногими существами. Нас благодарят люди за нечаянную радость, занесенную в их дом. И мы встретили много новых друзей, почти столько же, сколько было щенков.

А я все думаю, что будет потом. Когда наши питомцы станут большими, грозными овчарками, прекрасными псами, сильными и статными. Сохранят ли они память о самом первом месяце своей жизни? Запомнят ли наши голоса, наши руки, наше тепло? И когда мы встретимся, замашут ли они хвостами и положат ли лапы нам на плечи?

Я с тобой не вожусь...

Мне тринадцать лет, я в шестом классе. В пятом классе было мало хулиганов, но сейчас ни одного хорошего мальчика не осталось. Очень грубо относятся к девочкам. Мальчики не считают нас за своих товарищей, все свои дела делают отдельно от нас, сторонятся, на каток ходят отдельно. Они дают девочкам клички и кричат только по кличкам. Это очень даже обидно. Подойдут сзади и ударят по голове книгой или палкой. Бывает больно и обидно. И девочки тоже не очень дружат, все ссорятся...

Галя Ч.,
г. Орск.

ГАЛЕ Ч. ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТ ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Когда стукают по голове книгой, а то еще и палкой, — тут кто угодно обидится. Даже, может быть, заплачет. И всякому обидно, когда дают кличку. И неприятно, когда тебя сторонятся, будто ты утыкан колючками или вымазан масляной краской.

Девочкам хочется подружиться с мальчишками, может, они, мальчишки, не такие уж хулиганы, а только кажутся хулиганами. Хочется вместе ходить на каток, в кино, в поход. А мальчишки не желают. Они держатся своей мальчишечьей компанией и на девчонок — ноль внимания. Как говорят малыши: «Я с тобой не вожусь». Что тут поделаешь? Конечно, хорошо бы всем дружить, вместе придумывать интересные дела, вместе выполнять свои планы... Но не всегда так получается.

Даже в самом дружном-раздружном классе не всякий всякому — друг. А уж в таком, как ваш, тем более. Но тут хочется сказать тебе, Галя, одну важную вещь. Дружить можно по-разному. И не дружить можно по-разному. А вы, девчонки, умеете дружить? И не дружить умеете? Честно говоря, не все и не всегда.

Шестой класс «Б». Мальчишки сами по себе. Девочки — тоже. Но среди девочек нет единства: две-три группки, в каждой — своя самая главная девочка. И компании эти враждуют, иногда яростно и злобно.

— Ты зачем дала Ленке алгебру списать? Она же с Ольгой дружит!

— Ну, она попросила.

— Нечего их выручать. Она про тебя, знаешь, что сказала? Что ты сама за мальчишками бегаешь, за Сашкой Ермаковым.

— Я? За Сашкой? Да нужен мне Сашка! А сама и есть мальчишница. Она думает, я не видела, как она Светловскому из своей

ручки все чернила выкачала, а сама карандашом писала. А на людей говорит. А у самой косы тощие, как макароны.

— Ага, ну точно, макароны. Ой, не могу!

И долго еще хихикают девчонки, шепчутся, подталкивают одна другую локтями.

Когда Марину за что-нибудь ругает учительница, Ольга повизгивает от удовольствия. Когда Светлана на уроке физкультуры неловко прыгает через коня, в рядах «противника» раздается дружный смех.

Может быть, в этом классе какие-нибудь особенно злые или глупые девчонки? Нет, обыкновенные. Просто они, девочки, не замечают, какими бывают часто несправедливыми и недобрыми. Даже с единственной подругой не всегда на равных. Одна девочка сказала мне:

— В дружбе всегда один человек всадник, а другой лошадь. Мне надоело быть лошадью, я больше не дружу со Светкой.

А ведь и правда, нередко бывает, что девочка посильнее командует своей более покладистой подружкой, подчеркивает свою власть над ней даже в мелочах.

— Понеси мой портфель, у меня руки замерзли!

А в другой раз:

— Заходи за мной перед школой, а то я сплю долго.

И подруга, боясь потерять дружбу, заходит, даже если не по пути. Жмется в передней, пока ее приятельница дожевывает завтрак. Она чувствует себя униженной, но не решается протестовать. Она знает, что не получится разговора по справедливости, а вспыхнет ссора, может оборваться дружба, а одной совсем несладко. К тому же она знает характер своей подруги: кому Зина не друг, тому она враг. И не жди пощады. Всех девочек настроит против нее, заклюют. Лучше уж носить Зинин портфель, бегать в кино за билетами, терпеть окрики и капризы...

Трудно слабому стать сильным. Непросто робкому стать смелым. Но не быть жестоким обязан всякий. И каждый может посмотреть на себя со стороны, строго, без поблажек.

На скамейке в нашем дворе сидели четыре девочки и оживленно о чем-то спорили. Я подошла, села рядом. Девчонки так разгорячились, что спора не прекратили.

— Значит, ты считаешь, что у Ольги глаза красивые? А по-моему — ничего особенного, глаза как глаза.

— Глупые у нее глаза, дурацкие, а не красивые!

— Ну и что ж, что глупые? А все равно красивые, правда, девочки?

— И ничего ты, Маринка, в красоте не понимаешь. Сейчас модно знаешь что? Зеленые глаза. А у Ольги какие? Серые в крапинку. Разве ты видела в цветном кино серые в крапинку? Только зеленые. Вот, если бы у меня были зеленые...

Девочка мечтательно закрыла свои незеленые глаза. В это время из-за угла вынырнул Мишка из третьего подъезда. Он прижимал к животу батон и десятка полтора яблок, видно бегал в магазин, да сумку дома позабыл. Теперь он боялся товар рассыпать, и вид имел очень сосредоточенный.

— Миш, здравствуй, — окликнула Марина.

— Ну чего тебе? — буркнул Мишка и с досадой замедлил шаг.

— Вот мы спорим. Как ты думаешь, у Ольги глаза красивые?

Мишка вытаращился сердито:

— Знаешь ты кто? Ты — курица. — И зашагал своей дорогой. Потом обернулся и добавил: — И все вы курицы! — И уже подойдя к парадному еще раз обернулся и крикнул: — И Ольга ваша курица с глазами!

— Дурак! — с опозданием огрызнулись девчонки.

Мальчишки нередко обходят девчонок стороной. Им вполне хватает своей мужской дружбы. Досадно, правда? Так хотелось бы, чтобы мальчишки подождали вас у раздевалки и вместе пошли из школы. Чтобы не топорщились у стены, когда на «огоньке» вы включаете проигрыватель и пускаетесь танцевать — Света с Галей, а Оля с Валей. Ну что вам стоит, мальчишки, потанцуйте с девочками, это совсем не страшно. Нет, не хотят, стоят у стенки и делают вид, что это — самое интересное занятие на свете. Мальчишки в шестом классе не хотят дружить с девочками. Они дружат между собой.

Мальчишки нередко обходят девочек стороной. Что же они считают себя лучше? А всех девчонок презирают? Спросим у мальчишек. Один ответил:

— Да ну их, пищат, болтают ерунду, сплетни сводят. С девчонками водиться не стоит.

Другой сказал:

— Она лучше всякого мальчишки с крыши прыгает и речку переплывает. Я с ней дружу.

Девчонки разные, как и мальчишки. Не все скандалят и сплетничают, не все унижают подруг злым словом. Но приглядитесь, девочки, еще раз. Есть недостатки, которые у мальчишек встречаются реже, они редко сплетничают, мало ссорятся по пустякам. Уж если дело доходит до конфликта, мальчишки предпочтут открытую драку, а не будут перешептываться и кидать друг другу язвительные слова о прическе, одежде или походке. Маль-

чишки более бесхитростны и великодушны в дружбе. Но есть одно «но».

Эти прямые и великодушные люди из шестого класса, едва дело касается не мальчишечьей дружбы, а девочек, — вдруг могут забыть, что они справедливы, великодушны, честны. Они даже могут схватить на лету и стукнуть девчонку. И не вспомнить, что закон мужской чести — защита слабого. Если прочитают они эти строки, пусть им станет стыдно.

Девочки жалуются: «Презирают, обижают мальчишки». Давайте приглядимся:

Со всеми девчонками мальчишки держатся одинаково? Нет, по-разному. Одну толкнут, другую не смеют. Одной грубят, с другой говорят вежливо. Кому «кричат по кличке», а кому — «Здравствуй, Катя».

А зависит это от девочек: как ведут они себя, есть ли в них чувство собственного достоинства.

Мальчишки не принимают заигрываний, не выносят кокетства. Когда им строят глазки — они отмахиваются, когда с ними говорят неестественно, жеманятся — они злятся. И только в одном случае мальчишки готовы подружески отнестись к девчонке: когда девчонка по-дружески относится к ним, когда подходит к ним простым товарищем, с чувством собственного достоинства и с уважением к достоинству мальчишки. Все люди, а не только шестиклассники не любят, когда им навязываются, когда их вынуждают к чему-то.

— Скажите, а когда вы учились в школе, — спросила меня одна девочка, — мальчишки тоже были грубые?

Мальчишки тоже были всякие. Но мне вспомнилась одна история. Я рассказала, как моя подруга Кира возвращалась из музыкальной школы и мальчишки из нашего класса, Митя Курочкин и Генка Денисов, закидали Киру снежками, отняли виолончель, вытряхнули ее прямо в снег, а в футляре катались с горы. И Кира пожаловалась маме, а мама — директору школы. Мальчишек вызывали на педсовет, им тогда здорово попало, а мы с Кирой их втихомолку жалели и пытались угостить их пряниками, но гордые мальчишки пряников не взяли, а надавали нам тумаков.

Я помню, как в тринадцать лет очень хотела дружить с мальчишками. Не с каким-нибудь одним мальчиком, а просто с мальчишками, быть принятой в их компанию. Но мальчишки этого не хотели. И мы, девчонки, прямо не знали, что делать. Да и теперь нам, взрослым, трудно помочь девочкам в этом тонком деле. Одно знаю: и в дружбе и не в дружбе можно и нужно держаться с достоинством, не хитрить, не притворяться. Если девочка держится спокойно, по-товарищески, если не выкаблучивается, а ведет себя естественно, — мальчишка будет относиться к ней с уважением. На каток, может быть, и не позовет, но палкой по голове, скорее всего, не стукнет.

Мальчишки

4

Мальчики — химики

Открываю парадную дверь — сплошной белый дым! Не видно даже лестницы. А в дыму кто-то кричит:

— Удушливые газы! Вредители!

Это соседка, она вообще любит кричать. Дверь в нашу квартиру открыта настежь, в передней дым еще гуще. Дверь в уборную тоже открыта. Конечно, они пускали по воде кусочки металлического натрия. Уж мне ли этого не знать? Мы с братом его тоже пускали в маленькой миске. Он такой приятный, шелковистый. Металл, а режется ножом. Мы его хранили в банке с керосином.

Когда такой кусочек пустишь в воду, он так интересно бегает, шипит... Ясно, они решили взять кусочек побольше, думали: закроются в уборной, и все будет шито-крыто, — а сами надымили так, что все соседи сбежались.

И все это без меня!

А дверь в комнату брата закрыта, и там они кричат и хохочут. Хорошо, что кухню догадались закрыть, хоть есть где пообедать. Зажигаю керосинку, разогреваю суп, кашу и ем. Выхожу в переднюю — дым расходится понемногу. И тянет меня на сундук в коридорчик.

До чего же я докатилась? До сундука под дверью брата! А давно ли я хозяйничала вме-

А. КАРДАШОВА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

разбитой коленкой

сте с братом в «нашей лаборатории»! Брат позволял мне трогать решительно все! Только придумывал ругательные фамилии. Уронишь что-нибудь, «Безрукова!» — кричит брат. А если плохо соображаешь, «Головастикова» (мозгов не больше, чем у головастика)! Так разве на это можно обижаться? Называй как хочешь, только дай поработать в «нашей лаборатории»!

А сейчас — плохо мое дело, я — на сундуке! Это я-то, которая каждую колбочку, каждую реторту перетерла своими руками! Я, которая не пожалела, разбила своего барана... На чьи деньги куплен аппарат Киппа? Я, друг химической мысли, сижу под дверью!

О, лейтесь, лейтесь токи слез,
И превратите сад в реку!
Венец всей жизни, прелесть грез —
Здесь все повисло на суку!

Я была еще несчастней Больтовой вдовы. Из-под двери идет дым. Э, голубчики, это не химический, честный дым. Это преступный, табачный дым. Я знаю, что вы там делаете — вы курите. Хорошие люди не курят! Уж это верно. Взрослые пускай делают, что хотят, а все мальчики, которые курят, — преступники! И вы там учите курить моего брата. Моего брата! Вон закашлялся кто-то от дыма. Теперь шепчутся. И я вытягиваю шею, и я подслушиваю. Какой позор!

— Ну, мне пора! — услышала я вдруг. Мигом спрыгнула с сундука — и в свою комнату. А дверь не закрыла, чтоб смотреть на них.

Мальчишки, веселые, выкатились из комнаты брата.

— Дым-ский! Дымога-ров! — крикнул брат, повалил Шурку на сундук и давай его катать!

— Ну, брось! — кричал Шурка. — Ну, не валяй дурака!

Мальчишки захохотали, и я за ними. Его валяют, а он кричит: «Не валяй дурака!»

По вечерам, после школы, мой брат и Володя Крахмальников ходили слушать лекции в Народный университет имени Шанявского. Шурка не ходил. У него был свой университет на дому — папа Дымский.

Мальчики сидели на лучших местах, как в театре, и самозабвенно смотрели на сцену. Сперва декорации были простыми — длинный деревянный стол посреди сцены, а в глубине — огромная черная доска, бархатистая от мела. Сбоку — трибуна.

Сперва статисты в темных халатах приносили длинные, узкие ящики с низкими бортами, потом они начинали украшать стол. На

нем, как черные рыцари, вставали высокие штативы. В электрическом свете вспыхивали стеклянные бока трубок, приборов, реторт. На сцене становилось все интереснее. Наконец, статисты удалялись и выходили главные актеры — профессор и его ассистент, оба в черных, строгих костюмах. У профессора была красивая седая голова и суховатые, изящные руки. Достаточно было его движения, четкого и плавного, и ассистент, как бы продолжая это движение, подвинчивал штатив, наполнял колбу одной жидкостью, подбавлял другую, а профессор своей тонкой рукой брал за горлышко колбу, в которой, вспыхивая, колебалась жидкость, и глубоким, звучным голосом говорил о том, что же произошло, что случилось в этой колбе и почему. А потом он подходил к доске, становился боком к аудитории, брал в одну руку мел, в другую — тряпку, но ни мел, ни тряпка не разрушали его элегантного великолепия.

После окончания лекций Володя Крах шел домой, а брату все было мало. Ему хотелось еще потолкаться среди слушателей, посмотреть, как выносят из зала оборудование для опытов, может быть, заговорить с кем-нибудь, войти в незнакомый коридор, заглянуть в дверь с риском, что тебя выставят... Подольше подышать воздухом университета.

Однажды в коридоре брат столкнулся с мальчиком. В руке у него было пустое ведро. Они смотрели друг на друга.

— А, это ты? — сказал мальчик.

— Я.

Это был мальчик с нашего двора. Правда, брат мало его знал. А все-таки знакомый мальчик. Это была удача.

— Что ты тут делаешь? — спросил брат.

— Работаю в кабинете академика Ч., — ответил мальчик.

Брат даже рот разинул: в кабинете самого академика Ч.! А мальчик слегка отодвинул брата и побежал по коридору, позванивая пустым ведром. Брат с завистью смотрел ему вслед. За снегом, наверное, пошел, для охлаждения. У академика Ч. работает, знаменитого специалиста по органической химии! Дождаться этого парня во что бы то ни стало! Вцепиться в него мертвой хваткой! Попасть в кабинет академика!

Почему брата тянуло к органической химии? Неорганическая химия представлялась ему красивой, холодной страной, полной разноцветных мертвых озер, полной блеска кристаллических граней, страной молчаливой, с сухими запахами. А продукты живых организмов — это частички живого, родившегося на земле. Брат пробовал объяснить мне — ну, из этого состоишь ты, и я, и наша кошка...

Вот он, мальчишка, медленно идет с ведром, полным снега.

— Давай понесу!

Мальчик удивился, но ведро отдал.

Они прошли под голой, неяркой лампочкой, брат увидел — губы у мальчика сжаты, он смотрит вперед. Вредный! С таким не очень-то разговоришься.

— А как... А какая у тебя там работа? — спросил брат, уже не думая, унижается он перед этим мальчишкой или нет.

— Какая, какая? У нас там много работы.

— У кого у нас?

— У препараторов. Нас там несколько человек, препараторов.

Смотри, пожалуйста! Препаратор! Ишь ты! А ему, видно, приятно пофасонить.

— А... все-таки, что именно вы там делаете?

— Ну, приборы собираем — есть очень сложные...

«Только бы попасть! — соображал брат. — Уж я оттуда не уйду!»

Так с ведром в руке он вошел в кабинет академика Ч. и не ушел оттуда. Ведро со снегом у него сразу выхватили. Принес? Давай! Мальчишка куда-то исчез. Брат очутился в комнате, населенной высокими приборами с черными скелетами, с прозрачными, круглыми боками, с закрученными спиралью конечностями. А громадный письменный стол был так плотно уставлен крохотными склянками, пробирками, колбами, что одно только место, как раз для листка бумаги, оставалось для записей.

На брата никто не обращал внимания, люди в черных халатах трудились над чем-то в глубине кабинета. Брат подошел поближе и сразу узнал академика Ч.

Какой это был человек! Нет, ни красивым, ни эффектным его не назовешь. Маленький, с бородкой, в очках, с полуседыми густыми волосами, которые все время падали ему на лоб, и с таким чудесным, добрым выражением лица. Брат слушал его лекции в университете. С тряпкой в руках, весь в мелу, он говорил: «Вот вы сейчас увидите сами!» Поворачивался к доске и начинал писать формулы, закрывая их собой. Слушатели буквально ложились на скамьи, чтобы как-нибудь сбоку подглядеть, что он там пишет. Некоторые выскакивали в проход между скамьями и присаживались на корточки, чтобы увидеть снизу... Ведь академик Ч. в увлечении и забывчивости мог тут же стереть написанное и, повернувшись лицом к аудитории, радостно сказать: «Вот какие штуки!» Но никто не досадовал, все понимали, что он жил в своем мире органической химии, а в нашем, обыкновенном, мире почти не задерживался.

Академик с помощью двух препараторов собирал громоздкий прибор на двух высоких штативах. Трубке, которая шла наискось от одного штатива к другому, требовалось охлаждение. Академик держал в руках стеклянный холодильник. Его надо было надеть на трубку. Один препаратор что-то не так завинтил.

— Подождите, я сам! — сказал академик.

Он оглянулся — куда бы деть холодильник? И увидел внимательные, сосредоточенные глаза мальчика. Откуда этот мальчик, академика ничуть не интересовало, но ясно было, что доверить холодильник этому мальчику можно. — Подержи, пожалуйста!

И брат получил из рук академика драгоценный, сверкающий дар. Он замер. Он держал и не дышал. А когда холодильник у него взяли, он уже был здесь на другом положении — он помогал. И даже позволил себе сказать: «Давайте, я подержу!»

А препараторы, которым не хватало рук, давали ему подержать то притертую соединительную пробку со вставленной в нее трубкой, то колбу, то змеевик.

— Сегодня мы собирали прибор у академика Ч., — сказал мне вечером брат как можно небрежнее, чтобы сильнее меня поразить.

5

Пришла открытка

Я расскажу о трех случаях, которые слились в один большой печальный случай.

К этому времени брат уже работал на заводе, производящем электротехническое оборудование.

Однажды, вернувшись летом из деревни, я вошла в комнату брата. Опять перемены: синие, мрачные занавески отодвинуты, комната полна пыльным московским солнцем, в ней много белого — листки, тетрадки, раскрытые книги... На железной кровати — локти в подушку — лежит сам хозяин в серой рубашке, в затрапезных порточках и незастегнутых сандалиях на босу ногу.

— А-а-а! Черномазова-Головешкина-Папуасская! — загнул он мне тройную фамилию.

— Гутен таг, шойнес медхен! — Он был мне рад.

Изучает немецкий. Зачем это?

— А, пожалуй, хорошо, что ты приехала, Головешкина, — бери книгу, будешь меня спрашивать по-немецки!

— Ты что, поступаешь куда-нибудь?

— В университет поступаю, на химфак, надо в люди выходить!

— А разве ты не вышел?

— До настоящих людей мне еще далеко. Надо знания систематизировать, да и диплом не помешает для полного разворота деятельности. Как ты думаешь, Папуасская?

Я тоже так думала, и мы принялись за работу.

Двухнедельный отпуск кончился, но подготовка продолжалась. Двадцать четыре минус восемь — шестнадцать. Вот эти шестнадцать часов, остающиеся после работы, и надо было толково раскроить. Сон необходим. Без хорошего сна голова не та. Шестнадцать минус шесть. Заниматься десять часов в сутки, это было бы роскошно, но, к сожалению, надо есть, умываться, одеваться, ездить на работу и домой. На это уходило два, два с половиной часа в день, как ни крути. Десять минус два с половиной — семь с половиной. Шла жестокая борьба с минутами, которые просачивались сквозь пальцы. Стоило мне открыть рот, как брат уже кричал: «Короче! Короче!» С мамой за него объяснялась я. Кормила его я.

В трамвае он не занимался, как это делают многие.

— Это неполноценно! — говорил он.

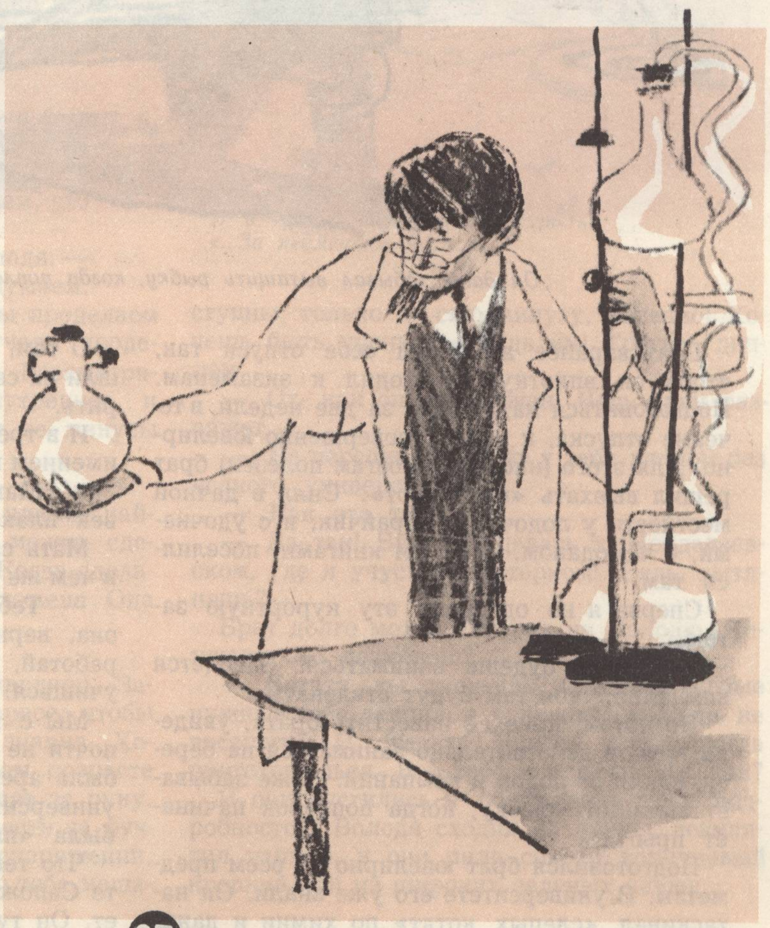
Изыскал кратчайший маршрут от дома до завода и по пути отдыхал. Или дремал, или освежался видом мелькающих за окном домов, деревьев, людей.

— Знаешь, что сказал профессор? — Брат только что пришел с экзамена по химии.

— Что?

— Он сказал: «Ну, этот идет по призванию!» Я им здорово понравился!

Все шло хорошо, кроме маленькой заминки по немецкому языку. Совсем пустяковой.

И брат получил из рук академика драгоценный, сверкающий дар. ▶

Правда, конкурс был огромный — на одно место двадцать заявлений... Экзамены закончились.

Через некоторое время пришла открытка: «...За неимением мест вы не можете быть зачислены...»

Та-а-ак! Но ведь он же — химик по призванию! Как же можно не принять его на химфак? Он же слышал, как сдавали другие — вчерашние школьники — слепые котята в сравнении с ним! Неужели эта маленькая заминка по-немецкому! Значит, надо было напирать не на химию, с которой все было хорошо, а на другие предметы и выучить их ювелирно.

Все дни разного цвета, и месяцы тоже, и нет ни одного одинакового лета... Прошлое лето было пыльное, белое, сухое. Нынешнее — сочное, зеленое, влажное.

случалось, сдавал за них. Не с таким блеском, конечно, как за себя, а в пределах необходимого.

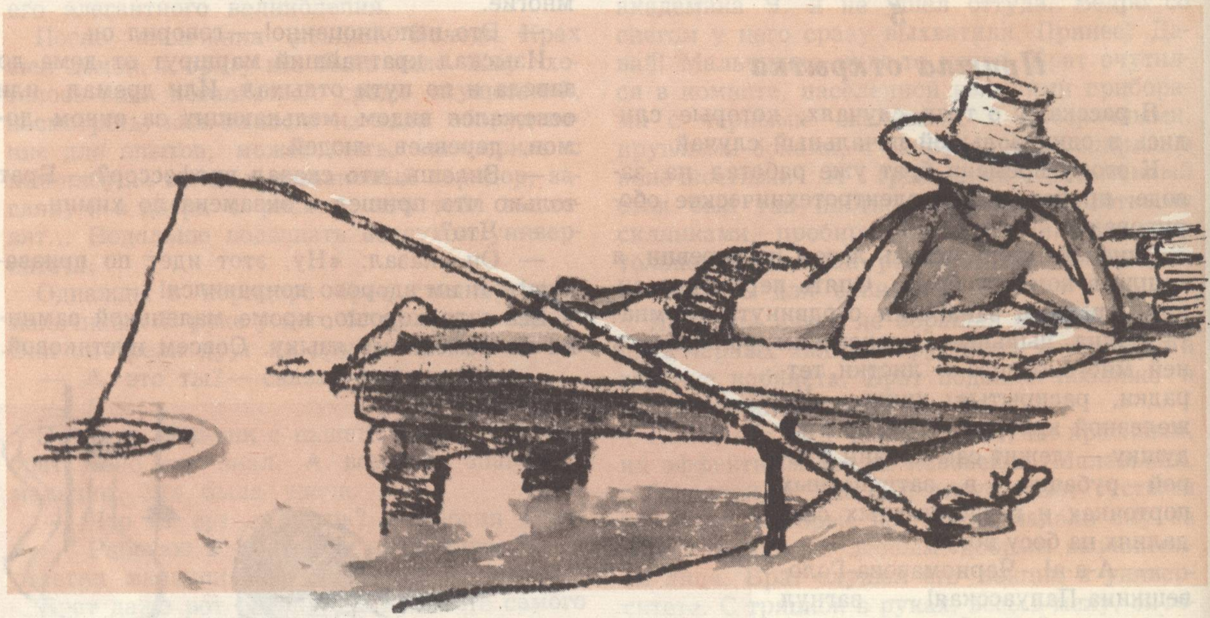
Что ж, экзамены прошли превосходно, а уверенности почему-то не было.

Вскоре пришла открытка: «За отсутствием мест вы не можете быть зачислены...» Что же это такое? Ну где же справедливость?! За отсутствием мест... За отсутствием мест... Повторяли ему во всех инстанциях.

А работать без систематических знаний, без диплома, становилось все труднее.

Он решил держать экзамен в третий раз. Ему очень хотелось в университет. Там занимаются наукой систематически, а не урывками.

Ему хотелось с полным правом общаться с большими учеными, хотелось дышать воздухом науки.

Он даже забывал вытащить рыбку, когда поплавок начинал прыгать.

Брат заранее выпросил себе отпуск так, чтобы он вплотную подходил к экзаменам. Подготовиться надлежало за две недели, в течение отпуска, и притом совершенно ювелирно. Для этого (кислород мозгам полезен) брат решил выехать «на курорт». Снял в дачной местности у лодочника сарайчик, и с удочками, с чемоданом, набитым книгами, поселился там.

Сперва я не одобряла эту курортную затею.

— Ты не будешь заниматься! Заведется компания, тебя там будут отвлекать!

Но потом, приехав навестить брата, увидела, что он действительно занимается на берегу, вдали от лодок и компаний. Даже забывает вытащить рыбку, когда поплавок начинает прыгать.

Подготовился брат ювелирно по всем предметам. В университете его уже знали. Он натаскивал «слепых котят» по химии и даже,

О том, что экзамены и в третий раз прошли на самом высоком уровне, нечего и говорить.

И в третий раз пришла открытка: «...За неимением мест...»

— Мама, все пропало! — Взрослый человек плакал, как маленький.

Мать сама пошла в университет выяснять, в чем же дело.

— Тебе не удастся поступить! — сказала она, вернувшись. — Но ничего не пропало, работай, учись сам. Да ты и так все время учишься. — И она рассказала ему об Ольге.

Мы с нашей двоюродной сестрой Ольгой почти не были знакомы. Оказывается, Ольга была арестована. Тогда для поступающего в университет репрессированная родственница была «пятном».

Что теперь делать? К кому бежать? К Мите Сапожникову? Нет, он даже не выслушает. Он тут же откроет какую-нибудь тетрадь

и начнет засыпать тебя формулами. Это всегда интересно, только не сейчас. К Дымскому? Умный малый, но у него мама — профессорша, засадит пить чай и начнет задавать вопросы: как прошли экзамены? А что отвечать?

К Володе Краху, вот куда! Крах все поймет. И брат, засунув руки в карманы плаща, зашагал в Кривоколенный переулок. Который час? На Лубянской площади на больших часах с тонкими цифрами — половина одиннадцатого. Значит, Володя кончил заниматься и чем-нибудь развлекается. Не ушел бы!

Брат прошел по длинному коридору, где всегда пахло щами, завернул в маленький коридорчик и постучал в узкую, косо поставленную дверь.

— Да-а! — ответил голос из-за двери. Володя дома!

Комната у Володи не простая, а треугольная, со срезанным тупым углом. Там стоит его пружинный матрас на березовых чурбаках. Володя говорит, очень удобная комната. Он выгородил фанерой этот треугольник в комнате родителей. Острый угол комнаты заканчивался створкой родительского большого окна. Сейчас оно было открыто, и за ним свежо дышала и гулко разговаривала вечерняя улица. Володя сидел у окна при свете настольной лампы. Он встал навстречу брату — большой, мягкий.

— Как с экзаменами? — спросил Володя.

— Не попал! — еле выдавил брат. — И не попаду уже никогда!

Ему стало жалко себя, а Володя был такой уютный в своей застиранной мягкой рубашке, такой теплый, добрый; смотрел на него с таким огорчением, что брат снова чуть не расплакался.

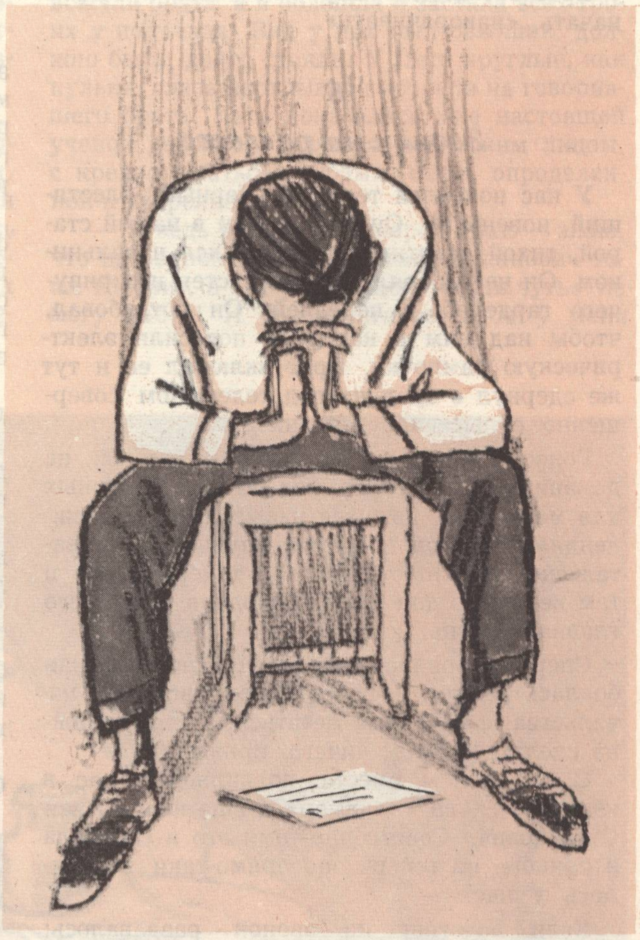
— Ну, погоди... — сказал Володя. — Мы сейчас все хорошенько обдумаем. Говоришь — дорога закрыта. Мы проделаем с тобой то, что я в таких случаях проделываю для себя. Берется беда. Рассматривается на свет. Изучается ее внутреннее и внешнее строение, определяются ее минусы и возможные плюсы...

— Какие там плюсы!

— А ты не говори. Может, и плюсы найдутся. Потом обдумывается, что можно сделать с каждым элементом беды. Когда сделаешь наметку, беда уже будет разложена. Она рассыплется.

— Что-то уж очень просто!

— Нет, не очень просто. Вот увидишь. Зачем тебе нужен университет? Первое: чтобы систематизировать и расширить знания. Хорошо. Но ведь ты сейчас не в том возрасте в смысле науки, когда людей водят за руку. Ты сам кого хочешь можешь повести за ручку! И вся литература в твоем распоряжении, а лаборатория есть на заводе. Кто тебе мешает работать самостоятельно? Второе: тебе нужно общение с большими учеными, ты должен коснуться чистых снеговых вершин науки. На здоровье. Будешь сам ученым, и большие ученые будут неизбежно для тебя до-

И в третий раз пришла открытка: «...За неимением мест...»

ступны, только не сию минуту, конечно! Хочешь быть ученым — будь им! Третье: диплом.

— Ох, как он мне нужен! Ведь руки развяжет...

— Не перебивай! Будет у тебя диплом без всякого университета!

— Как это так?

— Да так! Будешь сдавать в Менделеевском, где я учусь, — экстерном! Ведь вытянешь?

Брат долго молча смотрел на Володю. Неужели это возможно?

— Кстати, ты сможешь посещать любые нужные тебе лекции, а ненужные можешь не посещать. И сдавать будешь тогда, когда приготовишься. Вот тебе и плюсы! Ну как?

И они пустились в обсуждение всех подробностей. Володя сходил на кухню, вскипятил чайник, и они пили совсем коричневый крепкий чай из широких зеленых чашек.

— Конечно, все это будет непросто,— говорил Володя,— но то, что ты уже связан с промышленностью, это хорошо. В промышленности нужны люди с фантазией. Ты можешь перспективно мыслить. Ты сможешь такого наворотить, будь здоров!

Брат засмеялся. Ему захотелось поскорей начать «наворачивать».

6

Звонок на рассвете

У нас появился телефон. Черный, блестящий, новенький. Он был чужим в нашей старой, тихой квартире, но держался начальником. Он не одобрял облезлых стен и скрипучего гардероба в передней. Он потребовал, чтобы над ним в коридоре повесили электрическую лампочку. Брат включил ее и тут же сдернул с сундука под телефоном совершенно облысевший коврик.

Голос у телефона был резкий, деловой, не домашний. Этот голос шел из тех страшных для меня мест, которые назывались «Учреждения». В одном из них, в научно-исследовательском институте, работал теперь брат, и там невидимо для меня проходила теперь его главная жизнь.

Сперва я боялась телефонных звонков, как боялась учителей, директоров, всякого начальства, и начинала метаться: а что я должна сделать? Потом ничего, привыкла.

С телефоном вместе появились у нас в квартире слово «полимер» и еще имя — Иван Степанович. Собственно, имя это я слышала и раньше, но теперь оно прямо-таки поселилось у нас!

Если в ответ на звонок раздавалось: «Здравствуй, Иван Степанович!»,— то звонить я шла на улицу, в телефонную будку. Сорок минут, час — меньше они не разговаривали. И все это время слышалось: «полимеры, полимеры»... Это слово было тогда новым и необыкновенным.

Брат не сидел теперь уютно после работы и не копался в марках (у него была недурная коллекция), не приглашал меня слушать радио, не ходил в кино и к приятелям, и у него сейчас никто не бывал. Он словно сбросил с себя все, что у него было спокойного, домашнего, и голос у него стал какой-то новый, телефонный, он был все время взвинчен, наэлектризован, он стал таким же деловым, как телефон. По вечерам он сидел за столом, напряженно согнувшись, быстро листая книги, быстро записывая что-то, виден был только затылок, поднятые плечи, груда книг и бумаг сбоку. Подойти к нему было страшно, как к оголенному проводу: того и гляди дернет током.

— Не хочешь, не говори! — сказала я брату. Мы сидели за столом, я наливала ему суп, а даже звери в зоопарке добрее к тем, кто их кормит.— Не хочешь, не говори. Но должна же я знать, что происходит!

— Понимаешь, дорогая, мне поручили самостоятельную работу. Я создаю изоляционный лак. Для электрических машин. Не простой, а золотой. Гибкий, прочный, стойкий. Лучший из лучших!

— Ну и как идет работа?

— Читаю пока. До меня ведь тоже над этим думали. О смолах читаю. Ищу нужную мне смолу. И знаешь,— сказал брат доверительно, по-старому,— читаю чужое, а в голове свое появляется. Как спички — чиркаются об чужое и зажигаются!

Теперь я поняла: брат изменился, но телефон тут был ни при чем. Просто интересное дело захватило его целиком. А телефон доносил до нашей квартиры отголоски того мира, где проходила главная часть работы брата, и это было для меня ново.

Как-то вечером я собиралась позвонить подруге.

— Здравствуй, Иван Степанович! — раздалось в коридоре. Да, поговоришь теперь! Я присела на стул в передней.

— Я решил залезть к ним в нутро! Ввести в самую молекулу неполярные группы! — Голос у брата был смелый, победоносный.

Теперь я думаю: может быть, в то время для начинающего химика это действительно было смелое решение? Но тогда меня только больно задел ликующий голос. Я ревновала.

— А почему к нам не придет твой Иван Степанович?

— Некогда, некогда ему по гостям ходить. У него вся жизнь расписана по минутам, и каждая минута дорого стоит: он все время выдает что-нибудь для человечества.

— А когда он висит по часу на телефоне, человечество от этого много получает?

— А как же? Иван Степанович удивительно умеет включаться в чужие задачи и помогать другим выдавать для человечества!

Однажды я пришла домой, мне открыл брат. Что-то он какой невеселый.

— Ты что такой?

— Завяз я, дорогая...

— В смоле?

Он не заметил моего «юмора» и сказал серьезно:

— В смоле. Пойдем поговорим?

«Как ликовать, так с Иваном Степановичем, а как горевать, так со мной!» — думала я, идя за братом в его комнатку.

Мы уселись на железную кровать, на синее покрывало, заткнули себе под бока подушки и начали разговаривать.

— Ты знаешь, я, кажется, «не оправдал надежды»!

— Ты?! Не может быть!

— Я сам в это полностью не верю...

— Так что же делать?

Брат стал подробно рассказывать, что он думает сделать. Он увлекся и забыл, что пе-

ред ним не химик, а всего только друг химической мысли да еще бывший. Я мало что поняла, но слово «фенол» меня задело. Оно было мне знакомо. И еще мелькало в его рассказе незнакомое слово «альдегид».

— ...я думал о них днем и ночью, я старался вчувствоваться в них, понять их возможное поведение, я думал о каждом в отдельности и об обоих вместе... И я решил изменить фенол!

— Конечно, фенол! — обрадовалась я.

— Ведь альдегид при соединении с фенолом в конечном счете не даст той прочности, которая мне нужна, хотя и легко растворится в масле. Но решить — это одно, а проверить на опыте — другое. Каждый опыт — это государственные денежки. Это тебе не «наша лаборатория»! Ничего лишнего позволить себе нельзя. С изменением фенола я управился быстро. А дальше? — Брат выпустил сильную струю дыма и покачал головой. — Дальше началась адская работа. Я и сейчас в этом аду. Надо найти тот самый, один-единственный момент сочетания всех условий, при котором смола будет растворяться. Ухватить этот момент за тончайший, скользкий волосок! Когда ты в радиоприемнике ищешь какую-нибудь станцию... Чуть недовернешь — не то. Перевернешь — опять не то. А тут в сто, в тысячу раз сложнее. Там только движение, а у нас температура, время, катализаторы и многое другое, и такое, чего ты понять не можешь!.. Я вот думаю: может быть, исходные вещества недостаточно очищены?

Брат зажег погасшую папиросу. Я удивилась, какие у него сухие, морщинистые руки, концы пальцев желтые, а самые подушечки — в беловатых пузырях. Хватал, наверное, горячую реторту голыми руками — ловил момент.

— А сегодня, знаешь, в конце дня я еще сидел, а наш заведующий лабораторией, уже без халата, в своем сером, отчетливом таком костюме, промелькнул у меня за спиной и между прочим, на ходу сказал: «Все сидите? Еще нет результатов?» Прямо как пилой провел мне по затылку, меня даже в пот бросило, уши загорелись. И все, что он про меня говорил — способный малый, доведет до дела, — все рухнуло. Ведь я знаю, за каждой такой фразочкой чего-чего только нет! И то, что «поторопились доверить», и «время дорого», и «опыты стоят денег», и всякое такое. А Петька, тот как стрельнет глазом ему вслед: тоже, понятно, теряет ко мне доверие.

— Петя! Ну, уж это ты выдумываешь!

— Да-да, я это ясно почувствовал. Вот Катя, она все так же мне верит.

Я видела их обоих, Катю и Петю. Они провожали брата, а я подошла и застала всех троих у подъезда. Вид у них был озябший, должно быть, долго стояли. У Пети круглые, как пульки, глаза неотрывно смотрели на говорившего брата. Катя показалась мне настоящей ученой девочкой, в очках, с плоским лицом, с крепко сжатыми губами, очень определенной и уверенной.

— И ведь я знаю, — говорил брат, — знаю, что на верной дороге, и Иван Степанович тоже говорит, а вот решающего «чуть-чуть» не могу найти! И все затягивается, и у меня

В банке тяжело заколебалась жирная жидкость.

могут каждый день отобрать эту работу...

— Ничего, ничего, — забормотала я, — все получится. Я читала про одну актрису, у нее совсем не было времени готовить роли, а она ложилась на диван, чтобы начать обдумывать и говорила себе: «Времени у меня много, много...»

— Она, конечно, была не дура, твоя актриса, но мне от этого не легче.

Телефон молчал. Брат приходил домой все позже и позже. Я ни о чем не спрашивала. А что спрашивать, когда и так все понятно?

Он принес мне ее в носовом платке.

Огляделся, где бы развернуть, зажег настольную лампу и положил сверток в кружочек света. Затем, подсучив рукава и держа каждый палец отдельно, как это делают фокусники, осторожно откинул уголки платка. Яркая, чистая, золотисто-янтарная, тяжело заколебалась в банке жирная жидкость. Я

взглянула на брата. Лицо его было в тени, над лампой. Он смеялся с закрытым ртом.

— Она?

Он кивнул, открутил притертую пробку и поднес банку к моему носу.

— Хорошо она пахнет, скипидарцем. Только теперь уже не «она», а «он», лак. Вот смотри! — Брат поднес баночку к свету, и в ней зажглось маленькое янтарное солнце. — Ты ведь ничего не видишь, кроме ровной жидкости, тебе даже в голову не придет, сколько тут новых свойств! Ты даже не отличишь этот лак от любого другого! А на самом-то деле! Чего-чего тут только нет! Сам не ожидал! Это хорошая, долговечная изоляция для электрических машин! — торжественно произнес брат. — С такой изоляцией они проработают вдвое дольше прежнего! И это сделал твой брат!

Он победно взглянул на меня и вдруг вздохнул.

— А я, знаешь, до сих пор не верю, что вот он, лак, что он уже есть, и мне как-то не хватает этих мучений. Я сейчас, как наш котенок: съел котлетку и нюхает: где она?

— Ну, а как это все было, самый момент?

— Да... как-то даже незаметно. Сидели, сидели, отупели совсем. Берем очередную пробу, а она возьми да и растворись в масле!

— Ну, а вы?

— Мы сейчас же проснулись, конечно, и отправили этот сплав в скипидар. Растворился.

— Вот обрадовались-то!

— Сперва разволновались очень. Ведь надо реакцию повторить, и, может, ничего еще не выйдет, тогда начинай сначала! Катя, правда, хлопнула разок в ладоши, но Петя, сказал: «Цыц!» И вот мы тщательнейшим образом, не дай бог чего упустить, записали все условия, при которых реакция получилась, на полволоска нельзя было ошибиться. Даже стали и сели, как стояли и сидели, когда у нас вышло. Дышать совсем перестали. Сделали. Получилось. Еще раз сделали. Опять получилось. И тогда мы начали повторять, повторять, повторять реакцию, как сумасшедшие, а потом набрались нахальства и стали потихоньку менять условия, двигать то в одну, то в другую сторону и четко определили границы их действия.

— А заведующий-то как?

— На другое утро подходит к нашему столу. Я сделал вид, что ничего не случилось, и небрежно так, даже не вставая, протянул ему баночку. Он посмотрел на свет, взболтнул: «Ну что ж, проверим и — на завод!»

Я очень была горда. И только один червячок меня точил: моего участия в этом деле не было ни на грош. Хоть бы одну колбочку я вымыла! Я тогда не знала, что пригожусь и именно в этом деле.

— Ну, — сказала я брату, — с успешным окончанием тебя!

— С каким окончанием? Никакого окончания, вот теперь-то и начинается самое страшное!

— Что еще?

— Берите последнюю пробу и звоните еще раз.

— А то, что из стеклянной реторты мы будем переводить все в заводской реактор, и тут все что хочешь может произойти! Одно дело — реторта, другое — завод!

И вот, когда все было подготовлено к тому, чтобы приступить к процессу на заводе, брат заболел.

— Разрешите, мы сами начнем! — умоляли Петя и Катя. — Мы ничего не упустим!

Брат уже стучал зубами от озноба, но думал, что это так, простуда, скоро пройдет.

— Начинайте, я подключусь...

А это была не простуда, а малярия, страшные качели. От раскаленного к ледяному, от огненно-красного к мертвенно-белому. Когда у брата был огненный период, он не лежал на постели ровно, он весь приподнимался, изгибался, лез куда-то, его бил озноб, лицо становилось, как свекла, губы чернели.

— Пи-и-ть... — хрипел он.

И так несколько часов. Потом жар быстро

начинал спадать, и передо мной лежал мертвенно-белый человек, словно вдавленный в постель. Приподнять его в это время не было никаких сил. Засыпал он сразу. Будто обмирал. Я пугалась, слушала дыхание, хватала пульс. Был пульс, слабенький, редкий. Было дыхание — чуть заметные теплые волны касались моей щеки.

Малярия не отпускала брата. Приступы шли один за другим. Когда у него был жар, я сидела с ним до глубокой ночи.

Температура спала, он заснул, я пошла к себе. Надо будет до утра сменить ему рубашку, а то простудится. Как бы проснуться?

Мне приснился телефонный звонок. Брат вызывал меня телефонным звонком — что-то случилось.

Во сне я проснулась, побежала в комнату к брату, но добежать не могла, не было сил, а телефон все гремел и гремел.

Наконец я проснулась на самом деле. Действительно, звонил телефон. Я вскочила. Кто это с ума сошел, звонит на рассвете? Я взяла трубочку. Откуда-то из далекого-далека, совсем с другого конца земли плачущий голос спрашивал брата. Не поймешь, мужской или женский. Я грозно ощетинилась:

— Он болен, подойти не может!

— Мы знаем, нам очень, очень нужно!

— Он спит, он очень слаб, подняться не может!

— Ради бога, ради бога, у нас процесс не идет, мы с завода...

— Сейчас!

Попробую его разбудить. Брат пробормотал: «Не надо рубашку, я сухой».

— С завода звонят, у них процесс не идет!

Брат открыл глаза.

— Спроси, что дала последняя проба.

Плачущий голос начал мне говорить что-то...

— Что? Что? — кричала я в отчаянии. — Подождите, он что-то хочет сказать.

— Что они там делают? Что делают? — бормотал он. — Я сейчас сам поднимусь и подойду к телефону.

— Не сходи с ума. Как же ты подойдешь?

— Не перечь, Головастикова, давай тащи меня!

Видимо, волнение придало ему какие-то силы.

Расстояние от его кровати до сундука под телефоном было буквально и точно два шага. Но я смотрела на эти два шага с ужасом: как мы их одолеем? Вот что я сделаю: поставлю по дороге к телефону два стула. Стоять и ходить он все равно не может, а со стула на стул я его как-нибудь перетащу.

— Подождите! — крикнула я в телефон. — Он сейчас подойдет.

Там благодарно пискнули.

Я обхватила брата двумя руками за плечи и посадила.

— Сидишь?

— Сижу!

Потом закутала спину и плечи одеялом.

— Берись за стул!

Неимоверно длинная, неимоверно костлявая рука вытянулась из-под одеяла и ухватилась за спинку стула. Нет, я была истинным другом химической мысли, иначе, откуда бы взялись у меня силы? Как я переволокла это громадное сооружение из костей с кровати на стул, со стула на другой стул и, наконец, на сундук? По дороге мы два раза отдыхали. Я кричала в трубку: «Мы уже сидим на стуле! Теперь уже скоро». На другом конце провода слышались бодрые восклицания.

И вот я беру трубку и кричу:

— Сейчас он будет говорить! — И тут же плюхаюсь на стул рядом с сундуком.

— Последнюю пробу мне дайте!

Ну и голосок! Как у новорожденного.

— Что же вы делаете? Кончайте нагревание, давайте охлаждение быстро! Катя! Если вы не перестанете плакать, ваши дурацкие слезы попадут в куб и испортят реакцию! Берите последнюю пробу и звоните еще раз.

Я взяла из его мокрой руки трубку и повесила ее. Он сидел на сундуке, закрыв глаза и опустив руки. Опять звонок, даю ему трубку.

— Так, так, — говорит он более мирно. — Возьмите еще пробу и позвоните мне.

Мы опять отдыхали. А солнце тем временем прогнало туман, из малинового стало оранжевым и растопырило свои лучи по всему переулку. Звонок. Брат берет трубку сам.

— Хорошо, — говорит он спокойно. — А как же? Непременно должно было получиться!! Идите домой!

Обратный путь от сундука до кровати с двумя пересадками прошел как-то легче. Брат, укутанный, лежит в постели. Нам обоим сейчас очень хорошо. Все плохое позади.

— Они тебя замучили?

— Ничего.

— Все-таки досадно, что у тебя такие неважные помощники!

— Головастикова! — крикнул брат довольно бодро. — Не сотрясай воздух! Катя с Петей? Золотые ребята!

— Но ты же сам... Они без тебя ничего не могут...

— Они много могут. А будут мочь еще больше. Они много хотят. И это — главное. Кто их заставлял по вечерам торчать со мной в лаборатории? По ночам на заводе? А что у них сегодня заело, так это и со мной могло случиться.

Брат закрыл глаза и вдруг совсем ослаб.

— Иди, иди, Болеутоляева!

Когда я встала со стула, он добавил: «Головастикова-Болеутоляева...» И еще что-то, я не расслышала.

— Что? — наклонилась я к нему.

— Двойная фамилия, — прошептал он еле слышно и заснул. Мгновенно. Глубоко. Спокойно. И во сне улыбался с закрытым ртом.

Есть игра, может быть, древнейшая на свете: вообразить себя не тем, кто ты есть, а иным... Я помню, выдумывал: «А что было бы со мной, родись я в Англии, у англичан, и умей я все только по-английски — говорить, думать, писать? Какой я был бы тогда, что знал бы и как бы я жил? Мне нравились в детстве география и история, нравились книги о чужих странах. Удивительно было узнавать, что и живут повсюду иначе и разговаривают не так, как мы. Чудо да и только. Но не меньшим чудом — бо́льшим надо признать владение чужим языком. Это — сокровище, причем волшебное, ему мы обязаны тем, что на полках у нас, у русских, стоят и Том Сойер и Тиль Уленшпигель.

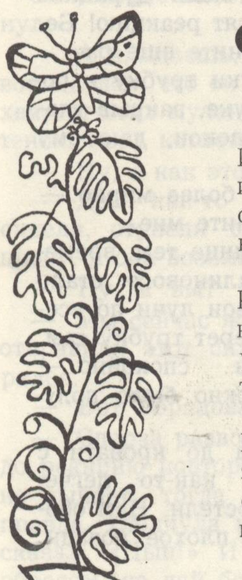
Или вот окажись мы сию минуту в Чехословакии, так знали бы, став чехами, нашего Пушкина? Оказывается, да. И Пушкина, и Кольцова, и «Конька-горбунка» Ершова тоже. Потому что в Чехословакии живет замечательный поэт и отличный переводчик Франтишек Грубин, он знает наш язык и любит нашу литературу.

Теперь посмотрите сюда, на эту страницу «Пионера», где перед вами два чешских стихотворения, которые отныне будут жить в нашей литературе.

С. Федоров

Ф. ГРУБИН

СТИХИ ДРУГУ ДЕТСТВА

Идем куда глаза глядят,
и рядом — тут как тут! —
свистит с ветвей зеленый брат,
веселый Робин Гуд.

Крапива встала — не пройти,
но сабли наголо!
уж если стала на пути,
то ей не повезло.

Пока ручей едва поет,
запруда в рог трубит,
скачи, мой конь, скачи в намет
и сыпь огонь с копыт!

Сверчки прицелились во рву
невидимой стрелой.
Ты живо падаешь в траву,
я — в гриву головой.

Ты ждешь — и львиный зев стоит
у правого виска.
Я жду — и ветер шевелит
макушки вереска.

И с места — в бешеный карьер,
и шпорами — в бока,
и с маху прыгаем в карьер,
преследуя врага.

Метнулась ящерка — ищи-
свищи ее в песках.
О грозный ящер, трепещи —
твой хвост у нас в руках.

И вновь куда глаза глядят
идем, и — тут как тут!
свистит с ветвей зеленый брат,
веселый Робин Гуд.

С ДЕВУШКОЙ У ПОДЛЕШАНСКОГО РУЧЬЯ

Идем куда глаза глядят
без тропок и дорог,
туда, где на веселый лад
застрекотал сверчок.

И позади за нами вслед —
два ослика худых —
бредут твои шестнадцать лет
и двадцать лет моих.

Ручей! Отбрасывая тень,
ты припадешь к ручью,
потом в один прекрасный день
я выпью тень твою.

А солнце парит, и в листве
цветет павлиний хвост,
и рассыпаются в траве
слепые искры звезд.

И не поймем: чего-то жаль,
и вот в последний раз
мы долго-долго смотрим вдаль,
а даль глядит на нас.

И два пруда из ивняка,
как две слезинки с век,
куда-то светит Овчичка [1],
струится Баранек [2].

А мы куда глаза глядят
шагаем без дорог,
туда, где на печальный лад
застрекотал сверчок.

И позади за нами вслед —
два ослика худых —
бредут твои шестнадцать лет
и двадцать лет моих.

Перевел с чешского
О. ЧУХОНЦЕВ.

---

[1] Овечка и Барашек — названия прудов.

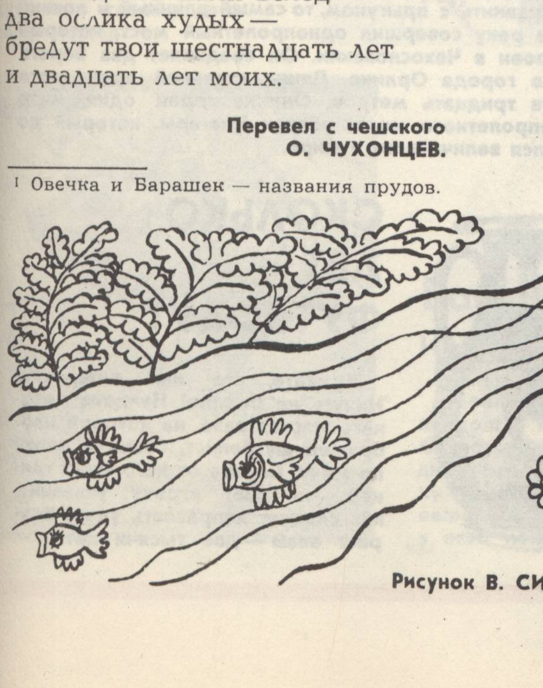

Рисунок В. СИДУРА

ТОЛЬКО ДЛЯ БЕЛЫХ

В Южно-Африканской Республике эту надпись можно прочитать на стоянках такси, скамейках, на дверях магазинов и больниц. Даже мост через железную дорогу, как вы видите, разделен пополам. Справа мост — «только для белых», слева — «для белых и черных».

Их путь— борьба

Эти негритянские ребята младше вас. Но они уже вышли на бой с полицией. Они требуют, чтобы правительство США дало неграм такие же права, как и белым.

ПАМЯТНИК ПЕСНЕ

В польском городе Гоголине открыт памятник... песне. Выглядит он так: цоколь, на нем стоят две фигуры — Каролинки и Каролика, известных героев польских народных песен.

Мост-рекордсмен

Если мост сравнить с прыгуном, то самый длинный и ловкий прыжок через реку совершил однопролетный мост, который недавно построен в Чехословакии. Он соединяет два берега реки Влтавы в городе Орлике. Длина стальной арки этого моста — триста тридцать метров. Она на сорок один метр длиннее однопролетного моста вблизи Ниагары, который до сих пор считался величайшим в мире.

СКОЛЬКО ЛЕТ ФУТБОЛУ?

Думаете, сто или пятьдесят! Ничуть не бывало! Найдена древнегреческая ваза, на которой изображен футболист, бьющий ногой по мячу. Справа от него стоит тренер, он дает игроку указание, как следует направлять удар. Возраст вазы — две тысячи лет.

САМЫЕ-САМЫЕ...

Каждый год в немецкий город Маркнойкирхен приезжают десятки тысяч туристов. Их привлекают экспонаты старейшего в Саксонии музея музыкальных инструментов. Среди них самая большая в мире фанфара длиною в пять метров двадцать пять сантиметров и миниатюрная четырехсантиметровая скрипка.

ОГНИ АСУАНА

По этой высоковольтной линии пойдет ток Асуана. Она протянется на девятьсот километров: от Асуанской ГЭС до Каира. На стройке работают советские верхолазы-монтажники. Они обучают египетских специалистов своему сложному мастерству.

ДЖОЗИ-КОНЬКОБЕЖЕЦ

Наверное, эти роликовые коньки напомнили Джози, как он скользил по льдинам в родной Антарктиде. В Калифорнии пингвин быстро освоил новый вид спорта и достиг уже неплохих результатов.

Бабушка и внучка

Черепахи живут очень долго и долго продолжают расти. Остроумный фотограф посадил новорожденную черепашку на голову старой-престарой великанши, и вот какой снимок у него получился.

В ЗАЩИТУ УЛИТОК

Улитки—любимое блюдо швейцарцев. Но в их стране каждый сборщик улиток должен иметь особое разрешение властей на ловлю и колечко диаметром в тридцать пять миллиметров. Если улитка свободно пролезает в колечко, сборщик обязан выпустить ее на волю.

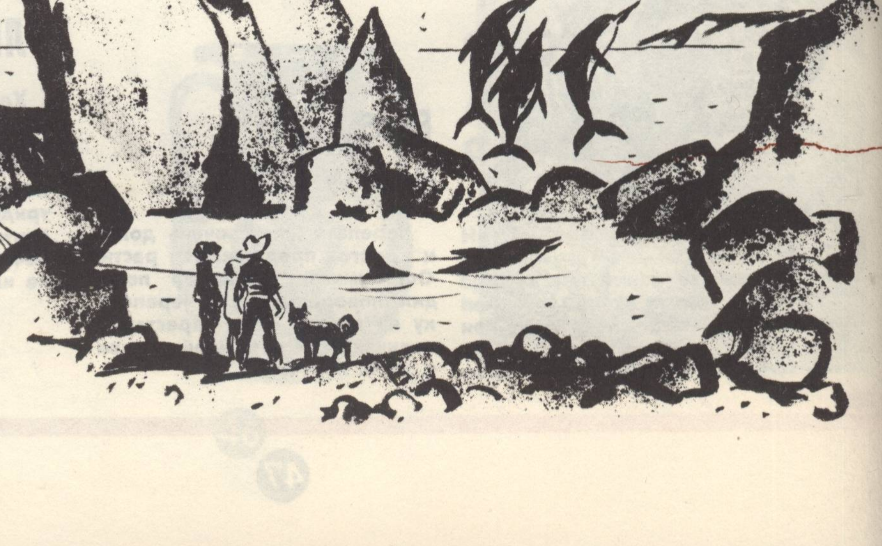
КРУГОСВЕТКА·КРУГОСВЕТКА·КРУГОСВЕТКА

И ВОТ МЫ УЗНАЛИ...

Каждому из миллиона мальчишек и девчонок, которые выписывают и читают наш журнал, мы задали ряд вопросов. Было это в последнем номере минувшего года и... И посыпались ответы с юга, с севера, с запада и с востока. Словно заговорила сама карта Советского Союза, что ни письмо, то новый город или деревня. Алушта, Акмолинск, Алехино, Абакан и так почти до бесконечности, как в игре в города. Но тут не было игры, дело серьезное. Надо же нам узнать, что и как понравилось читателям? И вот теперь мы знаем это.

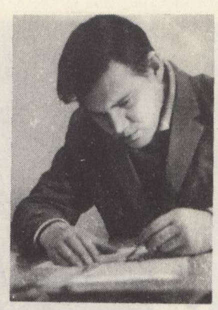

К. Симонов

Е. Медведев

А. Лиханов

М. Бондарюк

А. Брей

В. Орлов

Лучшими повестями года ребята считают книгу английской писательницы П. Л. Траверс «Мэри Поппинс». Перевел ее писатель Борис Заходер. Его имя нам придется назвать здесь еще раз, когда мы заговорим о сказках. Еще отмечены ребятами повести: «Люди с фрегата «Африка» Владислава Крапивина и «Чистые камушки» Альберта Лиханова.

Из рассказов года самыми интересными оказались: «Моя география», «Венская чашечка» Марины Бондарюк, рассказ В. Залесского «Семка», рассказ Л. Матвеевой «Три девчонки» и фантастический рассказ В. Слукина и Е. Карташева «Последний командир «Дискавери».

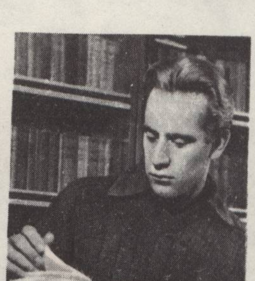
Из стихов года ребятам запомнились стихи К. Симонова, В. Орлова, П. Антокольского, английские стихи, переведенные В. Луговым. А самыми лучшими сказками ребята назвали сказку Бориса Заходера, сказку американского писателя У. Фолкнера и сказку немецкого писателя П. Хакса.

Ответили нам ребята и на вопрос, кто из художников рисует у нас в журнале интереснее всех. Вот четыре имени: А. Брей, Ю. Владимиров и Ф. Терлецкий и Е. Медведев.

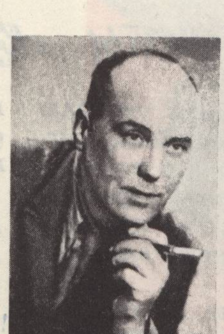
Среди очерков года лучшими называют ребята тот материал, который нам прислали наши немецкие друзья из журнала «Фрёзи»,— это очерк подполковника Гофмана «Он назвался Иваном», затем спортивные очерки Н. Колесниковой и очерк «Гибель «Торри-каньон», написанный журналистом Ю. Глуховым.

Лучшими обложками года признаны обложки номеров 3, 8, 10.

В. Крапивин

В. Залесский

Б. Заходер

Ю. Владимиров и Ф. Терлецкий

Дождик

Дождик льет за окном непрошеный.
Для меня все равно хороший он.
Этот дождик, теплый по-летнему,
Моросит по забору столетнему.
Намочив его доски ветхие,
Перебрался на хрупкие ветки он.
Виноградную кисть обрызнул
И на землю упал без жизни.
Но с верхушек деревьев капли
Вновь зашлепали и закапали,
И, косясь на меня сквозь стекло,
Солнце луч в этот дождь навело.

Люда БОРОВКОВА, 15 лет.
г. Астрахань.

Я рисую

Я могу нарисовать
Телевизор и кровать,
Паровоз и самолет,
Дуб, растущий у ворот,
Обезьян и попугайчиков,
Бегемотиков и зайчиков,
Снежное поле
И многое другое.

Андрей ФЕДОРОВ, 11 лет.
г. Омск.

Дождик

Капает дождь по крышам,
Капает дождь по лужам,
Прыгает по деревьям —
Дождю согреться нужно.

Устал, притаился дождик,
Сел отдохнуть под липкой
И заиграл, как мальчик,
С маленьким прутиком
гибким.

Солнышко дождик пригрело—
И он исчез, растаял.
В невидимой ракете
Он землю и прутик оставил.

А там, на холодных тучках,
Обычный наряд надевая,
Он думал, как будет греться
Под липкой, с прутом играя.

Лариса РОЗЕНБЕРГ, 10 лет.
г. Черкассы.

ИЗ ПОЧТЫ «КОРАБЛИКА»

Вот как бывает: придешь к учителю музыки, выучишь, например, Баха, сыграешь без единой ошибочки, а он говорит: «Что ты мне одни ноты играешь? Ведь это же БАХ! Пойми, это произведение требует, чтобы в него вложили душу».

Стихи тоже требуют не пустых, но красивых слов, а вложения в них души.

Валя ГОЛУБЕВА, 14 лет.
г. Омск.

Интересно ли, когда разные люди про одно и то же стихи сочиняют? Например, про дождь.

Конечно, любопытно прочитать стихи про что-то совсем новое. Но ведь и о дожде и еще о чем угодно можно по-новому, по-своему сказать.

Вот перед нами два стихотворения. Названия одинаковые, а сами стихи совсем разные. И вовсе не только в том дело, что девочек, написавших стихи, по-разному зовут, что живут они в разных городах, что Ларисе одиннадцать лет, а Люде пятнадцать. Дело в том, что Люда и Лариса не одинаково дождь увидели, а по-разному и рассказали о нем каждая по-своему. А это — главное для человека, сочиняющего стихи: по-своему все видеть, по-своему обо всем говорить.

РЕДАКЦИЯ «КОРАБЛИКА»

Сороки

РАССКАЗ

На дворе снег. Только сейчас мама вылила мыльную воду, а сороки уже тут как тут,— они роются носами в мыльной пене и от удовольствия болтают на своем сорочьем языке.

А до чего же они симпатичные! Животики беленькие, пушистые, а головки и спинки сизые, переливающиеся на солнце.

А сороки все суетятся вокруг мыльной пены. И чего они только находят в ней вкусного? Удивительно!

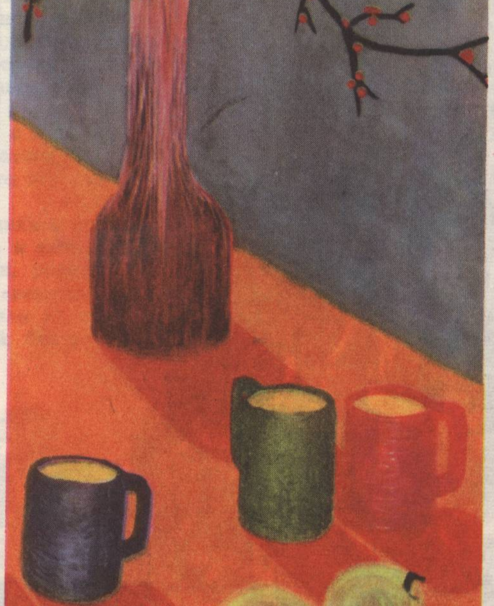
Вера АНФИНОГЕНТОВА, 13 лет.
Станция Раевская,
Краснодарского края.

Владимиру Лапину

Литературный критик Уж,
С бородкою почтенный муж,
Лягушек первые творенья
Разносит в прах в одно мгновенье,
Живьем глотая повесть, стих
И даже авторов самих.
Я на себе все испытал,
Вот почему и написал.
К сему — несчастная лягушка,
Полупроглоченный Андрюшка.

Андрей ДОБРОЛЮБОВ, 14 лет.
г. Воронеж.

*Рисунки Иры Куриловой.
Ей 14 лет,
она живет в Кисловодске.*

Тигр — очень красивый и совсем не страшный

Вот какими чудесными куклами играют в свои праздники японские девочки и мальчики

Хина мацури — праздник кукол

В. ПЛИЧЕ

Ежегодно 3 марта празднуется в Японии праздник кукол. Он называется «хина мацури», и из одного его названия можно заключить, что обычай отмечать этот праздник очень древний. Слово «хина» означает «цыпленок», но употребляют его в единственном случае — только когда говорят о куклах, а когда хотят спросить: «Есть ли у вас цыпленок?» или сказать: «Дайте мне цыпленка»,— говорят совсем другие слова. Отчего же так? А дело в том, что когда-то праздник кукол сопровождался петушиными боями, куклы же этого праздника назывались «О хина Сама», то есть «маленькая (как птенчик, как цыпленочек) госпожа». И так давно это было, что в памяти народной, в его речи это соединилось, переплавилось и образовало название праздника. «Мацури» значит «праздник».

3 марта в каждом японском доме, в лучшей его комнате, ставятся токонама — специальные полки, покрытые красной материей, и на них расставляются куклы. Эти куклы особенные. Они передаются из рода в род, принадлежат семье, хранятся в ней очень подолгу и считаются драгоценной, особо чтимой семейной реликвией. Этими куклами дети играют раз в год — в праздник. Все «всамделишное» у этих кукол — и платья и вся обстановка. Девочки одевают кукол, расчесывают им волосы крошечными гребешками, надевают на них крошечные украшения, дают «посмотреться» в крошечное зеркало, усаживают за крошечный праздничный стол, уставленный чашечками, подносиками, чайничками, и «угощают» малюсенькими порциями настоящей пищи, приготовленной в крошечной кукольной кухне.

Праздник кукол считается праздником девочек. Всех девочек в Японии поздравляют в этот день и дарят игрушки, родители же девочек принимают гостей, показывают свои токонама, угощают праздничными блюдами. И все обязательно совершают прогулки в персиковые сады, любуются цветением деревьев — персик как раз цветет в эти дни. Оттого праздник этот еще называют праздником цветущего персика, цветок же персика считается символом гармонии, согласия, счастья.

А через два месяца и два дня — 5 мая, когда расцветает ирис, который в Японии считается символом мужества и отваги,— наступает праздник мальчиков. Опять в каждом доме в лучшей его комнате выставляются токонама с семейными куклами, только куклы эти — сказочные силачи, знаменитые воины, легендарные герои. И мальчики играют с ними, надевают на них крохотные мечи, натягивают крохотные луки, сажают на игрушечных лошадок... А родители снова принимают гостей и все — и гости и родители — дарят мальчикам игрушки и поздравляют их. Праздник мальчиков называется еще праздником ириса, а так как лепестки этого цветка похожи на мечи, то еще и праздником мечей. И, конечно, каждый мальчишка носит в этот праздник деревянный меч и воображает себя легендарным героем, хотя он всего-навсего герой веселого и красивого детского праздника.

Маска сказочного чудовища

Куклы, сладости, подарки, веселые процессии, игры с масками — все есть во время детских праздников. Вот, например, красная рожа рогатого о́ н и — маска злого сказочного чудовища; но уж, конечно, мальчишку, надевшего эту маску, победит тот, кто будет в игре сказочным силачом Шоки Сама.

По окончании праздника куклы упаковываются в ящики и прячутся в шкаф. С чем же играть? А с другими игрушками, которых множество и которые в праздники детей раскупаются десятками тысяч. Это прежде всего кокеси, родившаяся триста лет назад в семье лесорубов из местности Тохоку. В переводе «кокеси» означает «кукла, вырезанная из дерева». И действительно, впервые ее сделали из одного кусочка дерева, в сущности, она простой деревянный столбик с головкой, без рук, без ног, почти как

наша матрешка. Мастера кукол после того, как форма кокеси готова, разрисовывают ее. И как же очаровательна простота и скромность ее нарисованных нарядов и прически! А личико кокеси, написанное несколькими тончайшими мазками кисточки, выражает самые разнообразные характеры: то она лукава, то обидчива, то плакса и нюня, а то задорна и весела! Другая любимая японская игрушка — Дарума. Легенде, связанной с именем Дарумы, более тысячи четырехсот лет. Так звали монаха, заснувшего во время службы и вырвавшего свои ресницы в отчаянии от того, что он нарушил свой долг. На том месте, говорит легенда, куда упали ресницы Дарумы, вырос чайный куст, и тогда японцы узнали растение, настой листьев которого отгоняет сон. Интересно, что Дарума всегда изображался сидящим, с ногами, окутанными полами одежды, как большим платком. Оказывается, это потому, что художники точно следовали легенде, которая рассказывала, что у Дарумы были парализованы ноги. Так из священной скульптурной фигурки с укутанными ногами и из легенды о происхождении чайного куста родилась любимейшая детская игрушка — неваляшка Дарума. Она вроде нашего ваньки-встаньки. У Дарумы нет ног, но сколько ни наклоняй Даруму, как ни клади, он тотчас же встанет — Дарума больше никогда не спит! Хотя эта кукла — одна голова, да еще без глаз, дети Даруму обожают, играют с ним, напевая милую шуточную песенку: «Дарума качается, качается, сейчас упадет... Ах, упал! Нет, нет, опять встал!». Взрослые тоже любят Даруму и дарят его не только детям, но и друг другу с пожеланиями исполнения желаний. Если желание человека, получившего Даруму в подарок, исполняется, он подрисовывает кукле глаз, когда исполнится второе желание, подрисовывает другой. Так что, увидев в японском доме Даруму с подрисованными глазами, можно безошибочно поздравить хозяина с исполнением желаний, а увидев Даруму без глаз,— пожелать их исполнения.

Маска рогатого о н и

Кокеси сделана из дерева, Дарума — из папье-маше, а вот тигр — из рисового теста. Из риса, оказывается, можно не только кашу варить, но и игрушки делать! В Японии рис — основная зерновая культура, и из него готовят не только много разнообразных кушаний и напитков, но и разнообразные промышленные товары, например, из рисовой соломы делают бумагу, плетут циновки, а в деревнях покрывают ею крыши.

Игрушку-тигра тоже очень любят. Считается, что тому, у кого она есть, нечего бояться злых сил: тигр их прогонит, он символ мощи и силы, он сильнее всякого зла. Тигр-животное очень страшен, но тигр-игрушка добр и мил. Поэтому тигр-игрушка не похож на настоящего тигра, он весело раскрашен, он забавно скалит пасть, а голова у него движется, если ее тронуть, из стороны в сторону — это он зло гонит, разгоняет.

Вот каковы любимые игрушки японских детей.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Фото С. КАРАСЕВА

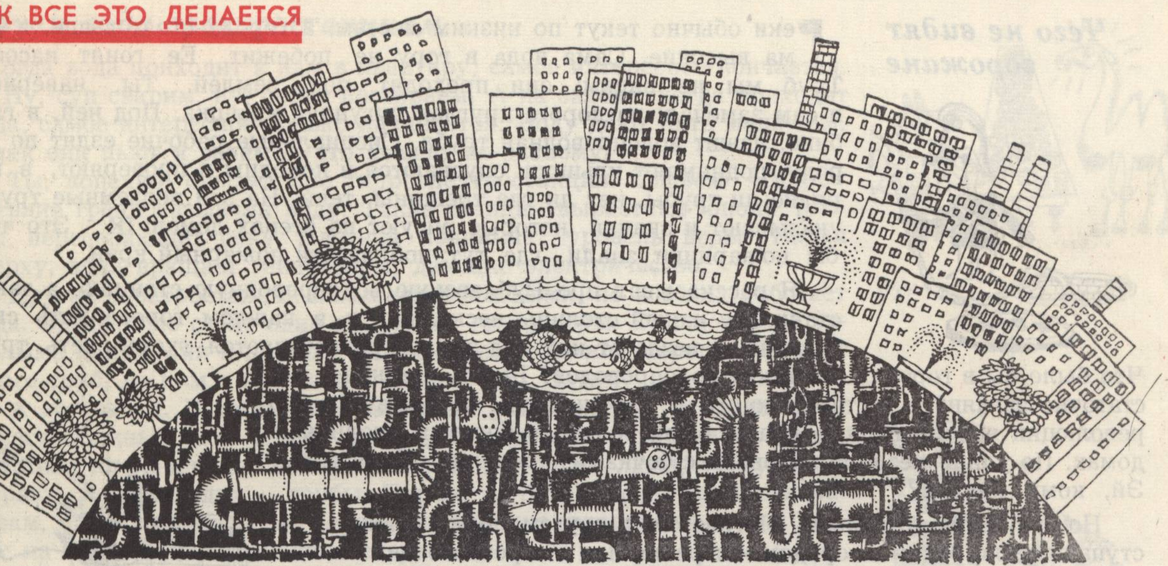

Вот какие разные деревянные человечки кокеси

А это — Дарума

ТЕЧЕТ ВОДА ПО ГОРОДУ

В. МОЕВ

Вода — заядлая путешественница. Мелким ручейком нырнула в реку — и побежала. Блестит на солнышке, плещется. Так может и до моря добежать. Только не вся. Если попадется на берегу город, часть воды люди обязательно остановят, и начнутся с ней такие приключения, какие ни в реках, ни в морях воде не снились.

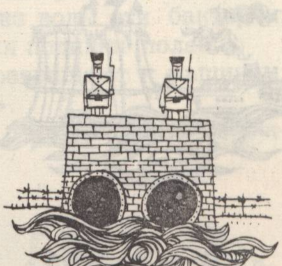
Своя марка

Городскую воду увидеть очень просто: отвернул водопроводный кран — и, пожалуйста, ударила тугая струя. Кран сидит на конце трубы, но не думай, что другим концом труба опущена в речку. Ничего подобного. В реке вода совсем не такая: и тина попадается и песок со дна. А из крана вода — как хрусталь. Ее приготавливают специально.

У воды, которую мы пьем, есть даже своя заводская марка. Называется она «ГОСТ 2874—45». Это стандарт, который предъявляет к воде самые строгие требования. Ну, а раз есть заводская марка, значит, есть и завод, который делает питьевую воду. Поищем его.

Как воду очищают

Неподалеку от Москвы на Москве-реке стоит каменная башня. Стены у нее, как у старинного замка, вырастают прямо из волн. Посторонним проникнуть в башню нельзя, местность вокруг строго охраняется часовыми, чтобы кто-нибудь не засорил тут воду.

В нижней части башни четыре широкие трубы. Они и берут воду для города. Перед трубами установлены решетки, чтобы не залетела какая-нибудь щепка или лягушка. По трубам воду гонят насосы, и бежит она на тот завод, который мы ищем. Он называется Рублевская водопроводная станция.

Из реки вода летела с ревом и хлестала. А здесь наступает тишина. Работают люди в белых халатах. Вода почти неподвижна в огромных, как озера, отстойниках. Что же происходит? К воде, оказывается, прибавили особые химические вещества, и они ее очищают. Не то что соринка — ни одного вредного микроба в ней не остается. Но люди в белых халатах не совсем довольны. Они еще пропускают воду через густые-густые сита — фильтры. Только теперь воде можно дать заводскую марку «ГОСТ 2874—45».

Из сборных резервуаров чистая заводская вода опять попадает в трубы. Однако ее путь к нам домой еще долог.

Чего не видят горожане

Реки обычно текут по низким местам, а города стоят выше, и дома высокие. Сама вода в гору не побежит. Ее гонят насосы. Труб мы не видим: они проходят под землей. Ты, наверное, и сам замечал: на дороге круглая чугунная крышка. Под ней, в глубине, лежит водопроводная труба. Специальные рабочие ездят по городу, поднимают крышки, спускаются в колодцы и проверяют, в порядке ли трубы, нет ли где трещины, течи. На эти подземные трубы указывают и значки, которые рисуют на стенах домов: ПК Это чтобы пожарники знали, где тут поблизости пожарный кран.

Я рассказывал про Рублевскую водопроводную станцию, а таких станций у нашей столицы несколько, и в каждом городе есть свои станции, и везде от них под землей разветвляется густая сеть труб. Что было бы в городах без таких водопроводов? Гадать не надо, достаточно заглянуть в старые книги с картинками. Оказывается, до революции водопроводные краны были только в богатых столичных домах. По улицам ездили водовозы с бочками, кричали: «Кому воды? Эй, кому мокрой?»

Но что было, то сплыло. Поговорим о другом. Как, скажем, поступают, если рядом с городом нет речки или эта речка очень маленькая? Москву-реку, например, соединили каналом с Волгой, и две трети воды столица получает теперь из далеких волжских водохранилищ.

Однако город все растет, все больше требует воды. Поэтому инженеры сейчас думают, как направить в столичный водопровод еще и воду из реки Вазузы. А бывает иначе.

В пустыне и на море

Однажды я был в пустыне на юге нашей страны, где добывают медь. Место это называется Джезказган. Вокруг голые камни, зной и пыль. Здешние речки на карте обозначают прерывистой линией, потому что они весной текут, а летом высыхают. На них надежда плохая.

И все-таки в Джезказгане живут рыболовы и даже несколько чемпионов Казахстана по гребле и плаванию. Это потому, что рядом с городом устроено искусственное озеро. Воду для питья геологи нашли здесь под землей. Пробурили глубокие скважины, и из них фонтаном бьет вода. Дали ее мне попробовать — вкусная! А геолог Калугин сказал:

— Эта вода ушла под землю миллионы-миллионы лет назад. Последний раз ее видел, может, хвостатый доисторический ящер. Потому что людей тогда на свете не было.

Но иногда рядом с городом воды нет и под землей. Тогда приходится вести ее издалека по трубам или каналам. В шахтерский город Караганду, например, воду ведет водовод длиной больше чем в полтысячи километров — из сибирской реки Иртыш.

Бывает и совсем обидно: город лежит у самого моря, а пить ему нечего: морская вода горькая и соленая. В некоторые приморские города воду возят по воде, на пароходах. Один американский ученый даже предложил, чтобы пароходы на канатах притаскивали к городам айсберги — ледяные горы, которые плавают около полюса. Лед растает — вот и питьевая вода.

Возить воду на пароходах, таскать через океаны ледяные горы не просто.

Поэтому ученые изобрели атомную установку-опреснитель, который из морской воды делает питьевую. Такой опреснитель начал недавно работать в Казахстане, на полуострове Мангышлак. Каждые сутки он «добывает» из соленого Каспийского моря сто тысяч кубометров пресной воды. Этой воды хватит почти на два Киева.

Как видишь, ученым постоянно приходится ломать голову, как напоить города. В Москве, например, расходуется по две с половиной тысячи стаканов в день на каждого жителя. Спрашивается: почему так много? Ведь даже чемпион по питью, верблюд, не выпьет за раз больше пятисот стаканов. Оказывается, в городе есть любители воды почище целого стада верблюдов. Это фабрики и заводы.

Рисунки В. КАРАСЕВА

Зачем вода электростанциям

Когда вода приходит к нам в квартиру, самое интересное кончается. Ну, суп сварим, ну, белье постираем. А на заводе, когда приходит вода, самое интересное только начинается. Воду дают пить машинам, а как они пьют и зачем — это бывает по-разному.

Ты, конечно, слыхал про гидроэлектростанции. Словом «гидро» древние греки называли воду. Такие станции вырастают около плотин, пересекающих реку. Плотина поднимает уровень воды. Падая сверху, вода вращает генераторы, дающие электричество.

Другие электростанции называют тепловыми, но и в них работает вода. Здесь тоже стоят один за другим генераторы. Они покрыты тяжелыми панцирями и немного напоминают огромных черепах. Вокруг много труб, по ним и идет вода, вернее, пар. Зачем?

А вот зачем. В соседнем помещении установлены котлы высотой с шестиэтажный дом. В них все время впускают и нагревают воду. В котлах клокочет пар, напирает на стенки, ищет лазейку, куда бы вырваться. И находит — трубы. Пар по трубам направляют к генераторам, он «дует» на лопасти турбин, машина вращается и так же, как на ГЭС, вырабатывает электричество.

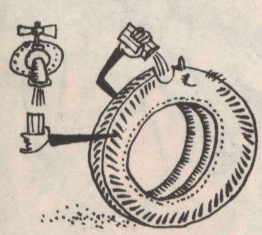
Теперь о панцирях, делающих машины похожими на черепах. Для чего они? Когда машина работает, она сильно нагревается от горячего пара. Чтобы охладить ее, в кожухи подают холодную воду. Техники говорят: машина работает в «водяной рубашке». Это еще одно применение воды. Дальше начинается третье. Вода от машины нагревается, а чтобы ее тепло не пропадало, эту горячую воду по трубам направляют в батареи, которые и обогревают наши дома.

Путешествие продолжается

Заводы и фабрики тратят громадное количество воды. Чтобы приготовить литр пива, берут десять литров воды. Но это пустяки. Вот на тонну рельсов уходит сразу двести тысяч литров воды. А когда делают резину, техника пьет столько, что страшно сказать: два с половиной миллиона литров на каждую тонну! Целая река.

Знаю, знаю, какой ты уже приготовил вопрос. Если, мол, заводы пьют так много, то почему вода еще не кончилась? Как же текут реки? И озера целы? И на дождик хватает?

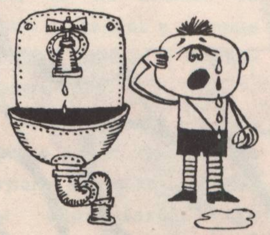
Очень правильный вопрос. Отвечу сразу: во многих городах давно бы уже не осталось воды, если бы заводы не отдавали ее обратно. С заводов и квартир вода отправляется путешествовать дальше. Только не сразу. Ведь она теперь стала очень грязной: где пахнет бензином, где замутилась от красок, а где и вовсе ядовита...

Не думай, что грязную воду просто выпускают в землю. Она тоже течет по трубам (новая паутина труб под землей) и насосами перекачивается на особые предприятия. Их называют станциями аэрации, или еще очистными станциями. И опять начинается сложная работа. Сначала решетки и фильтры задерживают твердые частицы. Другие ловушки вылавливают капли жира. Потом в воду выпускают множество бактерий, которые поедают остатки растворенных примесей. Дальше очередь установок, которые удаляют из воды эти бактерии. Остается чистая вода, пригодная, например, для поливки полей.

На предприятиях очищенную воду снова возвращают к машинам. У инженеров это называется «замкнутый цикл».

Такой порядок приучает относиться к воде с уважением и бережливостью, не расходовать ее зря, чтобы не приходилось зря очищать.

Бережливость — это касается не только больших заводов, но и нас с тобой тоже. И мы можем поберечь воду. Нет, уши, конечно, следует все-таки мыть каждое утро, но потом не забывай плотно прикрутить кран. И еще: когда все в доме ложатся спать, погашен свет, стало тихо, прислушайся-ка... Не капает ли тихонько в ванной или на кухне? «Кап» да «кап», а за ночь успеет убежать сто пятьдесят стаканов. Если же кран будет подтекать круглый год, то пропадет вода, стоящая столько же, сколько коньки с ботинками.

Так что быстренько, на цыпочках сбегай, прикрути кран. Сломался? Тогда завтра обязательно надо будет позвать мастера-водопроводчика, чтоб починил. Ты не забудешь?

В стране шаха, владыки черных и белых полей

ТАИНСТВЕННАЯ РАДИОГРАММА

Все началось с того, что в стране шаха была получена таинственная радиограмма. Цифры, цифры и цифры, что-то совсем непонятное: 1.5254 и если 1... 3735, то 2.7163, а на 1... 5755 2.4244. И в заключение роботы из замка электронов прислали вызов на матч.

Не по себе стало шаху. Арифметику он всегда недолюбливал, а тут какая-то абракадабра.

Ясное дело, пришлось посылать за Пешкиным. Вскоре он прискакал на коне и взялся расшифровывать телеграмму. Трудился долго, но все-таки нашел разгадку.

— Это записаны шахматные ходы,— объяснил он шаху,— только записали их роботы одними цифрами. Вот, например, первая клетка первой вертикали. Две единицы, поставишь их рядом, и получится 11. Или вот в радиограмме 5254. Берем пятую вертикаль вторую клетку. Это и будет 52. Стоит на этом поле белая пешка. Делаем ею ход на две клетки, вот тебе и 54.

Шах удивился такой хитрости, но спорить не стал. Похоже, прав был Пешкин. Видно, надо ехать ему в Страну электронов, все разузнать и толком договориться о матче.

ПЕШКИН В КОМАНДИРОВКЕ

Мигом оформили Пешкину командировку, и отправился он в дальний путь. Ехал он то на конях, то на слонах, то плыл на ладьях и в конце концов прибыл в Страну электронов.

Вошел в замок и попал прямо в зал, где роботы играли в шахматы. Роботы обрадовались его приезду.

— Помоги нам, добрый

человек,— бросились они к Пешкину.— Никак не можем выполнить домашнее задание, потому что запрограммированы мы на три хода, а здесь, наверно, надо сделать мат в четыре хода.

И они сразу усадили Пешкина за стол. Крепкий орешек ему достался. Один вариант провел, другой — не видно мата (смотрите рисунок внизу).

И все-таки Пешкин добился своего: подошел к доске и написал верное решение. Роботы обрадовались, стали переписывать решение.

Я надеюсь, что и вы, ребята, сообразите, как матуют белые черного короля.

1.3138 7178 2.4566 7838 3.4755, и мат на полях 67 или 76 неизбежен. Тем из вас, кто пришлет расшифрованную запись решения, Пешкин засчитает победное очко в своем конкурсе.

ОДИН ПРОТИВ ТРЕХ

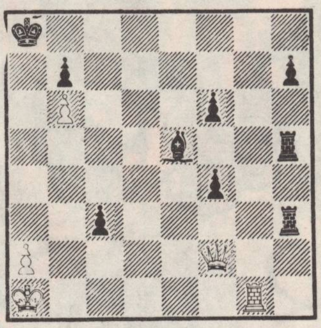
А потом роботы попросили Пешкина провести сеанс одновременной игры. Они бросили в бой трех своих чемпионов: ЭЛ-25, НК-17 и СТ-14. Один другого опаснее.

Упорная борьба развернулась на всех досках. Робот НК-17 уже собрался было торжествовать победу. Но не так уж прост и Пешкин. Эту позицию вы видите на рисунке, открывающем дорогу в страну шаха. Слишком далекими оказались от поля сражения главные резервы черного короля.

И неожиданно здесь последовало 1. Фc6 : b6 ! a7 : b6 2. Кe7—c6+, и, признав свое поражение, робот протянул Пешкину свою руку.

Хорошо складывались дела у робота СТ-14. Но Пешкин не растерялся и в этой трудной позиции.

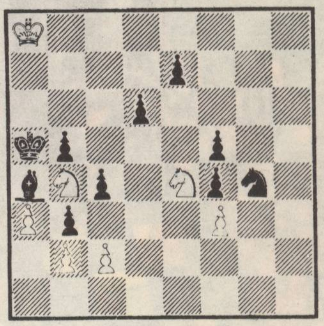
Найдите, ребята, как и в этом положении Пешкин очень быстро заматовал черного короля. Эту позицию Пешкин тоже включил в соревнование.

Но, конечно, самой затяжной и трудной была партия Пешкина с чемпионом-роботом ЭЛ-25. Он смело атаковал и находчиво защищался. Дело дошло до эндшпиля.

Роботы зашумели, заволновались. На краю пропасти оказались белые; и конь у них под ударом и пешка c2. Пешкин долго думал, а потом вдруг объявил:

— Черным мат в пять ходов!

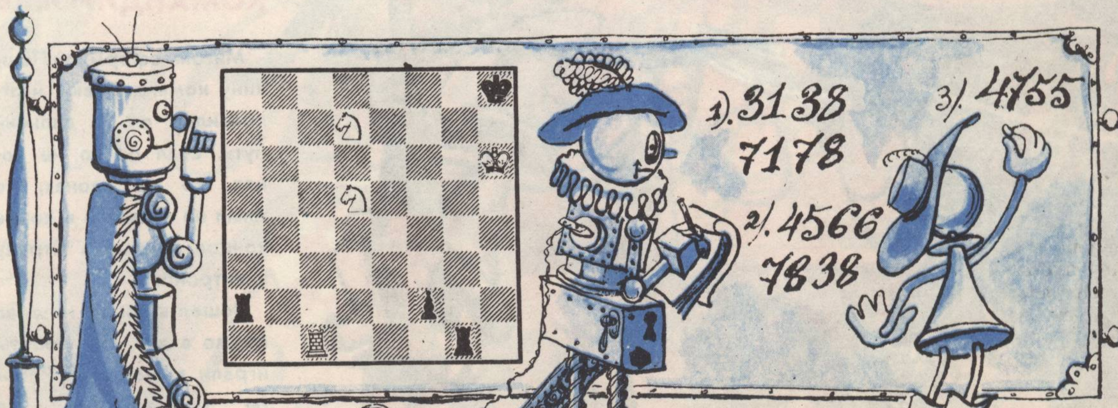
И спокойно перевел короля с a8 на a7.

Отражая угрозу мата, робот ЭЛ-25 сыграл 1...Кg4—e5.

А вот дальше вы, ребята, сами найдите, как завершил атаку Пешкин в этом поединке. Это еще одно задание конкурса.

Когда сеанс закончился, Пешкин уточнил условия заочного матча с роботами и, довольный, вернулся домой.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

СЕРЫЙ ДРАКОН

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Н. СЛАДКОВ

Весной на голых барханах пустыни появляются странные большие следы — то ли зверя, то ли птицы, то ли еще кого.

Если по такому следу пойти, то приведет он тебя к поселению пустынных зверьков — песчанок. А сам скроется в одной из многочисленных песчанкиных нор. В их поселении весь песок в норах, словно ломоть сыра в дырах.

Теперь, если хочешь узнать, кто оставил на песке этот странный след, нужно спрятаться за куст кандыма или саксаула и терпеливо ждать. И уж как повезет: бывает, что сразу, а то и через много часов вдруг высунется из норы длинная плоская морда. Не зверя, не птицы, а ящера — серого варана. Жители пустыни называют его песчаным крокодилом. Но ящер этот не крокодил, он из семейства варанов, он близкий родственник знаменитого гигантского ящера с острова Комодо. Только, конечно, он не такой огромный и охотится он не на кабанов и оленей. Но серый варан — серый дракон нашей пустыни! — тоже не маленький. Он самая крупная наша ящерица — длиной в полтора метра.

Я много о варане слышал, не раз его встречал и много часов провел с ним в песках с глазу на глаз. Об этом записано у меня в путевом блокноте.

У ВАРАНЬЕЙ НОРЫ

«Под кустиком эфедры чернеет нора. Вчера из нее впервые за эту весну высунулся варан. Он увидел меня и медленно упятился в темноту. Сегодня я у норы с утра: хочется разузнать, как варан выходит из норы после своей зимней спячки — полгода без просыпа спал!

Сижу поодаль в жиденькой тени саксаула и не спускаю с норы глаз. Что-то в ней засветлело: медленно — тягуче медленно! — по сантиметру в минуту стал из норы выползать варан.

Ноги мои совсем затекли, замлела спина, жжет раскаленный песок, а варан не торопится. Не сводит с меня золотого настороженного глаза. То язык длинный высунет, словно подразнится, то широко раскроет темное ухо — прислушается. Как-никак, а полгода ничего в норе не видел и ничего не слышал!

Слышно: пустынная синица поет по-весеннему, зверьки песчанки свистят по-птичьи. Видно: человек

сидит у саксаула, песчанки у норок своих замерли, как часовые,— лапки «по швам», черные глаза навыкат, белые усы торчком.

Наконец-то варан весь из норы выполз. Сладко зевнул во всю свою щучью пасть — неужто за зиму не отоспался? — и распластался на горячем песке.

Варан лежит — наслаждается, я сижу — поджариваюсь.

В зеленой осочке желтый суслик мелькает: прыг-скок и столбиком, прыг-скок и столбиком. Танцует жаворонок хохлатый: кружится, топчется, крылышки оттопырил, словно руки в бока! Хохолок дыбом.

Все выше солнце, все горячей песок. Варан наслаждается — иззяб за зиму-то! — а от меня вот-вот дым пойдет.

Двое суток отогревался варан у норы. А потом побрел по песчаным барханам».

В другой раз я видел, как угощала варана... оса! Записано у меня об этом так:

ОСА УГОЩАЕТ ВАРАНА

«Варан высунулся из норы: за ночь прозяб, онемел,— скорее на солнце! Блаженно распластался у входа. Спину — под жаркое солнце, живот — на горячий песок. Сладостное тепло разлилось по холодному телу.

Никому не виден варан: сам — как валик песка, полосы на спине — как тени от веток, желтый глаз — как блестящий камешек. А он все вокруг видит, все замечает.

Вот черная песчаная оса присела у самого носа: волоком притащила большую гусеницу. Гусеницу бросила, забегала по песку, разыскивая свою норку. Варан чуть вперед сунулся и гусеницу проглотил! Оса растерянно покружилась и за второй улетела. Вторую приволокла — он и вторую съел.

Долго бы еще, может быть, оса по глупости своей варана кормила, да только гусеницы для него не еда — лишь аппетит раздразнил. Вот уж удивилась оса, когда вдруг «валик песка» рядом с ней зашевелился и вместе с «тенями» и «блестящими камешками» поднялся на ноги и зашагал в кусты!»

Конечно, случайные гусенички для песчаного крокодила не утешение. Ему нужна настоящая пища. И я опять заглядываю в свой блокнот.

ВАРАН СОБИРАЕТ ДАНЬ

«След варана тянется через барханы от одного поселения песчанок к другому. Песчаный крокодил собирает со своих подданных дань. Появление его в «городке» вызывает переполох. Песчанки с писком ныряют в норы — словно сквозь землю проваливаются! Под землей топот, возня: тревога, тревога! Пыль вылетает из нор, как будто в них взрываются мины.

А где-то в глубине, под землей, продираясь сквозь лабиринты тесных ходов, уже хозяйничает варан, наводя ужас и панику. Достается от него и хозяевам и жильцам. Песчанка замешкалась — очень хорошо, удавчик песчаный в норе заспался — тоже неплохо! Скорпион, фаланга, песчаный таракан — вполне съедобно. Агама, геккон — лучшего и не надо!

Но сегодня варану не повезло. Все тупики облазил, а нашел только компанию бабочек, спрятавшихся в норе от жары. На безрыбье и рак рыба, бабочки так бабочки, хотя, конечно, пища эта несерьезная, легковесная, от нее только в горле першит, как от пыли...

Высунул голову из норы, облизался и не спеша, вразвалку поковылял дальше. Потянулся вараний след к новому песчанкиному «городку» — за новой данью».

Вараны лопают все. Выкапывают из песка черепашьи яйца. Хватают молодых черепах и дробят их зубами, как грецкие орехи. Глотают ядовитых пауков, скорпионов и змей. Говорят, что глотают даже колючих ежей, похожих на клубок колючей проволоки!

В джунглях пустыни — тугайных лесах, куда тоже заходят вараны, они грабят гнезда птиц на земле и в дуплах деревьев. Заползают, бывает, даже в курятники местных жителей, вспугивают с гнезд наседок, а яйца глотают. Один ловец варанов рассказывал, как однажды он добыл варана, у которого нашел внутри дюжину целых фазаньих яиц. Мясо варана вполне съедобно: удачливый ловец на первое ел мясо варана, а на второе — яичницу из фазаньих яиц.

Понятно, что на такой пище вараны быстро набирают вес. Вот выписка из блокнота.

ВАРАН НАБИРАЕТ ВЕС

«Из яйца варанчик вылупляется маленьким — весом в три бронзовых пятака. Потом всю жизнь растет и набирает вес. Вырастет в 80 сантиметров — потянет на полкило. В 90 сантиметров — уже кило двести. Дальше — больше, а раз больше, то тяжелее. В метр длины весит кило пятьсот, в сто пять сантиметров — уже два килограмма. В сто пятнадцать — три, а в сто двадцать — три двести.

Вырастает варан до полутора метров. Это уж не варан, а варанище. Сколько весит он, мне неизвестно. К такому не то что с весами — и с палкой не подступиться!»

На таких крупных варанов раньше специально охотились. Их красивая крепкая кожа шла на изготовление сумочек, туфель, галстуков и поясов. После такой охоты число варанов убавилось, и сейчас их можно встретить только в глухих уголках пустыни. Вреда от них, в общем, большого нет, а вот польза большая: они «пасут» песчанок и других вредных грызунов и не дают им чрезмерно плодиться.

Туркмены рассказывают, что будто бы варан... доит коз! Что будто бы даже слышно, как он чмокает при этом губами, а на козьем вымени остаются царапины от его острых зубов. Но скорее всего это ошибка. Наши крестьяне такое же рассказывают про ужей и птицу козодоя. Птицу даже козодоем назвали. Но ни один натуралист эти предположения не подтвердил. Впрочем, кто его знает: жизнь варанов натуралистам еще очень мало известна...

Но вот что варан умеет хвостом стегать, как кнутом,— это известно всем. Мне, правда, от варана не попадало, но знатоки утверждают, что на ногах от такого удара даже рубец красный вздувается!

Не знаю, кому как, а мне варан симпатичен. Пустыня без варана — это все равно, что горы без орла или море без чаек. Раз природа его сотворила, стало быть, он зачем-то ей нужен. Сейчас люди пересмотрели свое отношение к хищникам: взяты под защиту тигры, барсы, орлы, филины. Слышны голоса в защиту даже волков и ядовитых змей. Тем более нужно взять под охрану варанов — хищников, приносящих пользу.

Я много встречал варанов. Но ни одному не сделал вреда. И охотился на них только с фоторужьем.

Девятый Всемирный

Солидарность, мир, дружба. Эти слова — девиз фестиваля, который откроется этим летом в столице Болгарии Софии. Молодежь хочет мира, потому что мир — это солнце и счастье, покой матерей и цветы в садах. Мир рождает дружбу. Дружба укрепляет мир. А если дружишь, можно ли равнодушно смотреть на друга в беде? Смотреть и бездействовать? Солидарность — это дружба в действии, не на словах, а на деле. Вот что значит девиз Девятого фестиваля.

Девятого? Значит, уже было восемь? Все ли ребята, все ли пионеры это знают? Ты, например? Ведь двадцать один год прошел уже со времени Первого фестиваля. На этой странице ты видишь значки. Значки фестивалей молодежи. Давай посмотрим их внимательно.

1947 год, I фестиваль Прага. Еще израненная войной и фашизмом, еще в развалинах взорванных зданий. Здесь с особой страстью и силой звучали на всех языках слова о мире и дружбе. Это было хорошее начало.

1949 год, II фестиваль, Будапешт.
1951 год, III фестиваль, Берлин.
1953 год, IV фестиваль, Бухарест.
1955 год, V фестиваль, Варшава.
1957 год, VI фестиваль, Москва.
1959 год. VII фестиваль, Вена.
1962 год, VIII фестиваль, Хельсинки.

На фестивалях юноши и девушки не только поют, не только танцуют, не только веселятся. Нет, многие приезжают в города фестивалей, рискуя жизнью и свободой. Приезжают, чтобы рассказать о своей борьбе, о своих надеждах, о своей ненависти к поработителям.

По берлинским площадям шагала в рядах делегатов молодая француженка Раймонда Дьен. Это она легла на рельсы, чтобы остановить поезд с танками и снарядами, предназначенными для войны во Вьетнаме, которую вели в то время французские колонизаторы.

У каждого фестиваля были свои герои, у каждого — свои заботы. Где бы ни собиралась молодежь, слышались отзвуки войны. Война в Индонезии. Война во Вьетнаме. Война в Алжире. Борьба не на жизнь, а на смерть за свободу, за право дышать и называться людьми в Гватемале, в Анголе, в Конго, в Южной Африке, в Панаме, на Кипре, в Греции, в негритянских кварталах «свободной» Америки и снова во Вьетнаме.

Дружить — это не только сочувствовать в беде. Это плечом к плечу встать против общего врага, а общий враг для всех юношей и девушек Земли — это война, бесправие, колониальная неволя, несправедливость.

Когда молодые американцы сжигают свои военные билеты, чтобы не стать убийцами вьетнамских детей,— это солидарность. Когда во Франции собирают трудовые гроши на постройку корабля для народа Вьетнама — это солидарность. Когда юноши и девушки становятся донорами, чтобы кровью своей спасать раненых вьетнамских бойцов,— это солидарность. Когда под полицейскими дубинками и слезоточивыми бомбами протестуют против пыток над греческими патриотами, против смертных приговоров испанским революционерам — это солидарность.

Вот почему это слово — «солидарность» — стоит в девизе фестиваля, впереди слов «мир и дружба».

Брат
Ходжи
Насреддина

Или 15 историй из бесконечной жизни Дахо

Перевели с персидского

Ч. БАЙБУРДИ и Ю. БОРЩЕВСКИЙ

Ходжу Насреддина знают все. На своем ослике он объездил десятки стран и побывал не только на Востоке, но и в Греции и Румынии, Болгарии и Югославии, на Кавказе, добрался и до Америки.

Ходжа пережил все преследования — даже фильм «Двенадцать могил Ходжи Насреддина» не нанес ему существенного ущерба,— но слава его затмила многих, менее энергичных его соратников, и только их земляки помнят и рассказывают о подвигах своих любимцев. Более того, земляки этих неизвестных за пределами своей родины героев утверждают, что Ходжа Насреддин незаконно приписал себе некоторые чужие деяния.

Казвин — древний город, о нем сложено много легенд, и когда-то он был столицей всего Ирана и носил гордый титул «Баб ал-Джаннат», что значит «Врата рая». В средние века на Востоке не только люди, но и города имели титулы: Бухара, например, называлась «Благородной» — «Шариф», Самарканд и Исфахан — «Блистательными», а Багдад — «Прибежищем мира».

Но дело не в титуле, а в географическом положении Казвина. Город этот находится у границы распространения двух языков: к западу от него большинство населения говорит по-азербайджански, а к востоку — по-персидски. Персы шутят, что сами казвинцы говорят по-персидски с азербайджанским акцентом, а по-азербайджански с персидским, и одинаково плохо на обоих языках. Вот на таком казвинском диалекте и говорит Дахо, и по-другому он говорить не может, потому что тогда это был бы не Дахо, а кто-то другой.

Но и этого мало. С давних пор жители Казвина пользуются репутацией самых глупых и простоватых людей в Иране. Конечно, это шутка, пришедшая к нам, как и титулы городов, из средневековья. В Германии славой непревзойденных глупцов обладали жители городка Шильды, знаменитые шильдбюргеры, а в Англии — крестьяне из деревни Готэм, у нас этой чести удостоились пошехонцы. Может быть, казвинцы сами способствовали распространению этой шутки, они даже прозвали свой город «Дахоград», именно так, использовав русское слово. Поэтому не стоит принимать их репутацию всерьез: глупцы ведь не умеют смеяться над собой, а казвинцы любят это занятие — иначе они постарались бы забыть Дахо, который, как вы теперь видите, мог родиться только в Казвине.

Дахо не молод, ему уже шестьдесят лет, но когда он родился, неизвестно, и неизвестно также, жив ли он еще. Скорей всего жив, как и Ходжа Насреддин, с которым у него много общего. Он любит читать книжки и с риском для жизни проверяет правильность вычитанных оттуда сведений. У Дахо целых четыре поместья, однако доходов с них не хватает даже на то, чтобы прокормить двух кошек; от самоубийства его спасла только злость на господа бога, который вопреки ожиданиям оказался чрезвычайно скупым.

Впрочем, рассказы о Дахо перед вами, и вы сами сможете разобраться, что он за человек. Помните только, что он не так прост, как кажется с первого взгляда. А если вам захочется узнать о нем побольше, то прочитайте «Дахо-наме, или Книгу о простаках», которая должна скоро выйти в свет.

ПРИМЕЧАНИЯ

ДЕРВИШ — бродячий мусульманский монах.

ИМАМ — мулла или другой мусульманский священнослужитель.

МЕН — мера веса, около 3 кг.

ПЯТНИЦА — день отдыха, священный день мусульман.

РЕЙ — древний иранский город недалеко от Тегерана.

РИАЛ — серебряная монета.

ФАРСАХ — иранская мера длины, около 6 км.

ШАРИФАБАД — деревня в районе развалин Рея.

Сила Дахо

Зашла как-то речь о силачах. Дахо сказал:

— Вот уже шестьдесят лет сила моя не меняется, какая была в детстве, такая и есть.

— Как это может быть? — спросили его изумленные собеседники.

— Большой камень, что лежит в нашем квартале, знаете? В детстве я его сдвинуть с места не мог и теперь по-прежнему не могу.

Перевозка клевера

Дахо ехал верхом на осле, а на плечах держал огромный тюк камыша.

— Дахо, милый, слезай, навьючь на осла груз, а сам садись сверху,— сказал какой-то прохожий.

— Ты что, думаешь, я глупей тебя?! Я хочу, чтоб осел отдохнул: он с самого утра тюки таскает.

Странная пила

Показали Дахо перочинный ножик и спросили:

— Дахо-джан, что это?

— Что это пила, в том нет сомнения,— ответил Дахо,— но она либо дите, у которого еще не прорезались зубы, либо совсем старуха, у которой все зубы выпали.

Узелок с одеждой и зеркало

Нашел как-то Дахо на дороге узелок и очень обрадовался: развязал его и обнаружил несколько платьев. Живо запустил руку в карман одного платья и извлек оттуда зеркало. Поглядев в зеркало, Дахо увидел там лицо какого-то человека и, с почтением сложив руки на груди, сказал:

— Простите, я не знал, что это ваша одежда.

Завязал он узелок, положил его на землю и, пятясь, удалился.

Ну и глупый народ!

Как-то люди осадили одну крепость. Дахо взял свой щит и палку и отправился к ним на помощь. Какой-то человек запустил в Дахо с крепостной стены камнем и угодил ему в голову. Окровавленный, с разбитой головой, побежал оттуда Дахо, ругаясь:

— Ну и непонятливый народ! Дурак, такой большой щит не смог разглядеть, а в голову попал!

Проверка на практике

Дахо вычитал как-то в одной книжке, что каждый, у кого голова маленькая, а борода длиннее двух сложенных вместе кулаков, глуп. Измерив свою бороду, Дахо убедился, что она немного длиннее.

— Пока никто не обратил внимания, сожгу-ка я этот излишек,— сказал про себя Дахо.

Зажав бороду в кулаках, он поднес торчащий клок волос к огню. Огонь опалил Дахо руки, он выпустил бороду, и вся она сгорела.

Оправившись от ожогов, Дахо написал на полях книги: «Это суждение мы лично проверили на себе и убедились в том, что оно справедливо».

Кувшин с орехами

Однажды Дахо засунул руку в кувшин с орехами, взял в горсть штуки четыре, а вынуть руку не может: сколько ни старается — не идет рука! Поднял он крик:

— Ой, беда! Что теперь мне, однорукому, делать!

Хотел было разбить кувшин — жалко стало, да и боязно руку повредить. Решил идти к лекарю. Встретил по дороге приятеля, а тот спрашивает:

— Дахо-джан, куда это ты с кувшином собрался?

Дахо подробно рассказал ему о своей беде.

— Поставь кувшин на землю,— сказал приятель,— выпусти орехи и вынимай руку!

Дахо так и сделал. Очень он изумился и спросил:

— Но как же достать орехи из кувшина?!

Сорок девять дней месяца

Когда бы ни спросили у Дахо, какое сегодня число, всегда он ошибался. Наконец придумал он выход: чтобы вести правильный счет дням, он добыл себе кувшин и, начиная с первого числа месяца, каждый день бросал туда по камешку. Когда он хотел узнать число, то высыпал камешки и пересчитывал их.

Сын увидел, что отец каждый день достает кувшин и бросает туда камешек. Решив помочь отцу, он взял да и всыпал в кувшин две пригоршни камней.

На следующий день пришли к Дахо гости, кто-то из них спросил:

— Какое сегодня число?

— Подождите, сейчас точно скажу,— ответил Дахо.

Достал он кувшин, высыпал себе в подол камни и давай считать. Вышло шестьдесят девять камней.

«Странно,— подумал Дахо.— Ладно, двадцать дней утаю».

А друзья пристают:

— Дахо-джан, так какое же сегодня число?

— Сорок девятое.

Все засмеялись:

— Бобо, ведь больше тридцати дней в месяце не бывает!

— Да? Вы еще не знаете, что я двадцать дней утаил, а если правду сказать, так сегодня у нас шестьдесят девятое число!

Как избавиться от кошек?

У Дахо было две кошки, которые поедали все, что приносилось в дом. Не раз Дахо ловил их, уносил за город и бросал там, но они всегда возвращались домой. Наконец Дахо не выдержал, поймал кошек и, сунув их в мешок, сказал жене:

— Отнесу их за Рештские ворота и выброшу там!

По пути встретил он Дахо Мамадсана. Поздоровались.

— Куда идешь, дорогой? — спросил Дахо Мамадсан.

— К Рештским воротам.

— Так ведь эта улица ведет к Рейским воротам,— изумился Мамадсан.

— Тсс! — зашептал Дахо.— Замолчи! Там в мешке кошки, услышат, найдут дорогу назад!

Загадка

Собрались как-то несколько человек и загадывали друг другу загадки. Дошла очередь до Дахо. Он спросил:

— Что это за птица: зеленая, сидит на ветке и разговаривает, как человек?

— Это попугай,— сразу ответили ему.

— Нет,— сказал Дахо.

— Так что ж это?

— Рыба!

— Слушай, рыба не бывает зеленой.

— А вот ее взяли и покрасили,— сказал Дахо.

— Ладно. Но ведь рыбы не сидят на деревьях?

— Чепуха! Положите ее на дерево, она и будет там сидеть,— сказал Дахо.

— Что там ни говори, а такими особенностями, какие ты указал, только попугай обладает.

— Если бы это был попугай,— пояснил Дахо,— то не было бы и загадки.

Кто кого разбудил?!

Дахо отправился пешком из Казвина в Тегеран. К вечеру он добрался до Шарифабада и решил провести ночь в местной чайной, чтобы с утра пораньше снова двинуться в путь. Дахо подозвал чайханщика и строго-настрого приказал разбудить его чуть свет, чтоб успеть до восхода солнца пройти часть дороги. Чайханщик пообещал сделать это. В эту же ночь в чайхану случайно забрел дервиш и улегся спать рядом с Дахо.

Когда чайханщик ранним утром разбудил Дахо, тот второпях надел дервишский кулах и отправился в путь.

Взошло солнце, и, пройдя несколько фарсахов, Дахо почувствовал жажду. Наклонившись к источнику, чтобы напиться, Дахо увидел в воде отражение какого-то дервиша в кулахе.

«Ах, проклятый чайханщик! — подумал Дахо.— Ведь просил его меня разбудить, а он дервиша разбудил!»

Вернувшись в Шарифабад, Дахо набросился на чайханщика:

— Пусть сгорит твой отец! Ведь просил тебя меня разбудить, а ты, дурак, зачем в полночь разбудил несчастного дервиша, которому никуда не надо идти?!

Если письмо не дойдет...

Дахо решил написать письмо одному из своих друзей, но не смог вспомнить его адреса. Письмо он все-таки продиктовал, а в завершение попросил добавить: «Если вы не получите это письмо, срочно сообщите, и я напишу еще раз».

Рисунки Э. БУЛАТОВА
и О. ВАСИЛЬЕВА

Не обманешь!

Один казвинец привез из Тегерана электрический фонарь. Его окружила толпа, чтоб посмотреть новинку. Направив луч в потолок базара, владелец фонаря обратился к Дахо:

— Если заберешься по лучу на потолок, я дам тебе пять риалов.

Поглядев на пятно света на потолке, Дахо сказал:

— Нашел дурака! Залезу наверх, а ты выключишь фонарь, и я грохнусь вниз!

Хитрый Дахо

У Дахо заболел зуб. Отправился он к цирюльнику, чтобы вырвать зуб. Цирюльник обычно брал по пять риалов за удаление одного зуба, а тут вдруг поднял цену и запросил с Дахо десять риалов. Недолго думая, Дахо согласился, но вместо больного зуба указал цирюльнику на здоровый, который тот и вырвал.

Дахо сразу же поднял дикий крик:

— Ты зачем вырвал здоровый зуб?!

Перепуганный цирюльник успокаивал Дахо, пока тот не позволил ему вырвать и больной зуб.

Уплатив десять риалов, весьма довольный, Дахо вернулся домой и радостно сообщил:

— Обдурил я цирюльника, в другой раз не будет поднимать цену! Мне-то каждый зуб все равно в пять риалов обошелся!

Хорошо, что сказал

Дахо вместе со своим гостем уснули, уткнувшись головами в одну подушку. У Дахо зачесалась голова, и спросонья он почесал голову соседа. Гость встрепенулся и закричал:

— Что ты говоришь?! Что случилось?!

— Да ничего,— ответил Дахо.— Просто голова зачесалась.

— Братец, так ведь ты мою голову чесал!

— Как хорошо, что ты сказал! — обрадовался Дахо.— А то, сколько ни скребу, никакого толку — все равно чешется.

КОНЕЦ

Петр СТЫПОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение.

ГОСТИ с МИОНА

ПОХИЩЕНИЕ

Был ранний утренний час.

В конце асфальтированной аллеи остановился мотоцикл. Мотоциклист склонился над мотором и принялся ковыряться в нем, то и дело поглядывая в сторону шоссе, по которому время от времени проносились автомобили.

Спустя некоторое время на шоссе появилась серая легковая машина. Замедлив ход, она свернула на аллею. Мотоциклист выпрямился, сдвинув на лоб автомобильные очки, и поднял руку... Машина остановилась.

— А, товарищ Николаев, рад вас видеть! — воскликнул мотоциклист.— Само провидение прислало вас ко мне. У меня тут что-то с мотором неладно. Не откажите в услуге, буду весьма обязан...

— С удовольствием, дорогой Браун.

Шофер вышел из машины.

Это был плотный, несколько флегматичный человек, широколицый и добродушный. Он нажал стартер мотоцикла, мотор молчал. Осмотрел систему зажигания и сразу же обнаружил неполадку.

Пока шофер Николаев возился у машины, Браун достал сигареты и закурил.

— Ну вот, все в порядке! — весело произнес шофер.

— Благодарю вас, дружище! Если бы не вы, пришлось бы мне торчать здесь неизвестно сколько. Не хотите ли сигарету? Это болгарские, чудо!

Николаев взял сигарету. Браун щелкнул зажигалкой.

— А вы за своим инженером? Не рано ли? — спросил Браун.

— В самый раз! Он любит точность. Спасибо за сигарету, действительно хороша...

Николаев вдруг прижал ко лбу ладонь, закрыл глаза, пошатнулся.

— Что с вами? — с озабоченным видом спросил Браун.

— Не знаю, что-то голова кружится...

Браун взял Николаева под руку.

— Сядьте в машину. Не волнуйтесь, сейчас все пройдет!

Из боковой аллеи выехал черный автомобиль. Он остановился как раз в тот момент, когда Николаев с закрытыми глазами упал на руки Брауна.

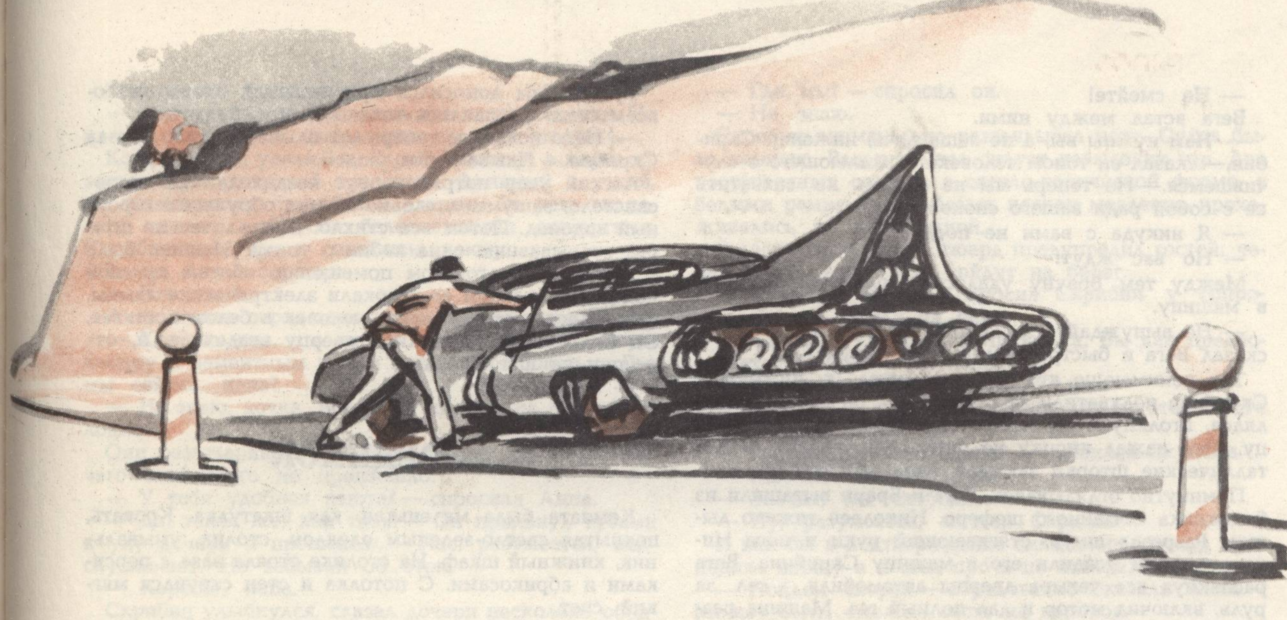
Из машины вышел Вега.

— Все в порядке?

— Да!

— Скорей!

Вдвоем они посадили шофера в машину, сняли с

Рисунки М. АЛЕКСЕЕВА

него пиджак и кепку. Браун тут же надел их на себя. Вега вынул из кармана нейлоновый шнур, связал пленнику руки и запихал ему в рот носовой платок.

— Вы никого не заметили? — спросил он.

— Нет.

Вега быстро оглядел Брауна.

— А вы похожи на Николаева. Не снимайте очков. Ну, с богом!

Аллея по-прежнему была безлюдна.

Подняв шофера, они впихнули его в багажник.

— Садитесь за руль! — распорядился Вега.— И будьте внимательны! Наденьте очки. Мотоцикл я спрячу в кустах. Как только инженер сядет в машину, последую за вами. Действуйте точно по плану.

Браун повел машину по асфальтированной аллее. Вскоре он затормозил перед желтой металлической оградой. За ней среди деревьев белела дача инженера Скрибина. Садовник открыл ворота. Серый автомобиль проехал между двумя каменными колоннами, зашуршал по песчаной дорожке и остановился перед просторной террасой, обвитой хмелем. На нижней ступени мраморной лестницы стоял инженер Скрибин. Высокий, сухощавый, с умным и немного утомленным взглядом — Браун узнал его сразу. В руках у Скрибина был портфель. Когда машина подъехала, инженер взглянул на часы. В эту минуту в дверях показалась красивая, зеленоглазая девушка с чуть вздернутым носиком. «Дочь Скрибина Анна»,— догадался Браун. Она приветливо махнула рукой и улыбнулась.

Браун нагнулся, делая вид, что что-то рассматривает у себя под ногами.

— Что это с вами, дружок! Опоздали на целых три минуты. На вас это непохоже,— сказал Скрибин.

С этими словами инженер энергично распахнул заднюю дверцу машины и, пропустив девушку, сел рядом с ней. Браун похолодел. Черт! Присутствие девушки совсем не входило в их планы. Однако делать было нечего. Он вспомнил наказ Веги — действовать спокойно, быстро и четко...

Автомобиль выехал за ворота и помчался по шоссе. Скрибин развернул газету и стал читать. Анна молча смотрела в окно. Но это занятие ей довольно скоро наскучило, она придвинулась к отцу и тоже углубилась в газету.

Браун уверенно вел машину. Мимо проносились дачи, утопающие в зелени легкие постройки кафе и магазинов.

Но вот дачный поселок остался позади. Машина летела по асфальтированному шоссе.

Дорога впереди разветвлялась. Браун прибавил скорость и повернул вправо. Скрибин и Анна, увлеченные чтением, этого не заметили. Дорога забиралась все круче в гору. С одной стороны шоссе нависли отвесные скалы, с другой открылся сине-зеленый простор моря. Подняв голову, Анна воскликнула:

— Куда же мы едем?

Скрибин оторвался от газеты.

— Николаев! Куда вы едете? — крикнул он.

В зеркало Браун видел машину Веги — она следовала за ними по пятам. Он не ответил и лишь сильнее нажал на акселератор.

— Вы что, пьяны? — Скрибин потряс шофера за плечо.— Зачем вы поехали по этой дороге?

Браун выжал тормоз. Машина замерла посреди шоссе. Слева зияла пропасть. Где-то внизу плескались волны. Позади скрипнули тормоза. Браун увидел в зеркало выходящего из машины Вегу, обернулся и поднял револьвер.

— Спокойно! — проговорил он. Голос его предательски задрожал.

От неожиданности Скрибин и Анна в первую секунду не могли вымолвить ни слова. Браун открыл дверцу. Овладев собой, Скрибин спросил:

— Кто вы?

Браун молчал. Анна, дернув отца за рукав, шепнула:

— Папа, смотри! Очки, пиджак и кепка Николаева!

В это время задняя дверца распахнулась, и Вега самым любезным тоном произнес:

— Не беспокойтесь, товарищ Скрибин. Уверяю вас, ничего плохого с вами не произойдет.

Скрибин невольно потянулся к своему портфелю, лежавшему на сиденье, прижал его к себе.

— Что вам надо? Кто вы?

— Ваш друг,— ответил Вега и улыбнулся своей подкупающей улыбкой.

— Где мой шофер?

— В надежном месте, вы за него не беспокойтесь,— ответил Вега.— Будьте добры, пересядьте в мою машину. Так будет лучше.

Но Скрибин откинулся на спинку сиденья и твердо заявил:

— Мы никуда не пойдем!

— Право на стороне сильного,— заметил Вега.— Прошу вас!

— Вы гангстер! — воскликнула Анна.

Она быстро вышла, намереваясь пересесть за руль, но Вега остановил ее.

— К сожалению, товарищ Скрибин, обстоятельства заставляют нас быть неумолимыми.

— Я отсюда не выйду,— повторил Скрибин.— Анна, сядь ко мне!

Она не успела даже открыть дверцу. Браун схватил ее за руку и потащил к вездеходу. Девушка закричала. Тогда Скрибин выскочил из машины и бросился к Брауну.

— Не смейте!

Вега встал между ними.

— Нам нужны вы, а не ваша дочь, инженер Скрибин,— сказал он тоном человека, сожалеющего о случившемся.— Но теперь мы не можем не захватить ее с собой ради вашего спокойствия.

— Я никуда с вами не поеду!

— Но вас ждут!

Между тем Брауну удалось втолкнуть девушку в машину.

— Не вынуждайте меня прибегнуть к насилию! — сказал Вега и быстро взглянул на Брауна.

Тот понимающе кивнул и подошел к инженеру. Скрибина подхватили за руки, и как он ни сопротивлялся, втолкнули на заднее сиденье и заперли дверцу. Вега нажал кнопку на щитке управления, и металлические шторки закрыли окна машины.

Поминутно оглядываясь, Вега и Браун вытащили из багажника связанного шофера. Николаев тяжело дышал. Разрезав шнур, стягивающий руки и ноги Николаева, они усадили его в машину Скрибина. Вега распахнул все четыре дверцы автомобиля, сел за руль, включил мотор и дал полный газ. Машина развернулась, и едва Вега выпрыгнул из нее, ударилась о придорожный столб и рухнула под обрыв. Когда она, разбитая, смятая, медленно погрузилась в воду, Браун и Вега были уже в вездеходе. Из открывшихся в его обшивке щелей медленно выдвинулись четыре стальных пропеллера. Они вращались все сильнее, и вот наконец, дрогнув, машина легко отделилась от асфальта и, набирая высоту, полетела в сторону моря.

Анна вся дрожала. Темнота действовала на нее угнетающе.

— Не бойся, Аня,— прошептал Скрибин и погладил девушку по волосам. Но голос его прозвучал неуверенно, Анна почувствовала это.

— Что нам делать?— воскликнула она.

— Ну, ну, дочка, без паники! О нашем исчезновении, наверно, уже знают. Ведь у меня в восемь была назначена встреча с директором завода. Ты же знаешь. Александр Павлович наверняка уже поднял тревогу. Да и Николаев тоже...

— А портфель? — спросила Анна.— Они, наверно, за ним охотятся.

— Едва ли. Они не найдут в нем ничего интересного. Кое-какие чертежи... незначительные и неполные. Им нужен я. Это ясно.

Над головой вдруг засвистело, загудело. Дочь и отец почувствовали, что мощная сила поднимает автомобиль ввысь.

— Взлетаем! — воскликнул Скрибин.— У машины такой странный вид. Это вездеход, и я не удивлюсь, если мы опустимся на воду и поплывем!

— Куда же нас везут?

— Узнаем, все узнаем, моя девочка, и будем действовать сообразно с обстоятельствами. Ты только не унывай! Прошу тебя, ты моя дочь и должна уметь владеть собою.

Анна почувствовала в словах отца упрек. Она была дочерью ученого, создателя Жемчужной звезды, искусственной планеты, в металлическом корпусе которой далеко от Земли жили и работали астрономы, метеорологи, геофизики, географы, инженеры.

Год назад коллектив, возглавляемый инженером Иваном Скрибиным, закончил работу над проектом космического города, который будет создан между Землей и Луной. Планета-город будет вращаться вокруг Земли. Мощные грузовые ракетопланы уже доставляли в космос части будущей планеты.

Да, у Анны было основание гордиться своим отцом. И вот теперь они сидят в этой зловещей машине. Что будет с ними? Что будет с отцом?

— Снижаемся,— сказал Скрибин.

Анна и сама почувствовала это.

Машина стала спускаться, медленно и плавно. Где-то над головой послышался шум, напоминающий всплеск воды.

Гул мотора доносился приглушенно, скоро он совсем стих. Слышалось только частое бульканье.

— Надо полагать, теперь мы плывем,— тихо сказал Скрибин.— Плывем под водой.

Легкий удар потряс корпус вездехода. Что-то засвистело, зашумело, словно на них обрушился огромный водопад. Потом все стихло. Металлические шторы, закрывавшие окна кабины, упали. Машина была в узком продолговатом помещении, обитом красной кожей, за стеклом ее сверкали электрические лампы. Открылась дверь, и вошел человек в белом костюме. Он поклонился, распахнул дверцу вездехода и, отступив на шаг, сказал:

— Прошу вас.

ПОЕДИНОК

Комната была маленькая, как шкатулка. Кровать, покрытая светло-зеленым одеялом, столик, умывальник, книжный шкаф. На столике стояла ваза с персиками и абрикосами. С потолка и стен струился мягкий свет.

— Ваша дочь в соседней каюте,— сообщил стюард.— Вы можете видеться с нею, когда пожелаете. Вообще чувствуйте себя абсолютно свободными!

— Свободными! — саркастически повторил Скрибин.— Когда я смогу говорить с вашим шефом?

— Сразу же, как только он освободится. Может быть, через час.

Скрибин посмотрел на стюарда — вряд ли от него можно было узнать что-либо,— но все-таки спросил:

— Где мы находимся?

Тот пожал плечами.

— Мне приказано исполнять все ваши желания. Но на ваш вопрос я, к сожалению, не могу ответить.

Когда стюард удалился, Скрибин вышел в коридор, застеленный ковровой дорожкой. Длинный и узкий, он заканчивался стеклянной дверью. За нею виднелись столы, покрытые белоснежными скатертями. Скрибин постучал в соседнюю каюту.

Голос Анны спросил:

— Кто там?

Анна стояла перед зеркалом и причесывалась.

— Хорошо еще, что нас не посадили в тюремную камеру с цементным полом и ржавой кроватью. Где мы сейчас, папа?

— Не знаю, дочка. Ясно, что плывем на подводной лодке.

Они разговаривали обычным тоном, как будто ничего особенного не произошло.

— У тебя удобная каюта? — спросила Анна.

— Да, такая же, как твоя! — Он прильнул губами к уху дочери и прошептал: — Нас, разумеется, подслушивают. Не забывай об этом.

— Хорошо, папа.

Скрибин улыбнулся, сказал дочери несколько ободряющих слов и ушел в свою каюту, чтобы немного отдохнуть.

Жизнерадостный голос разбудил Скрибина. Он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Анну.

— Папа! Проснись же, папа! Смотри, солнце!

Иллюминатор каюты был открыт, яркий солнечный зайчик трепетал на противоположной стене. Скрибин приподнялся и увидел ясное небо. Увидел мачты судов, дым, валивший из труб. Белоснежные дома, которые, казалось, подпирали небосвод.

— Где мы? — спросил он.

— Не знаю.

Скрибин внимательно разглядывал порт. Судов было немного. Вдали темнел силуэт невысоких гор. Два вооруженных солдата в светло-коричневой форме, с белыми ремнями и в белых касках медленно прохаживались по набережной.

В дверь постучали. Стюард предупредил гостей: через десять минут они сойдут на берег.

— Куда мы идем? — спросил Скрибин у сопровождающего, сойдя на берег.

— Сначала — небольшая прогулка. Вы как предпочитаете? Пешком? На машине?

— Без вас! — сухо ответила Анна.

— В таком случае буду ждать вас на этом месте ровно через час!

— Вы оставите нас одних? — удивился Скрибин.

— Как вам будет угодно...

— Значит, мы свободны?

— Ну, разумеется, мистер Скрибин!

И как бы в подтверждение сказанного стюард приподнял шляпу и пошел прочь по набережной.

— Пойдем скорей, — обрадованно сказала Анна. — Может быть, сможем сесть на пароход.

— Не думаю, — с сомнением произнес Скрибин. — Едва ли все это так просто...

Невдалеке стоял мужчина в рабочем комбинезоне и с любопытством рассматривал иностранцев.

— Послушайте, друг! — обратился к нему Скрибин. — Как называется этот порт?

Рабочий пожал плечами.

— Ах, да! Он не понимает по-русски! — Скрибин повторил свой вопрос по-английски.

— Не знаю, сэр, — ответил мужчина.

— Вы не знаете, как называется этот порт?

— Знаю, сэр, но приказ есть приказ, я не могу сказать вам этого.

— Пойдем, Аня! — сказал Скрибин.

Они пошли по асфальтированной дорожке между газонами, где росли яркие цветы с круглыми, как зонтики, листьями — цветы тропического пояса, и вскоре оказались на краю обрыва. Внизу расстилалась широкая долина. Поросшие высокой травой и кустарником луга чередовались с рощами апельсинов, лимонов, бананов. Над деревьями высились мощные стальные вышки. Они странно контрастировали с пышным пейзажем. В некотором отдалении от них находились огромные корпуса зданий дугообразной и цилиндрической формы. К одной из вышек прилепилась гигантская стальная сигара. Ракета!

К одной из вышек прилепилась гигантская стальная сигара. Ракета!

— Ракетодром! — сказал Скрибин.— А вон там, слева, смотри, Аня!

— Вижу, папа!

На стальных рельсах стоял огромный самолет, своим цилиндрическим корпусом походивший на ракету.

— Ракетоплан,— сказал Скрибин.— Для межпланетных перелетов.

Двое солдат в светло-коричневой форме, как и те, которых они видели в иллюминатор подводной лодки, проходя мимо Скрибина и Анны, козырнули им.

— И эти тоже знают, кто мы,— сказала Анна.

— Очевидно, все предупреждены. Ты поняла, где мы находимся?

— Нет.

— На острове. Поэтому-то нам и предоставлена полная свобода. Однако,— он взглянул на часы,— пора возвращаться, нас, наверное, уже ждут.

Действительно, молодой стюард поджидал их.

— Я хочу встретиться с вашим шефом! — сказал Скрибин.

— Я и собираюсь вас отвести к нему. Прошу!

На стенах светлого просторного кабинета висели картины: бушующее море, горный пейзаж и рядом произведения ультрамодернистов — яркие пятна, непонятные круги, квадраты. На низеньком столике стояли бутылки с напитками, коробки с шоколадными конфетами. Высокий, стройный человек, повернувшись спиной к двери, смотрел на улицу.

— Как, это вы? — удивленно воскликнул Скрибин.— Я просил отвести меня к самому главному...

— Ничего не поделаешь,— сочувствующе вздохнул Вега.— Я и есть тот, кого вы хотели видеть. Я отвечаю за вас.

— Чего вы хотите?

— Сядьте, пожалуйста!

Скрибин опустился в кресло. Вега наполнил рюмки, но Скрибин молча отказался выпить.

Вега нагнулся и включил радиоприемник.

Вега нахмурился. Враждебность Скрибина раздражала его, но он помнил о разговоре со Стариком. При любых обстоятельствах стараться ничем не оскорбить инженера, пока не будут исчерпаны все средства для достижения соглашения. А когда они будут исчерпаны — это мог решить только он, Старик.

— Я удивлен,— холодно начал Скрибин,— что вижу вас. С вами я не хочу говорить. Вы, разумеется, исполнитель чужой воли. Я хочу встретиться с тем, кто стоит за вами. Кто здесь главный?

— На этом острове — я! А мой шеф, которому я должен предоставить вас, находится далеко отсюда.

— Немедленно доставьте меня к нему!

— Не волнуйтесь! Я сейчас все объясню вам. Мы знаем о вас многое! Знаем, что вы спроектировали космический город и теперь руководите его строительством. Мы тоже строим.

— Стройте, ничего не имею против. Только меня оставьте в покое! — возмущенно перебил его Скрибин.— Стройте, черт вас возьми! Но зачем вам понадобилось похищать меня?

— Видите ли, у нас немало достижений в этой области, но в некотором отношении мы все еще отстаем от вас. Мы не похитили вас, а доставили сюда, чтобы договориться...

— Мне не о чем договариваться с вами.

— Мы создадим вам все условия для работы. Дадим все, что пожелаете! Вы будете располагать миллиардами.

Скрибин презрительно усмехнулся.

— Ваши миллиарды не представляют для меня никакой ценности,— сказал он.— Есть нечто несравнимо более важное, чем деньги. Это человеческая совесть! И чувство долга! Да, долга перед родиной, перед своим народом! Я требую, чтобы меня немедленно освободили и дали мне возможность вернуться на родину. Наше правительство сделает все, чтобы раскрыть эту грязную аферу. Вам придется отвечать за свои действия!

На лице Веги появилась скептическая гримаса.

— Видите ли, мистер Скрибин, вы были бы правы, если бы вас считали живым.

Скрибин удивленно посмотрел в холодные глаза собеседника.

— Что за чушь! — возмутился Скрибин.

— Одну минутку...

Вега нагнулся и включил радиоприемник. Полилась музыка, голоса дикторов и певцов сменяли друг друга. Вот зазвучала русская речь:

«...Он был великим ученым...»

Вега воскликнул:

— Слушайте!

«Инженер Скрибин,— продолжал диктор,— обдумал и вместе со своими сотрудниками разработал подробные планы будущего космического города. Ему не удалось их осуществить. Смерть прервала...»

— Прекратите! — закричал Скрибин, вскочив с кресла.— Вы продолжаете свой шантаж! Уверен, что это фальшивка!

Вега щелкнул выключателем, и радио умолкло. Оба молчали несколько минут. Первым заговорил Вега:

— О вашей гибели сообщили даже наши газеты. Вы можете гордиться.

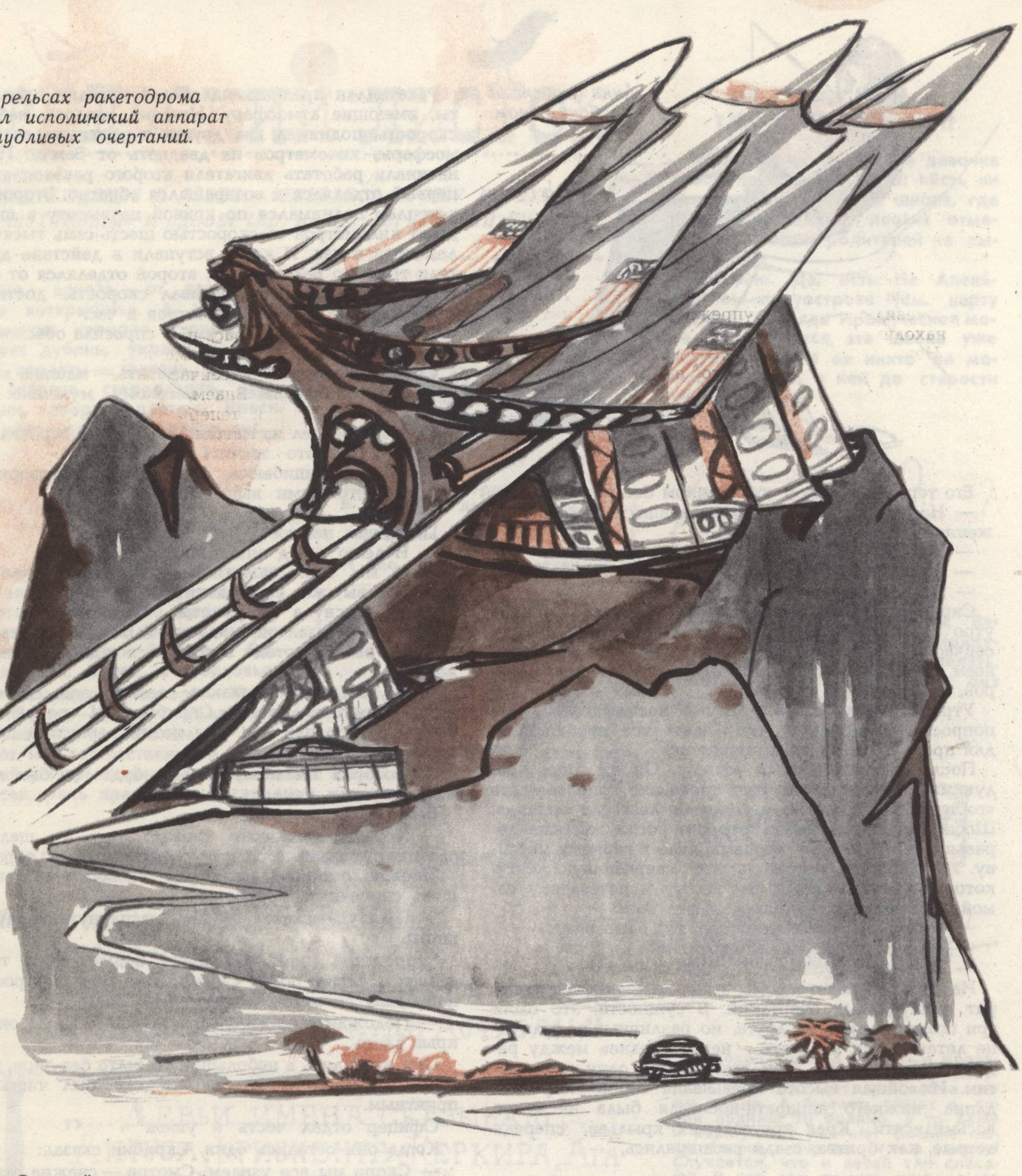
На низеньком столике лежала кипа газет и журналов. Это были советские, болгарские, польские, немецкие, французские, английские газеты. Он взял несколько номеров и протянул Скрибину. Скрибин силился сохранить спокойствие, но сердце его билось быстро и неровно. Скрибин развернул первую попавшуюся и увидел свой портрет. Крупными черными буквами сообщалось о его смерти... Тут же были опубликованы телеграммы с соболезнованием, присланные со всех концов мира. Подробно рассказывалось о жизни выдающегося ученого и его дочери — молодого способного астронома...

Скрибин отбросил газеты, вытер платком выступивший на лбу пот.

— Это невероятно!

— И тем не менее все считают вас погибшим,— невозмутимо сказал Вега.

На рельсах ракетодрома стоял исполинский аппарат причудливых очертаний.

— Они найдут автомобиль и, не обнаружив в нем трупов, поймут, что это не был несчастный случай.

Вега подал Скрибину одну из газет, лежавших перед ним. В ней был помещен снимок разбитого автомобиля.

— Машину уже нашли. Видите, дверцы ее распахнуты. Трупы пока не обнаружены, но поиски продолжаются. Предполагают, что их затянуло в расщелины подводных скал. Но и там, конечно, ничего не найдут. Тогда останется только примириться...

— А мой шофер?

Вега с улыбкой смотрел на Скрибина.

— Он ведь тоже... исчез,— ответил Вега.

— Исчез? Или вы его убили?

Вега пожал плечами.

— Оставим это,— сказал он примирительно.— Вы, Скрибин, умерли для всего человечества. В объединенных социалистических республиках будут чтить вашу память, но это не изменит вашего положения. Вам предстоит начать новую жизнь! Прежде всего мы полетим с вами на нашу искусственную планету. Все наши специалисты будут в вашем подчинении. Вы построите еще более красивый и фантастический город в космосе, а потом и другие города, много городов! Мы завладеем планетами!

Скрибин, устремив встревоженный взгляд на Вегу, проговорил:

— Никогда! Даже если это будет стоить мне жизни!

«НЕТ!»

Скрибин взял Анну за подбородок. Дрогнувшим от волнения голосом сказал:

— Для наших друзей, Анна, мы уже мертвы!

После разговора с Вегой он ничего ей не сказал. До последнего момента надеялся, что все это — шантаж... Но когда ему показали телепередачу из Космограда и он услышал выступления ораторов, все в нем содрогнулось. Вот он, Космоград, Площадь героев... Трибуна... Скрибин не раз в дни больших праздников стоял здесь. Он увидел директора Александра Павловича Солнцева, своих помощников, сотрудников, инженеров, рабочих... Лица их выражали скорбь... Затем на экране телевизора появился зал подземного завода. Рабочие собрались на траурный митинг. Скрибин почувствовал, как комок подкатил к горлу, когда он увидел плачущего вахтера из проходной...

Нет, это не был шантаж!

— В Космограде считают, что мы с тобой погибли в автомобильной катастрофе.— И он все рассказал дочери.

Анна уже спала глубоким сном.

Его терзала мысль о собственном бессилии.

— Но ведь ты никогда не согласишься с их предложением! — сказала Анна.

— Никогда,— ответил Скрибин.

— Даже если они будут угрожать нам смертью?

— Да, Аня.

Скрибин смотрел вдаль. Оттуда, с востока, каждое утро вставало солнце. Вдали от родины они думали сейчас о смерти. А ведь Анна еще и не жила совсем. Она так мечтала стать открывателем новых миров, новых звезд и планет...

Утром пришел слуга с двумя носильщиками. Он попросил Скрибина и Анну взять все необходимое для продолжительного путешествия.

После завтрака явился офицер. Он щелкнул каблуками и доложил, что ему приказано сопровождать «гостей». У подъезда их ждала легковая машина. Шоссе, по обе стороны которого росли высокие деревья с серебристыми кронами, вело к горному массиву. У подножия Скрибин заметил сверкающую ленту, которая тянулась вверх по склону и исчезала у самой вершины. Он шепотом сказал Ане:

— Это эстакада. Теперь ясно, куда нас везут.

— Мы полетим на ракетоплане?

— По-видимому.

На рельсах ракетодрома стоял исполинский аппарат причудливых очертаний. В сущности, это были три похожих друг на друга, но различных по величине летательных аппарата — нечто среднее между ракетой и самолетом. Они помещались один над другим. Их общая высота превышала сорок метров, а длина нижнего аппарата-носителя была не менее восьмидесяти. Края треугольных крыльев, спереди острые, как бритва, сзади расширялись.

Голова Скрибина откинулась на спинку кресла.

Ракетоплан предназначался для посадки на планеты, имеющие атмосферу. Нижний аппарат, набирая скорость, поднимал два других в плотных слоях атмосферы, километров на двадцать от Земли. Потом начинали работать двигатели второго ракетоплана, а первый отделялся и возвращался обратно. Второй ракетоплан поднимался по кривой на высоту в шестьдесят километров со скоростью шесть-семь тысяч километров в час. И когда вступали в действие двигатели третьего ракетоплана, второй отделялся от него. А третий ракетоплан развивал скорость, достигающую десятков тысяч километров в час.

— Папа, куда мы полетим? — спросила обеспокоенная Анна.

Скрибин ничего не успел ответить,— машина затормозила, приблизившись к высокому мужчине. Это был Вега.

Скрибин вышел из машины и холодно спросил его:

— Что все это значит?

— Если не ошибаюсь, вы хотели поговорить с людьми, стоящими выше меня?

— Да.

Помолчав немного, Вега сказал:

— Неделю назад они вылетели на Луну.

— И мы тоже полетим на Луну?

— Но вы же сами хотите...

Анна стиснула руку отца.

— Нет,— сказал он,— мы отказываемся лететь!

— Но вы же хотели встретиться с моим начальством!

— Да, но я отказываюсь лететь для этого на Луну,— повторил твердо Скрибин.— И требую, чтобы вы освободили нас. Мы хотим вернуться на Родину.

Он говорил так повелительно, будто он был здесь начальником.

Вега молча курил.

— Хорошо,— наконец сказал он и щелкнул пальцами, подзывая офицера.— Отведите их обратно!

Машина остановилась перед зданием, напоминавшим спичечный коробок.

— Прошу! — сказал офицер, распахнув дверцу машины.

Скоростной лифт мгновенно поднял всех троих наверх. Офицер повел Скрибина и Анну по просторному залу со светлым мозаичным полом.

— Подождите, пожалуйста, здесь! — сказал он, открыв дверь.

Они очутились в небольшой комнате без окон. Свет лился откуда-то с потолка. Воздух был чистым и приятным.

Офицер отдал честь и ушел.

Когда они остались одни, Скрибин сказал:

— Скоро мы все узнаем. Смотри — свежие газеты. Может быть, есть какие-нибудь новые сообщения о нас?

Анна развернула журнал.

— Вот, смотри,— сказала она, показывая большое фото. Мужчины и женщины собрались в небольшом полукруглом помещении вокруг человека, говорившего что-то. Позади него висел портрет Скрибина.

— Это же Ангелов,— сказала она.— Твой помощник, папа, болгарин с Жемчужной звезды!

Скрибин взял журнал. Да, это было траурное собрание на искусственной планете. Глаза его затуманились, но он взял себя в руки. Нельзя проявлять слабость... особенно перед дочерью.

Словно издалека он услышал голос дочери:

— Ты знаешь, папа, мне ужасно хочется спать...

Он тоже почувствовал странную вялость во всем теле. Веки сами собой закрывались. Он хотел что-то сказать, но не смог. Голова его откинулась на спинку кресла. Анна уже спала глубоким сном.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

АПРЕЛЬСКИЙ ЛИСТОК

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ДЕВИЗ: «СЕРЬЕЗНОЕ ПРОШУ НЕ ПУТАТЬ С ШУТЛИВЫМ» И «ДОВЕРЧИВ, НО НЕ ЛЕГКОВЕРЕН БУДЬ!»

Наше — апрель — от латинского слова «открывать». А у многих славянских народов иначе. Чехи говорят дубень, украинцы — квитень, хорваты — травань, а древние славяне, стародавние наши предки, говорили цветень. Красивы имена весны, не правда ли!

ЗАГОГУЛЬКА *

Теперь уже скоро весна —
Сосна потянулась со сна.
На крышу залез человек
И сбросил лопатою снег.
В Египте, где плещется Нил,
Скворец уже вещи сложил,
И аист, и цапля...
Но крот,
Он спит и не знает забот.

Ребята, кто строить готов
В деревьях деревни для птиц,
Зовем вас, строгать мастеров,
И вас, прибивать мастериц!

* Все стихи Антона Загогулина называются «загогульками».

О ПОГОДЕ В АПРЕЛЕ, О ЛЬДАХ И РЕКАХ...

В первую половину месяца ясно, тепло, во вторую холоднее, а на юге грозы. Конец месяца холодный и мокрый. В середине же вскрываются реки Западная Двина, Москва, Волга в верховьях После двадцатого апреля — Урал и средняя Волга, от Ярославля к Казани. Позже — Вятка и Кама. Особенно важно знать это речным корабельщикам и плотогонам.

Вот как торжественно и важно умеет говорить старый календарь, взятый у старьевщика из груды хлама. Книге этой скоро сто лет, но ум ее ясен, речь прекрасна, а сведения и ныне верны.

ПОЛЕЗНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ И ИНТЕРЕСНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ...

„Кто рожден в месяц Цветень, того звезда — Альдебаран. А имя ему носить: Тит, Феодула, Африкан, Пуд, да еще Фусик, да Асфазан.“

Это все для мальчиков, на выбор. А девочкам вот:

„...Девьи имена сказывают: Анфуса, Крискента, Керкира, Агапия, да Нунехия.“

*Далее очень Растрепанная Книга *, где и нашел я это предсказание, уверенно обещает: «Людям тем благо...» Тут неразборчивое место, смысл же, видимо, таков: все, родившиеся в апреле и названные как следует, могут никогда ничего не учить. Довольно им поглядеть в полночь на свой Альдебаран — и готово: что хотели узнать, уже знают **.*

* Название Растрепанной Книги неизвестно, ибо первый ее лист ныне утерян. Нашедшего прошу послать в «Пионер» А. Загогулину для «Майского листка».

** Хочешь сменить имя, скажи так: «Не Костя я больше, а Феодула!» Однако сделать это надо при всем классе, и чтобы в журнал записали.

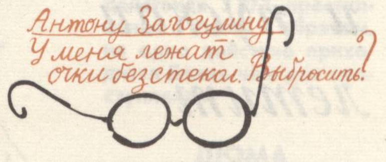
ХОЧЕШЬ ЧТО-ЛИБО не забыть, завяжи, но не бантиком, а на два-три узла, да потуже, шнурки башмаков! Сделаешь это с утра — непременно вспомнишь вечером, и наоборот. Безусловно, веселей завязать чужие шнурки. Но тогда нужную тебе вещь и вспомнит другой. А он-то о твоем не знает! Впрочем, вот выход. Сестра говорит брату: «Вовка, а ты завтра обязательно напомнишь, что мне надо белый фартук взять!»

НЕ СПРОСИШЬ — ТАК И НЕ ОТВЕЧУ!!!

Пять мальчиков и одна девочка в Воронеже хотят знать: «Есть ли хоть где-нибудь такая школа, где на дом не задают, плохих отметок не ставят и родителей не вызывают!!!»

Отвечаю. Да, есть. На Апельсинском полуострове (см. карту Италии), там, где Ироническое море. Но, кажется, эта школа уже переполнена. И ее никто не может окончить, в ней до старости учатся. Да, да!

Отвечаю. Не выбрасывай, Вася П. Лучше носи, пока не придумаешь, что еще с ними сделать. Кстати, у меня лежат стекла без оправы. Сменяемся, Вася!

Ледоход — всегда радость и праздник. Бежит народ к берегу смотреть, как лед идет, как весна зиму ломит. А бывает, тащат с собой льдины то бревно, а то даже и баржу. Тут хватают смелые люди багры, крючья и — в лодку! Случается, что и детей так спасают. Я вот сам помню, как плыла по Москве-реке корова на льдине и так мычала, бедная, — на всю реку! А как снять ее, когда ничего же не понимает! Пришлось вот как поступить: я разделся и в воду. Поплыл, а там и вылез на льдину, в руке веревку держу, а за мной люди в лодке, а у них большущий плакат. На плакате три коровы и луг! Это я нарисовал, но не очень-то получилось — спешил... Ну, веревку я к рогам привязал и все корове на плакат показываю, смотри, говорю! А то как бы она со страху в воду не сиганула! Уговаривал ее даже. И уговорил-таки — узнала она коров на рисунке, и к ним ей захотелось, пошла, пошла. Тут к нашей льдине другую подогнали, и моя корова — прыг! А я-то верхом сидел! Так вот и добрались мы до берега. Мне и медаль вручить хотели, да потом за другими делами позабыли. А вот плакат у меня до сих пор цел.

Ну, будет с вас на первый раз.

Уроженец деревни Малые Бельмесы.
Работаю сейчас сторожем.

Антон Загогу......

и пускай летит в комнату снег...

Зимой в его комнате было холодно, потому что он всегда открывал окно. У него было тяжелое заболевание сердца. Мы об этом знали, все его друзья. И он знал. И мы знали, что он знает. Но никогда он с нами об этом не говорил. И мы с ним никогда об этом не говорили.

В комнату проникали снежинки и тихонько пролетали над его письменным столом, над настольной лампой. Ему всегда было хорошо, когда они оказывались в комнате, ему всегда легче дышалось и работалось.

Так он писал свои первые рассказы. И мы знали, что он их пишет. Догадывались. Но он ничего нам не говорил. Никому из своих друзей. Он писал их и складывал. Он хотел убедиться, что они получились, а чтобы убедиться, надо было проверить. И он проверял их временем. Он был таким писателем. Хотя, может быть, и знал, что времени у него меньше, чем у нас — его друзей, тоже детских писателей,— потому что сердце его было нездоровым. И помогало только открытое окно. И он открывал его даже зимой, и стоял, и думал о своих написанных уже рассказах и о тех, которые еще напишет.

Передо мной его книга, последняя, которую он уже не увидел,— «Города нашего детства». Мне известны в книге все произведения. Они уже были прежде напечатаны в журналах, выходили в других его книгах. Повесть о Камо (Тер-Петросяне) «Тифлисский рассвет». Я читал повесть, и вы, ребята, очевидно, ее читали и помните. И рассказы вы, может быть, помните и знаете. Но такая полная книга Виля Николаевича Орджоникидзе вышла впервые. Здесь собрано все, что он написал для вас, что он не сразу показывал и что у него долго лежало в столе, что он проверял временем.

Я часто говорил с ним о бесстрашном революционере Камо. Вернее, он говорил, а я слушал. Потому что Виль родился и провел детство в Тбилиси, городе, в котором Камо тоже провел большую часть своей легендарной жизни. Он знал все о Камо, и он написал о нем повесть и подарил ее вам, вашему детству. Чтобы вы восхитились этим человеком и полюбили его так же, как полюбил его в детстве Виль. Жизнь Камо — это мужество, это «сказочная смелость», как сказал Алексей Максимович Горький. И, может быть, пример Камо помогал Вилю в его поистине мужественной борьбе с болезнью, в особенности в последние годы жизни, когда болезнь очень осложнилась.

Я перелистываю знакомые мне рассказы: «Выстрел», «Часы», «Негатив», «Воронок», «Стриж», «Вечерняя песня». Я хорошо помню рассказ «Домик у края пустыни» о маленьком железнодорожном домике, на стене которого темным камнем был выложен номер «186», где ходил поезд «Ученик»,— возил когда-то ребят в школу, в город. Помню Андрюшу из рассказа «Канадская клюшка» и ребят из рассказа «Голубое такси». Эту историю о первых такси в городе Виль вспоминает вместе со своим другом детства Константином Геворковичем Бахчиевым, когда они уже стали оба совсем взрослыми. Виль Орджоникидзе стал детским писателем, а Константин Геворкович — подполковником.

А вот начало другого рассказа — «Пенальти»: «Города нашего детства... Куда бы ни попали мы потом, в каком бы дальнем краю или столице ни проходила наша взрослая жизнь, мы неизменно вспоминаем о вас с нежностью...» И эта память о детстве, эта нежность, она живет на каждой страничке книги, в каждом рассказе. Виль Николаевич Орджоникидзе стремился передать ее вам, юные читатели, чтобы у вас была такая же нежность к городам вашего детства. Чтобы вы гордились вашей страной, вашей Родиной. Чтобы вы гордились ее великим революционным прошлым и помогали создавать будущее, достойное этого великого прошлого.

Я пишу о Виле Орджоникидзе. Иногда кладу ручку и подхожу к окну. Зима. Мороз. Распахну сейчас окно.

И пускай летит в комнату снег...

М. КОРШУНОВ

сказки старого друга

Кто из вас не слышал о «Приключениях Чиполлино» — знаменитой сказке *Джанни Родари!* Его новая книжка — тоже книга сказок. Их тут целых пятьдесят восемь! Только все они очень короткие. Почему? Об этом вы догадаетесь, взглянув на название книги — *«Сказки по телефону»*.

Дело в том, что все эти сказки рассказывает синьор Бьянки, который служит в торговой фирме и разъезжает по разным уголкам Италии. Каждый вечер он непременно звонит домой и рассказывает своей дочке очередную сказку. Но междугородные разговоры очень дороги, а синьор Бьянки небогат. Поневоле приходится ему делать свои сказки такими короткими...

Но на самом-то деле сочинял эти сказки все-таки не синьор Бьянки, а Джанни Родари.

Сказка на то и сказка, что происходить в ней может все, что угодно, а участвовать в ней могут самые необычные герои. Вот и в сказках Родари чего и кого только не встретишь! Дом из мороженого, шоколадную дорогу, дождь из леденцов, девочку, провалившуюся в... будильник, парикмахера, купившего не что-нибудь, а весь город Стокгольм — столицу Швеции,— и даже человечка из ничего...

И все же, если вы думаете, что писатель рассказывает такие воистину необычайные истории только, чтобы повеселить вас, вы ошибаетесь. Вчитавшись в них повнимательней, вы поймете, что главное тут не в том, где и с кем это все происходит, а в характерах героев сказок. Легко заметить, что особенно сочувствует автор героям настойчивым, неугомонным, ищущим, будь то фиалка, попробовавшая расцвести на Северном полюсе, потому что ведь «надо же было кому-то начать», молодой рачишка, который вопреки рачьим обычаям научился ходить «не пятясь задом, а вперед, как лягушки», или, наконец, маленький Мартино, рискнувший отправиться в путешествие по дороге, которая, по всеобщему мнению, «никуда не вела».

Не знаю, известна ли Джанни Родари наша замечательная песня «Веселый ветер» из фильма «Дети капитана Гранта». Но главные слова этой песни — «кто ищет, тот всегда найдет» — вполне можно поставить эпиграфом к его новой книжке.

Перевел сказки на русский язык А. Коротков. А веселые рисунки к ним сделал художник Лев Токмаков.

С. СИВОКОНЬ

Любимая папка *профессора Коллекциани-Собирайлова*

ПЕРЕД СУДОМ ДРАМАТУРГ

В 1901 году в городе Флоренции перед судом предстал драматург Уллис Барбиери. Драматурга судили за преступный дух его пьес.

Прокурор подсчитал, что в драмах Барбиери 1 473 действия, а в этих действиях 3 873 преступления. Таким образом, на одно действие приходится более чем два преступления.

ДЮМА НЕ РАСТЕРЯЛСЯ

На благотворительном базаре к Дюма подошел барон Ротшильд и сказал, что хотел бы иметь автограф писателя. Дюма написал несколько слов в записной книжке, вырвал листок и подал Ротшильду.

Там было написано: «Получено две тысячи франков от барона Ротшильда на благотворительные цели. Александр Дюма».

Барону пришлось раскошеливаться.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

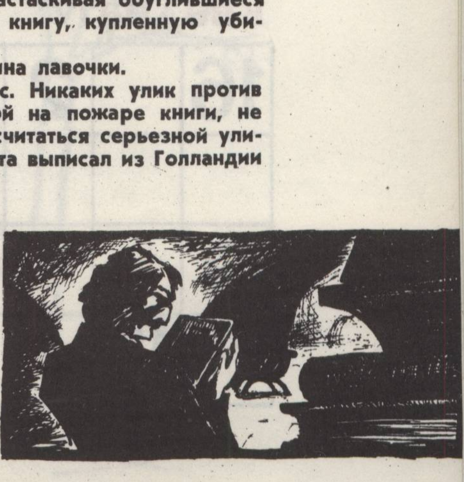
Лет двести тому назад в Испании, в городе Барселоне, открылась лавка всяких чудес и древностей.

Среди прочих предметов были в лавке ценнейшие старинные книги. Всякий раз, когда спрашивали хозяина о цене этих книг, он хмурился и называл несуразно большие цифры.

И все же несколько книг было продано. Вскоре после этого один из покупателей был убит. Преступление так и осталось бы нераскрытым, если бы в лавке не случился пожар. Растаскивая обуглившиеся половицы, пожарные нашли книгу, купленную убитым.

Подозрение пало на хозяина лавочки.

Начался судебный процесс. Никаких улик против букиниста, кроме найденной на пожаре книги, не было. Да и книга не могла считаться серьезной уликой, так как адвокат букиниста выписал из Голландии каталог одной книготорговой фирмы, которая предлагала точно такую же книгу.

Когда судья зачитал эту страницу каталога, обвиняемый зарыдал.

— Вы сознаетесь в преступлении!—спросил судья.

— Да, но это теперь неважно,— ответил букинист,— я считал, что мой экземпляр этой книги — единственный.

У м а п а л а т а

Дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

На экспертизу!

Из парижского музея «Сурир» («Улыбка») была похищена знаменитая картина художника Пьера Ами «На контрольную по алгебре!».

Полиция вскоре напала на след преступников и нашла украденную картину. Но когда ее сличили с фотографией, сделанной с подлинника, то увидели, что у похитителей была искусно сделанная копия. Сличите и вы снимок и картину. Какие семь неточностей допущены при копировании?

магический квадрат

16		2	
			8
9			
	15		1

3 7

4 10 13

5 11 14

6 12

Разделив квадрат на шестнадцать одинаковых частей, маг и волшебник Гострадамус несколько ночей укладывал на нем вырезанные из картона квадратики, на которых были написаны числа от 1 до 16. Он хотел их расположить так, чтобы в каждом столбце по горизонтали и по вертикали, а также по обеим диагоналям квадрата четыре числа в сумме составляли 34. Наконец решение было найдено. О, нет, напрасно его соперник Страдономус убеждал всех, что с этой задачей Гострадамусу не справиться! Смеясь, он не заметил, как сдул десять квадратиков с числами. Не поможете ли вы Гострадамусу уложить их на место?

НАДПИСИ НА МАРСЕ

Внимание! Внимание! Недавно мы получили важное сообщение! Ночью 31 марта на Марсе были зарегистрированы вспышки ярко-зеленых световых сигналов.

Три обсерватории прислали нам запись этих сигналов, не успев расшифровать их:

Я ЛЕР ПАМЫ ВРЕПС

ЯЛ ЕРПА МЫВ РЕПС

ЯЛЕРПА МЫВРЕП С

Может быть, вы их расшифруете?

Удивительные фамилии

СТАРУЖИЛИН
КОХУДЖИН
ТИРАХТЕРКО
ТЕРАПАЛЬПЕДОВ
РЕРАТЕВИН
АЛЕРБИНА
СТИБУКИН
ПОСАЖКИН
РОМХЕТАБКИН
ЦЕПРАДОВ

Это десять фамилий моих друзей. Внимательно посмотрите на них и напишите нам, какая профессия у каждого из них.

А теперь загляни на обложку. Там ты увидишь еще одну интересную игру — «Закон джунглей».

Ответы на задачи, помещенные в № 3

Спасите басню!

В басню нужно вставить такое четверостишие:

Пантера, попугай, питон,
Волк, колорадский жук, бизон.
Сом, ястреб, майский жук, удод,
Лис, краб, куница и койот.

Соврал ли барон Мюнхаузен?

Барон Мюнхаузен на этот раз сказал правду. Он заказал себе три блюда: суп (мач), бифштекс (ахи), пирожное (кули).

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СМЕХОТРОНА

Мальчик из пионерского лагеря пишет письмо родителям: «Благодарю вас, папа и мама, за большое письмо. Отвечу, как только успею прочитать его».

— Петров, как ты докажешь, что Земля круглая?
— Я этого никогда и не утверждал.
— Ты летал когда-нибудь на самолете?
— Да.
— И не боялся?
— Только в первый раз.
— А потом?
— Потом я больше не летал.

Без слов...

Мальчик в аптеке сказал продавцу:
— Мама велела мне заказать лекарство, но я помню только, что оно начиналось так: медитилминодиметилфеникспираголенафтол...

Так безопаснее

Почетная Клетчатая тетрадь Икса, Игрека и Зета

Сегодня Трое Неизвестных открывают первую страничку своей Клетчатой тетради. В № 1 они пообещали занести в нее первые пять фамилий тех, кто раньше других пришлет правильное решение задачи «Сколько на елках иголок».

Вот первая пятерка:

Андрей Петрицкий,
Галя Брагинская,
Володя Шинкин,
Оля Дмитриевская,
А. Калязин.

Четверо из ребят — москвичи. Только Володя Шинкин, которого Неизвестные уже отмечали,— из города Калининграда, Московской области. Конечно, москвичам было легче опередить всех ребят—ведь они первыми получают журнал.

Трое Неизвестных решили поэтому не ограничиваться первой пятеркой, а занести в тетрадь еще пять фамилий ребят из других мест. Эти ребята тоже решили задачу правильно и быстро прислали свои решения в редакцию:

ленинградцы **Маша Беляева** и **Николай Сергеенко,**

пятиклассник **Володя Пржиялковский** из Минска,

Нина и **Таня Коломиец** из города Конотопа, Сумской области,

пятиклассница **Наташа Лебедева** из Риги.

Всем, кто правильно решил задачу (верное доказательство напечатано в № 2), будет интересно узнать, что в своих рассуждениях они использовали принцип Дирихле. В шуточной форме он звучит так: невозможно разместить семь зайцев в пяти клетках, если в каждой клетке разрешается посадить не более одного зайца. Принцип Дирихле назван так по имени немецкого математика Карла Густава Лежена Дирихле, который им очень успешно пользовался.

Хотите еще раз попробовать свои силы? Вот новая задача, решение которой основано на том же принципе Дирихле.

Однажды в классе, где училось 30 школьников, был диктант. Хуже всех написал диктант один мальчик — он сделал 12 ошибок. Докажите, что в классе по крайней мере трое ребят, которые сделали одинаковое число ошибок.

СОДЕРЖАНИЕ

●

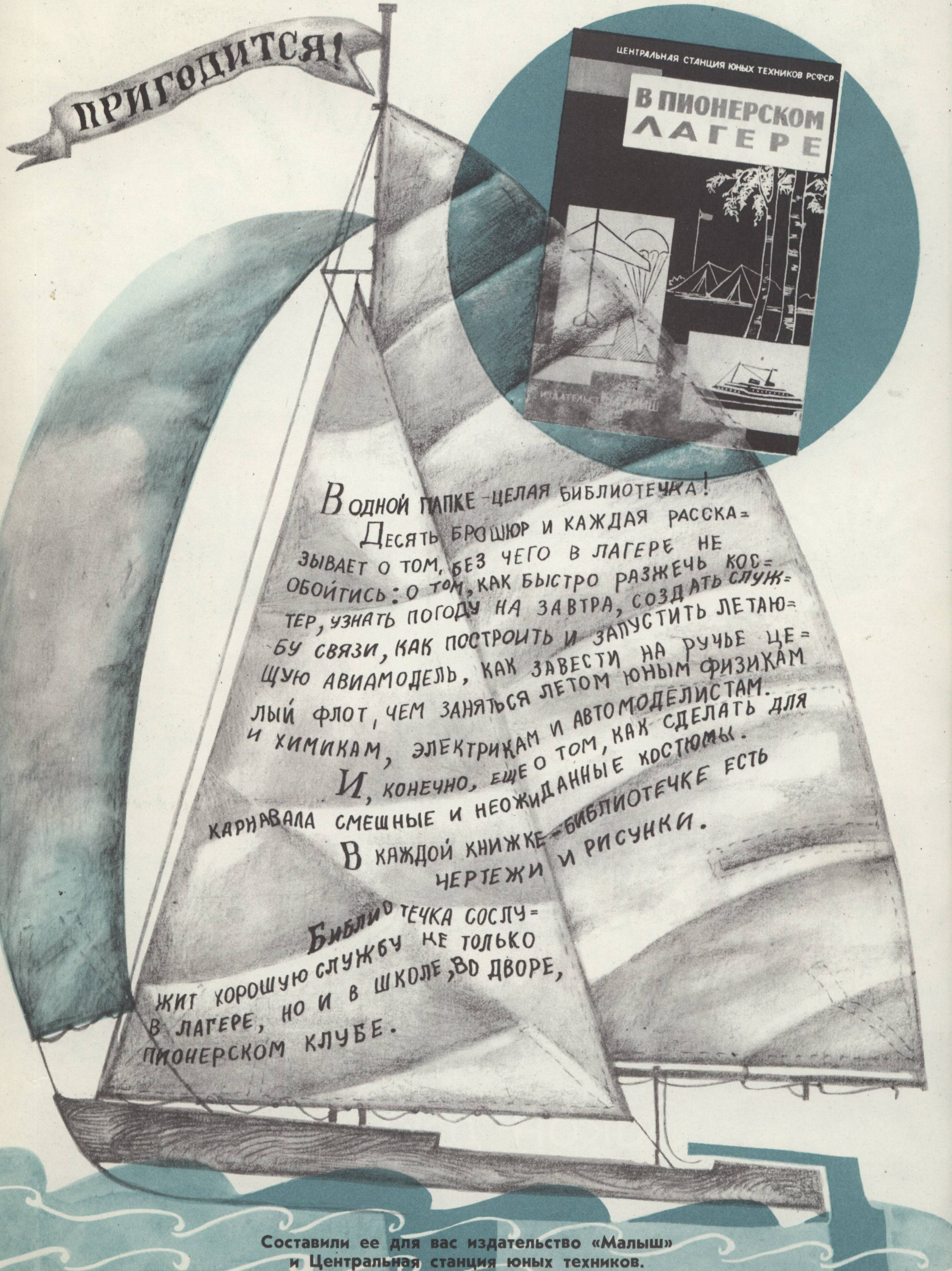
●

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

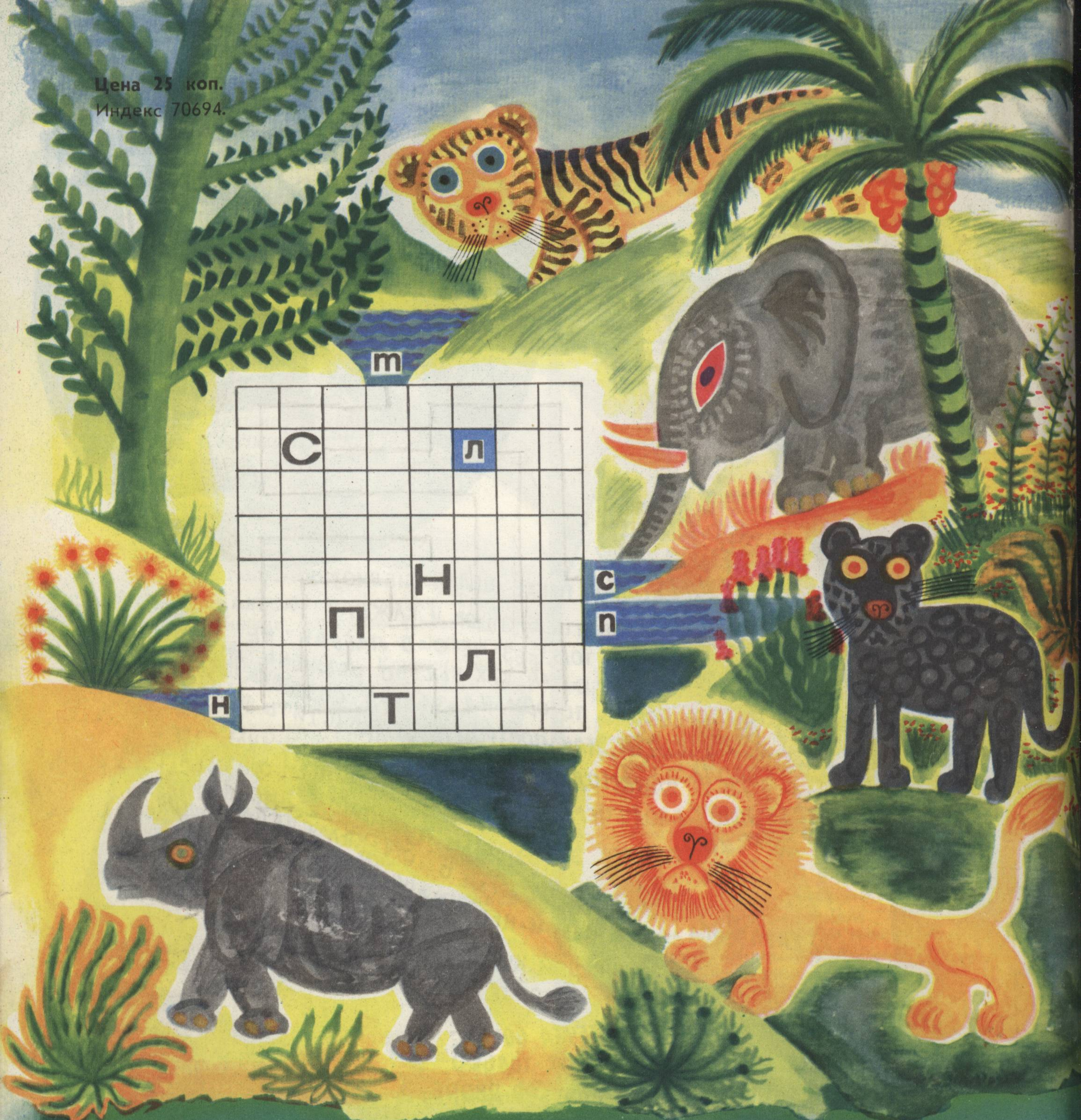
Рукописи не возвращаются.
Технический редактор В. Пархоменко.

А 00043. Подписано к печати 15/III 1968 г. Формат бумаги 60×84¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 933 500 экз. Изд. 627. Заказ № 977.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПРИГОДИТСЯ!
ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ РСФСР
В ПИОНЕРСКОМ ЛАГЕРЕ
В одной папке — целая библиотечка!
Десять брошюр и каждая расска=
зывает о том, без чего в лагере не
обойтись: о том, как быстро разжечь кос=
тер, узнать погоду на завтра, создать служ=
бу связи, как построить и запустить летаю=
щую авиамодель, как завести на ручье це=
лый флот, чем заняться летом юным физикам
и химикам, электрикам и автомоделистам.
И, конечно, еще о том, как сделать для
карнавала смешные и неожиданные костюмы.
В каждой книжке-библиотечке есть
чертежи и рисунки.
Библиотечка сослу=
жит хорошую службу не только
в лагере, но и в школе, во дворе,
пионерском клубе.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

Закон джунглей

Суров закон джунглей: у каждого зверя своя тропа к водопою. Другие не смеют на нее ступить, не смеют ее пересечь. Звери могут идти только по горизонтали и вертикали.

Найдите тропу каждого из нарисованных здесь зверей к источнику. Помните, тропы не должны ни пересекаться, ни налагаться друг на друга. Для удобства обозначьте тропы разными цветными карандашами.